ФАНТАСТИКА ФЭНТЕЗИ 3#2000

ФАНТОМ

WWW.FANTOM.RU

ЖУТКАЯ
СОСАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

ДРЕВНИЕ БОГИ
ВОЗВРАЩАЮТСЯ

МАКС ФРАЙ
ОБЗОРЫ

СЕКС
В ФАНТАСТИКЕ...?!

+3
НОВЫХ
КОМИКСА

4 600000 060033

ТЕРРИТОРИЯ ФАНТАСТИКИ

ТЕРРИТОРИЯ ФАНТОМА

КОМИКСЫ

ТЕРРИТОРИЯ ФЭНТЕЗИ

ВСЕ РАССКАЗЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ЖУРНАЛЕ, ЯВЛЯЮТСЯ ФАНТАСТИЧЕСКИМИ, СОБЫТИЯ, ОПИСАННЫЕ В НИХ – ВЫМЫШЛЕННЫЕ И НИКОГДА НЕ ИМЕЛИ МЕСТА В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. ЛЮБЫЕ СОВПАДЕНИЯ ИЛИ АЛЛЕГОРИИ НЕ ИМЕЮТ СВОЕЙ ЦЕЛЬЮ ОПОРОЧИТЬ, ОСКОРБИТЬ ИЛИ УНИЗИТЬ КОГО-ЛИБО

ЕДАКЦИЯ
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Хихус Х. Хихус
(xixyc@fantom.ru)
ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР
Наталья Монастырева
(qqma@fantom.ru)

ART
АРТ-ДИРЕКТОР
Казя Х
(art@fantom.ru)

ДИЗАЙН ВЕРСТКА
Таня Отакуева
(osyako@xaker.ru)
Николай Маркеллов

ОБЛОЖКА
Петр Семка
Владимир Смирнов

РЕКЛАМА
РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛА
Игорь Пискунов
(igor@gameland.ru)
МЕНЕДЖЕРЫ ОТДЕЛА
Алексей Анисимов
(anisimov@gameland.ru)
Ольга Басова
(olga@gameland.ru)
Виктория Крымова
(vika@gameland.ru)
тел.: (095) 229.43.67
(095) 229.28.32
факс: (095) 924.96.94

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА
РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛА
Владимир Смирнов
(vladimir@gameland.ru)
МЕНЕДЖЕРЫ ОТДЕЛА
Андрей Степанов
(andrey@gameland.ru)
Самвел Анташян
(samvel@gameland.ru)
тел.: (095) 292.39.08
(095) 292.54.63
факс: (095) 924.96.94

UBLUSHING
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ЗАО "Гейм Лэнд"
ДИРЕКТОР
Дмитрий Агарунов
(dmitri@gameland.ru)
ФИНАНСОВЫЙ ДИРЕКТОР
Борис Скворцов
(boris@gameland.ru)
Издатель
Сергей Лянге
(serge@gameland.ru)

ЛЯ ПИСЕМ
101000, Москва,
Главпочтампт,
а/я 652, Фантом

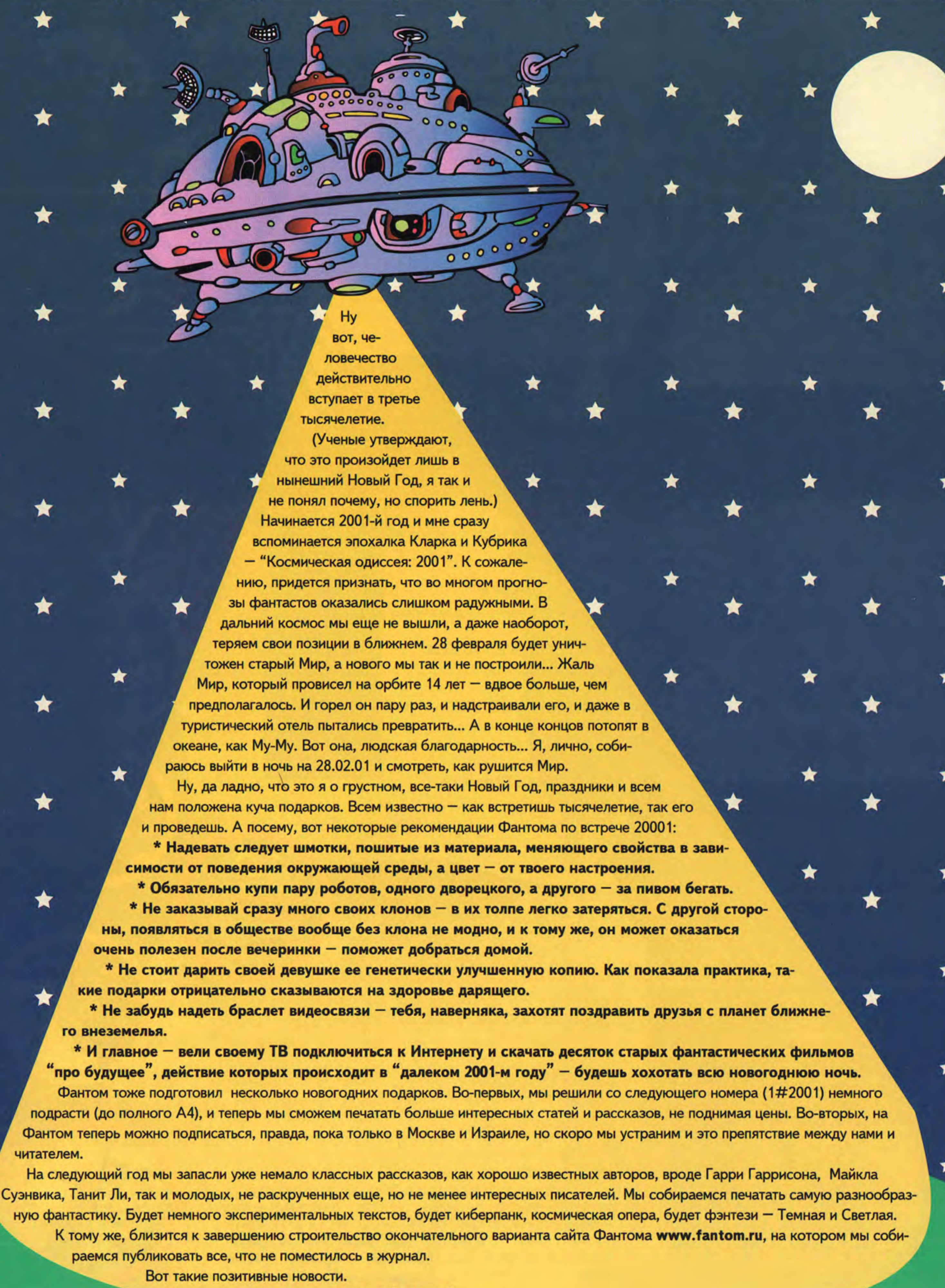
WEB-SITE
E-MAIL
http://www.fantom.ru
fantom@fantom.ru

WWW-РЕДАКТОРЫ
Григорий Батанов
sartory@fantom.ru
Владимир Обручев
bigboss@fantom.ru

ольшое спасибо всем, кто помогал нам:
. Корженевскому, В. Баканову,
. Хмельницкому, Л. Каштанову,
. Боровому, Марте

Отпечатано в типографии
«ScanWeb», Финляндия
арегистрировано в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещанию
и средствам массовых коммуникаций
ПИ № 77-3895 от 30 июня 2000 г.

Тираж **9 000** экземпляров.
Цена договорная.

Ну вот, человечество действительно вступает в третье тысячелетие.

(Ученые утверждают, что это произойдет лишь в нынешний Новый Год, я так и не понял почему, но спорить лень.) Начинается 2001-й год и мне сразу вспоминается эпохалка Кларка и Кубрика — "Космическая одиссея: 2001". К сожалению, придется признать, что во многом прогнозы фантастов оказались слишком радужными. В дальний космос мы еще не вышли, а даже наоборот, теряем свои позиции в ближнем. 28 февраля будет уничтожен старый Мир, а нового мы так и не построили... Жаль Мир, который провисел на орбите 14 лет — вдвое больше, чем предполагалось. И горел он пару раз, и надстраивали его, и даже в туристический отель пытались превратить... А в конце концов потопят в океане, как Му-Му. Вот она, людская благодарность... Я, лично, собираюсь выйти в ночь на 28.02.01 и смотреть, как рушится Мир.

Ну, да ладно, что это я о грустном, все-таки Новый Год, праздники и всем нам положена куча подарков. Всем известно — как встретишь тысячелетие, так его и проведешь. А посему, вот некоторые рекомендации Фантома по встрече 20001:

*** Надевать следует шмотки, пошитые из материала, меняющего свойства в зависимости от поведения окружающей среды, а цвет — от твоего настроения.**

*** Обязательно купи пару роботов, одного дворецкого, а другого — за пивом бегать.**

*** Не заказывай сразу много своих клонов — в их толпе легко затеряться. С другой стороны, появляться в обществе вообще без клона не модно, и к тому же, он может оказаться очень полезен после вечеринки — поможет добраться домой.**

*** Не стоит дарить своей девушке ее генетически улучшенную копию. Как показала практика, такие подарки отрицательно сказываются на здоровье дарящего.**

*** Не забудь надеть браслет видеосвязи — тебя, наверняка, захотят поздравить друзья с планет ближнего внеземелья.**

*** И главное — вели своему ТВ подключиться к Интернету и скачать десяток старых фантастических фильмов "про будущее", действие которых происходит в "далеком 2001-м году" — будешь хохотать всю новогоднюю ночь.**

Фантом тоже подготовил несколько новогодних подарков. Во-первых, мы решили со следующего номера (1#2001) немного подрасти (до полного А4), и теперь мы сможем печатать больше интересных статей и рассказов, не поднимая цены. Во-вторых, на Фантом теперь можно подписаться, правда, пока только в Москве и Израиле, но скоро мы устраним и это препятствие между нами и читателем.

На следующий год мы запасли уже немало классных рассказов, как хорошо известных авторов, вроде Гарри Гаррисона, Майкла Суэнвика, Танит Ли, так и молодых, не раскрученных еще, но не менее интересных писателей. Мы собираемся печатать самую разнообразную фантастику. Будет немного экспериментальных текстов, будет киберпанк, космическая опера, будет фэнтези — Темная и Светлая.

К тому же, близится к завершению строительство окончательного варианта сайта Фантома **www.fantom.ru**, на котором мы собираемся публиковать все, что не поместилось в журнал.

Вот такие позитивные новости.

Добро пожаловать в будущее!

Фантом

ТЯТЯ ТЯТЯ!!
НАШИ
SETI
ПРИТАЩИЛИ...
НАЧАЛАСЬ ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ "ФАНТОМ".
ПОДПИСКУ МОЖНО ОФОРМИТЬ НА ЛЮБОЙ СРОК, НАЧИНАЯ С ДЕКАБРЯ ЭТОГО ГОДА ("ФАНТОМ" #3). ЖУРНАЛ БУДЕТ ДОСТАВЛЯТЬСЯ КУРЬЕРОМ В ПРЕДЕЛАХ МОСКВЫ. ДОСТАВКА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ КАК ПО ЧАСТНЫМ АДРЕСАМ, ТАК И НА СЛУЖЕБНЫЙ АДРЕС. ЦЕНА ЖУРНАЛА С ДОСТАВКОЙ 56 РУБЛЕЙ.
ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ "ФАНТОМ" И ПОЛУЧИТЬ БОЛЕЕ ПОДРОБНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ПОДПИСКЕ МОЖНО ПО ТЕЛЕФОНАМ ФИРМЫ "ИНТЕРПОЧТА"
921-1138 \1142 \0834 \0508 \2988
925-0794 \3760 \2206

ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА С НОМЕРНЫМИ ЗНАКАМИ МИННЕСОТЫ

Как сообщил нам автор, этот забавный рассказ - один из серии, называющейся "Закусочная Гарри". Если он вам понравится, напишите мне, и я договорюсь с Гарри, чтобы он рассказал нам о своем теневом бизнесе подробнее...

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: А. КОНДРАКОВ

С его полуночными клиентами, вообще, все было не просто. Гарри был уверен, что кое-кто из них и вовсе не люди.

– Да, я возьму это, – согласился Гарри и утвердительно кивнул. Клиент с облегчением улыбнулся. Спасибо, – поблагодарил он. – И еще спасибо за гамбургер.

Он направился к двери.

– Заходите в любое время, – махнул ему рукой Гарри.

Он бросил взгляд в окно, чтобы проверить, не прояснилось ли небо на востоке. Определить это было чертовски трудно из-за ярких огней в закусочной, но Гарри пока не собирался гасить свет, даже если сюда больше никто не заглянет.

Ранее чем через час посетители не ожидались. Полуночные "чудики", его самые выгодные клиенты, которые обеспечивают ему большую часть годового дохода, в это время уже не заходят, а для завтрака дальнобойщиков еще рановато. Дневная смена в его закусочной появится не раньше восьми утра.

Гарри частенько задумывался над тем, догадывается ли кто из его сменщиков, почему он так держится за ночные дежурства, и для чего сделал в своем заведении круглосуточное обслуживание. Нет, наверное, никто не догадывается.

Ему самому понадобилось несколько лет, чтобы понять, кто его ночные посетители. Гарри, в сущности, ничего особенного не делал, чтобы их привлечь. Просто его гамбургеры всегда были сочными, а сам хозяин не докучал своим клиентам ненужными расспросами. Видимо, этого оказалось достаточно. С его полуночными клиентами, вообще, было далеко не просто. Гарри был уверен, что кое-кто из них и вовсе не люди. Но, поскольку за еду они платили исправно, ему было все равно, кто они такие.

Когда паренек, помогавший ему в ночную смену, однажды попытался было кое-что объяснить Гарри, тот уже и сам во многом разобрался: клиенты -"чудики" захаживали к нему из других миров и измерений. "Параллельные миры", — намекали одни; "альтернативная реальность", — утверждали другие. Но Гарри вполне было достаточно такого объяснения, как "другие измерения".

"Чудики", как называл их Гарри, тоже, в общем-то были землянами, но их "Земли" отличались от той Земли, к которой мы привыкли, причем иногда довольно сильно. Видимо, существовали какие-то способы путешествовать между мирами, и обитатели других реальностей их использовали. Они заходили к Гарри, поскольку он никогда не доставал их ненужными расспросами и безотказно принимал все те странные штучки, которыми они пытались расплатиться. (К немалой своей выгоде, надо заметить.) Была и еще одна причина. Судя по всему, во всех остальных вариантах Земли существовала своя Западная Вирджиния — так что они прекрасно ориентировались на местности.

Они не хотели, чтобы их кто-то видел, а закусочная Гарри была окружена лесами и стояла на отшибе. Несмотря на это, пришельцы не решались рисковать и появлялись здесь лишь глубокой ночью, между полуночью и рассветом, и старались не задерживаться.

В этот раз последний клиент засиделся в закусочной дольше обычного, но даже после его ухода у Гарри оставался целый час свободного времени. Он успеет подмести пол и почистить гриль, изрядно обросший слоем жира. Гарри уже отвык все делать сам, ибо порядочное время ему помогал парнишка, служивший ночным сторожем на соседнем кладбище. Теперь же, когда тот невесть где загулял (судя по открыткам из Питсбурга и Нью-Йорка), ему нелегко будет снова возвращаться в забытую колею. Возможно, Гарри следовало бы подыскать нового помощника, однако душу его бередили сомнения в том, справится ли новичок с ночными посетителями. Если сегодня последний из них оказался тихим и покладистым, то кто знает, каким будет следующий?

Когда Гарри уже прятал швабру за стойку, у двери вдруг звякнул колокольчик. Гарри вздрогнул от неожиданности. Это был его последний клиент, он вернулся и казался обеспокоенным.

— Что-то случилось? — спросил Гарри.

Он надеялся, что гость вернулся не из-за тех маленьких монет, которыми расплатился за еду, сказав Гарри, что они из платины. Монеты стоили в несколько раз дороже съеденного гамбургера, и Гарри отнюдь не был расположен возвращать их клиенту. Он намеревался поехать в Питтсбург и продать их там. В конце концов, он заслужил эту прибыль.

"Параллельные миры", — намекали одни; "альтернативная реальность", — утверждали другие.

— Да, случилось, — ответил клиент. — ... с моей машиной. Вы разбираетесь ... в моторах?

— Смотря какие моторы, — ответил Гарри. — О чем идет речь?

Гость открыл было рот, но тут же снова закрыл его.

— Гм... может, вы лучше посмотрите сами...

Гарри окинул гостя пристальным взглядом.

Перед ним был, в сущности, человек, как все — в брюках, сорочке, туфлях, куртке. Вроде бы, ничего особенного. Правда, светло-вишневого цвета туфли, похоже, были из пластика, а цвет сорочки определить было невозможно — не то белая, не то серебристая. Вот только брюки и куртка из непонятного черного материала выглядели немного странно, но, может, в Европе такие носят. Небольшой экранчик дисплея на воротнике, если не вглядываться, мог бы сойти за украшение. Гость был острижен наголо, но не походил на панка. Выглядел он крайне обеспокоенным. Гарри видел и не таких в свои ночные дежурства за стойкой.

— Ладно, — кивнул он, — пойду посмотрю мотор.

Бросив фартук на стойку, он вышел навстречу прохладе уходящего лета, подождал, пока его глаза привыкнут к ночной темноте, и посмотрел туда, куда указал ему гость.

— Вон там.

Тот мог бы не делать этого и даже не говорить ни слова, потому что на пустой стоянке не было ничего,

кроме странного предмета. Гарри уставился на него и обреченно вздохнул.

Поверхность загадочного предмета серебристо поблескивала, как хорошо отполированный алюминий, отражая полосы света, падающего из окон закусочной. Штука была круглой, примерно футов двадцать в диаметре, с шестифутовой выпуклостью в центральной части, плавно переходящей в тонкие края. На одной стороне корпуса зияло темное отверстие люка, а внутри, словно в дымке, мерцали разноцветные огоньки. Кроме этого — никаких окон, иллюминаторов или других видимых отверстий. Предмет опоясывала размытая светящаяся полоса.

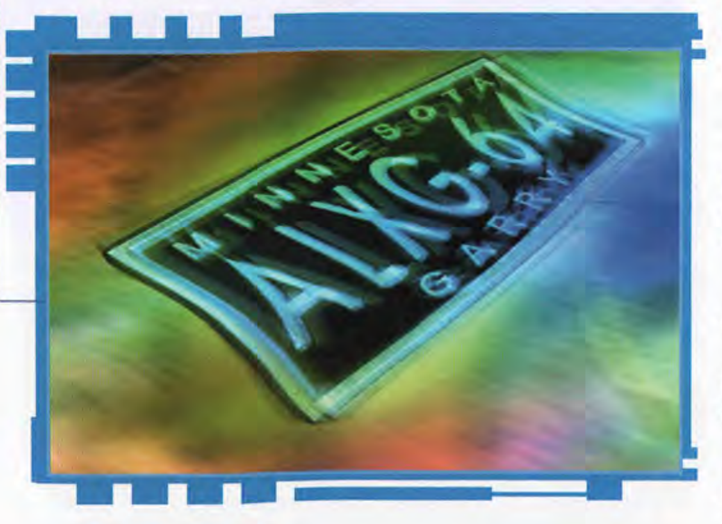
По своей форме и внешнему виду перед ним была классическая "летающая тарелка".

— О, Господи, — тихо прошептал Гарри. — Что с ней?

— Не знаю, — обеспокоенно ответил гость.

Гарри страдальчески вздохнул.

— Что ж, сейчас посмотрим.

Гость провел его в темные внутренности аппарата и показал ему доступ к главной панели управления. Гарри, сходив за ящиком с инструментами, хранившимся в котельной, немедленно принялся за работу.

Ему еще не доводилось видеть что-либо подобное "мотору" этой штуки, но многие из деталей и узлов были ему знакомы. Однако их взаимосвязь и возможное взаимодействие поставили его в тупик. Что же касается остальной части аппарата, то Гарри просто не хотел смотреть в ту сторону. Покопавшись в моторе минут пятнадцать, он, пожав плечами, вынужден был признаться:

— Мне очень жаль, приятель, но я не могу починить твой "мотор". Мне кажется, что вот с этой штуковиной справа не все ладно ... а в остальном, как будто все в порядке, никаких оборванных проводов или шлангов, но этой штукой что-то не так, посмотри на черное пятно. Его явно не должно здесь быть.

Клиент остолбенело глядел на злополучное двигательное устройство.

— Что же мне делать? — простонал он и с отчаянием повернулся к Гарри. — Есть кто-нибудь в вашем мире, кто разбирается в таких машинах?

Гарри крепко призадумался, прежде чем смог ответить.

— Нет, — решительно сказал он.

— Нет? Значит, я застрял здесь? Гарри снова пожал плечами.

— Возможно, кто-то и сможет починить ваш "мотор". Сюда немало захаживает всякого люда.

— Но вы сказали...

— Да, я сказал, что те, кто живет здесь, не смогут. Но в моей закусочной бывает и ваш брат. Думаю, что вы и сами это отлично знаете, иначе не заглянули бы сюда. Сегодня, завтра, рано или поздно кто-то же появится здесь, кто сможет починить вашу машину.

— Вы хотите сказать, кто-то из другого измерения? Гарри по привычке пожал плечами.

— Что бы там ни было, я так и не знаю вас, парней, захаживающих ко мне. Я пускаю вас, ни о чем не расспрашивая. Мне нет дела до того, кто вы и откуда, будь вы из других времен и измерений или даже из города Скенектади, штат Пенсильвания. По ночам у меня чаще всего бывает ваш брат пришелец.

Гость нахмурился и посмотрел на щит управления.

— Вы меня не слишком обнадежили, — промолвил он.

— Не мое дело кого-то обнадеживать, — ответил Гарри. — Мое дело продавать гамбургеры. А теперь, не уберете ли вы эту штуку куда-нибудь, пока не взошло солнце?

Гость повернулся к Гарри, недоуменно хлопая глазами.

— Как же мне это сделать? — спросил он. — Без двигателя аппарат не тронется с места. Гарри нахмурился.

— Вы это серьезно? Мне казалось, что ваши ребята могут все. Значит, эту штуковину нельзя убрать куда-нибудь подальше?

— Она никуда отсюда не сдвинется, — подтвердил гость.

Гарри выглянул из люка аппарата. Край неба действительно посветлел. Теперь в любое время можно было ожидать ранних посетителей, шоферов-дальнобойщиков. Что с ними будет, если на стоянке они увидят летающую тарелку? Это может плохо сказаться на репутации заведения, подумал Гарри. Ночная смена самая прибыльная, но и днем тоже неплохо заработать.

— Может, мы подтолкнем ваш аппарат поближе к зарослям? — безо всякого энтузиазма предложил Гарри. Гость покачал головой.

— Сомневаюсь. Аппарат весит тысячу семьдесят килограмм.

— А сколько это в фунтах? — справился Гарри.

— Э-э... должно быть около четырех тысяч фунтов, не так ли?

Гарри присел на откидной стул.

— Верно, — согласился он. — Нам не удастся сдвинуть его с места. Вот если бы у него были колеса, но я ничего подобного не вижу.

— Их нет.

— Надо подумать.

Оба задумались.

— А нельзя ли его оставить здесь, авось кто-нибудь заглянет к вам и сможет починить машину? — спросил гость.

— Как, черт побери, я смогу объяснить, почему у меня на стоянке появилась летающая тарелка? — не выдержал Гарри. Гость растерянно пожал плечами.

— Не знаю, — беспомощно ответил он.

Вдали слышался шум подъезжающих машин. Наступало время дневных посетителей Гарри.

Вдруг ему в голову пришла мысль.

— Послушайте, — крикнул он гостю, — мне надо идти, а вы вот что сделаете...

Летающая тарелка простояла на стоянке все утро и день, пока не кончилась дневная смена, и Гарри не отправился к себе, чтобы отоспаться.

В шесть пополудни "тарелка" все еще оставалась на стоянке, когда к закусочной подъехал шериф и увидел ее. Выйдя из патрульной машины, он обошел странное транспортное средство, оглядывая его со всех сторон. Люк был задраен, и аппарат казался абсолютно непроницаемым. Шерифу и в голову не могло прийти, что внутри спал владелец. Снаружи на корпусе "тарелки" большими красными буквами было выведено: "Гамбургеры Гарри. Рецепты из других миров".

— Как, черт побери, я смогу объяснить, почему у меня на стоянке появилась летающая тарелка? — не выдержал Гарри.

Шериф, улыбнувшись, вошел в закусочную.

Минут через двадцать в зале появился сонно зевающий Гарри и налил себе кружку кофе. Вечерняя смена, состоявшая из повара Билла и официантки Шерри, не обращала на него никакого внимания. По своему опыту они знали, что хозяина лучше не трогать, пока кофе не взбодрит его.

Знал это и шериф, однако не удержался и, пережевывая гамбургер, все же заметил:

— Отличная задумка, Гарри, эта твоя "тарелка" у входа.

— Спасибо, шериф, — поблагодарил Гарри, подняв голову от кружки.

— Надолго?

— Пока не знаю, — полусонно ответил Гарри. — Больно много занимает места. — Подумал, что можно попробовать и посмотреть, привлечет ли это больше клиентов.

Шериф понимающе кивнул и снова занялся гамбургером.

— А почему вы об этом спросили? — осторожно справился Гарри.

Шериф, пожав плечами, перестал жевать.

— Я понял, что она тут ненадолго, когда увидел на ней номерные знаки Миннесоты. Если ты намерен держать ее здесь дольше двух месяцев, лучше смени номера.

— Да, хорошо, — ослабевшим голом согласился Гарри. Дело было в том, что сам-то он не заметил на аппарате никаких номерных знаков.

Три дня спустя, на рассвете, толкнув дверь закусочной, в нее вошел водитель грузовика.

— Эй, Гарри, — крикнул он, — куда девалась твоя летающая тарелка?

— Я избавился от нее, — пояснил Гарри, разыскивая под прилавком меню. — От нее никакого толку.

— Да? А мне показалось, что это была неплохая задумка, — ответил водитель, усаживаясь на стул. Гарри только пожал плечами.

— И куда же ты отправил ее? — поинтересовался гость.

Гарри вспомнил, как странно дрожал воздух за несколько часов до того, как исчезла "тарелка". Ему припомнились обрывки разговоров, которые довелось услышать за эти годы о параллельных и альтернативных мирах, о местах, имевших иную историю, и где все было совсем по-другому. Он вспомнил странные монеты, причудливые вещицы и разного рода хитроумные штучки, которые охотно принимал в качестве платы за гамбургеры, тысячи и тысячи мелких вещиц, и подумал, сколько бы он мог рассказать своему раннему гостю о том, чего насмотрелся, стоя по ночам за стойкой своей закусочной.

— В Миннесоту, — наконец ответил он на вопрос клиента и подал ему меню.

Перевод: Т. Шинкарь

A FLYING SAUCER WITH MINNESOTA PLATES by Lawrence Watt-Evans.

Первая публикация в "Isaac Asimov's Science Fiction Magazine", август 1991.

ПРИШЕСТВИЕ ВЕРТУМНИЯ

Я всегда любил картины Арчимбольдо, и мне сразу показалось фантастикой, что этот пророк поп-арта, лепивший головы государей из репок и корешков, резвился подобным образом в XVI веке. Согласитесь, времена были, вроде, не те... Однако, разговор совсем не об этом.
— Садитесь ближе, — сказал Плотник устрицам, — речь пойдет о Королях и капусте...

ФАНТОМ

WWW.FANTOM.RU
ОФОРМЛЕНИЕ: КАЗЯ Х.

Вертумний — в древнеримской мифологии — бог смены времен года, отвечающий, в частности, за обильный или скудный урожай. Считалось, что он мог по желанию принимать любой облик.

Известен ли вам "Портрет Джакопо Страды", написанный Тицианом примерно в 1567 году? Картина купается в золотом свете и изображает богатого знатока искусств со статуэткой обнаженной женщины — статуэтка невелика, меньше полуметра в высоту.

Она, пышнобородый синьор Страда явно преуспевает: вырядился в черный бархатный камзол, светло-вишневую атласную рубаху, а поверх набросил мантию, подбитую горностаем. Демонстрируя свою соблазнительную маленькую богиню невидимым зрителям, он старается держать ее от них подальше и посматривает на этих зрителей хитровато, если не подозрительно. Его просили показать — он показывает, но и полупрячет свою драгоценную собственность, словно разжигая у зрителей аппетит.

Точеная женская фигурка стоит на раскрытой ладони его правой руки, опирается спиной на подставленную ладонь левой и, будто в сговоре со Страдой, сама как бы шарахается от посторонних. Как бережно его пальцы обнимают ее! Один палец прикрывает грудь, другой щекочет ей шею. И не то чтоб ее прелести были скрыты от взора. Собственные ее руки подняты высоко, живот с резко очерченным пупком и холм Венеры видны полностью. А слегка сдвинутые колени намекают на неловкую, скрытую чувственность.

Она возбуждает желание прикоснуться к себе, подержать, погладить — порыв эстетический и эротический одновременно. Она кажется почти живой, гомункулусом женского пола, выращенным в пробирке какого-нибудь алхимика вроде Парацельса. Ведь Парацельс и умер-то всего за четверть века до этого...

Я выбрала портрет Джакопо Страды для обложки своей книги "Вожделение как предмет эстетики". Первая глава книги как раз и посвящена анализу скрытых смыслов, заложенных в картине...

Джакопо Страда был антикваром, много лет состоявшим при дворе Габсбургов — сперва в Вене, а затем в Праге — в звании хранителя древностей. В его обязанности входило добывать и каталогизировать драгоценности, монеты, а равно классические скульптуры.

Монеты почитались в династии Габсбургов, правителей Священной Римской империи, особо, поскольку несли на лицевой стороне портреты монархов. Коллекция монет — зримая генеалогия владык, помазанников Божиих. В 800 году, на рождество, папа короновал Карла Великого как первого "императора римлян". Церковь решила, что одного ее влияния уже не хватает для того, чтоб управлять Европой не только духовно, но и политически. Имперская мешанина народов и языков продержалась — подчас героически, а чаще с горем пополам — до 1806 года, когда последний император Франциск II отрекся от престола без наследника только ради того, чтобы титул не достался Наполеону. Впрочем, к тому времени императору подчинялись лишь несколько клочков земли, которые уже никак не были ни империей, ни, тем более, римской и священной. Само собой разумеется, династия Габсбургов захватила имперский трон силой — первоначально предполагалось, что император будет выборным.

Историки склонны рассматривать двор императора Рудольфа II Габсбурга, находившийся в конце 1570-х и в 1580-х годах в Праге, как хлипкий, сумасбродный и варварский, как несравненное прибежище для заезжих проходимцев — всяческих магов, алхимиков, астрологов, которых в ту эпоху почитали за ученых. Впрочем, в этой пестрой компании попадались и подлинные ученые. Почтенный датский астроном Тихо Браге погиб при дворе Рудольфа от разрыва мочевого пузыря, поскольку император категорически настаивал, что никто не вправе встать из-за стола до тех пор, пока их цезарианское величество не насытятся.

Придворные ботаники классифицировали экзотические растения, а другие натуралисты — экзотических зверей и птиц (у Рудольфа был богатый зверинец); в точности так же и хранитель древностей старался навести методический порядок среди древних Венер. В 1579 году Страда подал в отставку и уехал из Праги. Не исключено, что это его решение было вызвано раздражением: эстетические воззрения Страды не оказывали на Рудольфа такого же влияния, как советы другого попечителя имперских художественных коллекций по имени Джузеппе Арчимбольдо.

В сознании мелькнула эксцентрическая картинка — я сама, как та миниатюрная Венера, простерта в жаднющих, обтянутых атласом руках миллиардера.

Мои неприятности начались с телефонного звонка, раздавшегося однажды в Центральной школе искусств св. Мартина на Чаринг-Кросс— роуд, где я между делом вела курс "Аналогии в изобразительном искусстве". Звонивший назвался Джоном Ласселем и сообщил, что является личным секретарем Томаса Рамболда Райта, нефтяного магната и собирателя художественных ценностей, не больше и не меньше. Голос у Ласселя был моложавым и обволакивающим, хотя, пожалуй, слегка жеманным.

Не я ли та самая Джилл Доналдсон, что написала "Вожделение как предмет эстетики"? Не я ли с таким блеском веду передачу "Поспорим об искусстве" в

восемь вечера по четвертому каналу ТВ? Мистер Райт очень хотел бы меня увидеть. У него есть ко мне предложение. Можно ли прислать за мной машину, чтобы отвезти к нему в поместье среди Котсуолдских холмов — это чуть больше восьмидесяти миль от Лондона?

Черт, что еще за невидаль?

В сознании мелькнула эксцентрическая картинка — я сама, как та миниатюрная Венера, простерта в жаднющих, обтянутых атласом руках миллиардера. Ведь в книге своей я не удержалась от того, чтобы ловко пройтись на каблучках, заточенных, как клинок, по таким, как он, задравшим цены на предметы искусства до полного неприличия. Может, Томас Рамболд Райт, капризный холостяк, ищет своеобразной компенсации за удары клинка, ужалившего его самолюбие, поскольку один-то раз он у меня в книге упомянут прямо...

— Какого рода предложение?

— Понятия не имею, — отвечал Лассель, разыгрывая мальчишескую невинность.

Я выждала паузу. Однако выяснилось, что Лассель на паузах собаку съел, чего я не могу сказать о себе.

— Ну, положим, мистер Лассель, какое-то представление вы должны иметь...

— Мистер Райт скажет вам все сам, миссис Доналдсон.

А почему бы и нет? В самом деле, почему? Я всегда упивалась парадоксами, а это был всем парадоксам парадокс — не говоря уж о профессиональной привлекательности подобной экспедиции: Джилл Доналдсон принимает приглашение Томаса Р. Райта, потратившего на полотна старых мастеров несчетные миллионы...

Один из главных для меня парадоксов — я посвятила ему главу под названием "Обманные уловки" — включал в себя сопоставление ценителей чувственного искусства с потребителями современной порнографии. Я попыталась сформулировать требования последней на базе интервью, взятых у самых известных фотографов этого жанра. Нет, я не ставила себе задачей разнести в пух и прах сексуальные съемки, традиционно ориентированные на мужчин. Ничуть не бывало, это выглядело бы слишком банально. Я взялась за перо, чтобы возвысить порнографию, а не хоронить ее. Все эти пышные ню, дошедшие до нас в выцветших от времени масляных красках, в свое время играли роль жизнерадостной, респектабельной порнографии. В чем бы мы нуждались сегодня, — писала я с насмешливым, трижды насмешливым пылом, — это в выпусках журнала "Пентхаус", целиком заполненных работами нынешних мастеров, с сосками от современных Тицианов, срамными губами от Веронезе, лобковыми кудрями от этакого опрощенного Никола Пуссена... Ха-ха!

У меня была маленькая квартирка в районе Аппер Блумзбери, купленная с помощью старшего брата Роберта, менеджера в одном из банков Оксфорда. Стопроцентный ханжа, Боб полагал этот клочок собственности хорошим вложением капитала. А если по совести, без брата мне бы вообще не свести концы с концами. Забитый книгами, гравюрами и репродукциями, на которые я тратила больше, чем могла себе позволить, отельчик "У Джилл Доналдсон" уже становился тесноват. Правда, я еще могла собрать у себя вечеринку, но только при условии, что гостей будет не больше дюжины и они будут просачиваться по одному.

Даже в условиях кризиса и экологического пуританства цены на недвижимость в Лондоне по-прежнему можно было сравнить разве что с ценами на полотна великих импрессионистов. Не исключено, что эко-пуританство на деле не препятствовало, а способствовало росту цен: да будет наказан тот, кто не избавился от желания жить более или менее в центре города, тем самым добавляя мегаполису хлопот по части продуктов, электроснабжения, канализации и всего остального.

Ну что ж, мы определенно вступаем в эру левацких запретов. Мода на экологические погремушки крепнет и ширится. Проявляете ли вы должную заботу об окружающей среде, о третьем мире, о будущем? Смирительная рубашка затягивается все теснее: не курить, не пользоваться автомобилем, не есть мяса, избегать вычурности, одеваться попроще, можно в лохмотья; этически я, пожалуй, склонилась бы к поддержке экологического движения — лучше тратить на природу, чем швырять сотни миллионов на живопись не по любви, а ради престижа. Но то, что требования выставляются пакетом, меня никак не устраивает. Может статься, моя антипатия к ханжам и святошам исходит отчасти из того факта, что я курю сигареты — о смертный грех! Отсюда, наверное, и мое насмешливо-капризное желание восславить такое проявление неотредактированного здравого смысла, как порнография. Парадоксы, парадоксы! Мне нравится выступать в роли провокатора.

И сколько же любовников набралось у такой своевольной дуры, перевалившей за тридцать? Всего-навсего три, из них одна женщина, начинающая художница.

Питер, Энни, Фил. А в настоящую минуту вообще никого. Излишествами в личной жизни меня не попрекнешь.

Питер был забавник и непоседа. Для своей выставки

"Боги глубин" он прикрутил рыбьи скелеты проволочками к причудливым готическим соборам, утопленным в баках с водой. А паству изображали золотые рыбки — называйте это, как хотите, искусством или просто шуткой. Сходные, хоть и не столь пряные, анархические подвиги в конце концов избавили меня от чар Питера — как раз, когда я решила с полной определенностью, что хочу быть историком искусств и критиком, самым своенравным из всех.

За мной прислали "Мерседес" с затемненными стеклами — одного этого вполне хватило бы, чтобы погубить мою репутацию в округе на веки вечные. В душе я рассматривала эту поездку как незаурядное событие.

Обратите внимание, меня терзали кое-какие сомнения, и я даже подумывала позвонить кому-нибудь (но кому? Филу? Энни? Уж конечно, не Питеру...) и сообщить, куда меня увозят, просто на всякий пожарный случай. Звонить я не стала, однако привкус предполагаемой опасности не исчез и как бы добавлял приключению остроты.

благовоспитанным телохранителям. Я, со своей стороны, также решила не выряжаться и оделась подчеркнуто неформально, хотя выходить на люди в тренировочном костюме с крупно выведенным именем художника-дизайнера все-таки выше моих сил.

Штаб-квартира корпорации Райта находится в Техасе, однако он лично предпочитает ей свой европейский бастион Бексфорд Холл. Недавно он расширил поместье, добавив крыло в стиле поддельного минизамка эпохи Тюдоров, и в целях ужесточения мер безопасности переместил туда все художественные ценности. Цветное приложение к "Санди таймс" посвятило этой тюрьме искусств фотоочерк. (Интересно, во что обошлась Райту темница с башнями?)

Невзирая на середину июня, день выдался прохладным и ветреным — то ли типичный для Британии погодный вывих, то ли судорога перед очередным парниковым летом, выбирайте, что вам по сердцу.

Выбираясь из города на автостраду, мы миновали огромный щит с портретом Рудольфа II работы Арчимбольдо — все лицо сложено из фруктов, овощей и цве-

Все эти пышные ню, дошедшие до нас в выцветших от времени масляных красках, в свое время играли роль жизнерадостной, респектабельной порнографии.

В момент, когда раздалась трель дверного звонка, по радио оплакивали гибель коралловых рифов: исчезли какие-то водоросли, жившие с ними в симбиозе, и теперь они болеют и выцветают. Спору нет, печальная и даже трагичная весть, только участникам программы хотелось бы, по-видимому, чтоб я восприняла ее как личную беду, а у меня это при всем желании не получалось.

Водитель оказался голландцем, свое имя он произносил как "Кейс". По его словам, Ромби — так он фамильярно называл Томаса Рамболда Райта — "доверял ему разные поручения". Атлетически сложенный, бородатый, учтивый и обходительный, Кейс не обременил себя ни кожаной курткой, ни форменной фуражкой, а приехал попросту, в джинсах "Рибок" и клетчатой рубашке с открытым воротом. Распахнув передо мной переднюю дверцу "Мерса", он тем самым предложил сесть по-компанейски с ним рядом, а не располагаться позади в роскошной изоляции. От Кейса исходила легкая развязность, свойственная даже самым

тов. Нос — спелая груша, румяные круглые щеки — персик и яблоко, глаза — вишня и тутовая ягода, подбородок — шипастая скорлупа каштана, брови — кукурузные початки, и так далее, и тому подобное.

Император Рудольф в виде Вертумния, римского бога фруктовых деревьев, плодов и перевоплощений. Кому понадобился именно этот лоскут истории искусств? Поперек груди императора красовался призыв защитников окружающей среды: "МЫ ВСЕ — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРИРОДЫ". Щит был образчиком настойчивой и весьма успешной пропагандистской кампании "зеленых", использующей "растительные головы" Арчимбольдо: разок увидишь — не забудешь, убеждение на уровне подсознания.

За последние два года такие плакаты заполонили Европу, Америку и другие континенты. По сути, они сделались символом экологического движения, вкрались в умственный багаж миллионов так прочно, что сомневаюсь, исчезнут ли они вообще когда-нибудь. Иные фанатики принялись цеплять "растительные головы"

себе на грудь, как значки. Словно чтобы обрести подлинное человеческое достоинство, необходимо превратиться в охапку овощей и фруктов — надо думать, с кочаном цветной капусты вместо мозгов.

Кейс притормозил и уставился на щит.

— Рудольф красноносый, — высказалась я.

К немалому моему удивлению, Кейс ответил:

— Однако шуточки Арчимбольдо пришлись Рудольфу по вкусу, и он даже пожаловал художника графским титулом, проявив чувство юмора, прискорбно редкое в наши дни. Вы согласны со мной?

Чтоб отпустить такое замечание, мой водитель должен был на досуге покопаться в истории искусств. Само собой разумеется, что плакаты "зеленых" не сопровождались сведениями о художнике, чьи образы они беззастенчиво выдрали из исторического контекста; кто-то предпочтет сказать — приспособили к требованиям современности, а по-моему, это то же самое, как если бы Мону Лизу использовали для рекламы гигиенических тампонов. (Она не улыбалась бы, если бы не...).

— Эти картины были не просто шутками, — возразила я.

— И эти плакаты — тоже не шутки ради.

Казалось, Кейс ненавидит эко-плакаты лютой ненавистью, и дай ему волю, посдирал бы их все до одного. Он прибавил газу, и вскоре мы выкатились на автостраду.

Под зеркалом заднего вида — там, где идиоты вешают шерстяные талисманчики, а в последние годы пластмассовые яблоки и груши, то ли искренне следуя моде, то ли пытаясь уберечь свои машины от эко-вандалов — Кейс прицепил миниатюрную модель хитроумной космической станции. Модель была выполнена из серебра или, по меньшей мере, обтянута серебряной фольгой. Мы ехали, а она качалась взад-вперед, взад-вперед. Иной раз, когда я поглядывала на зеркало, модель отражалась в нем полностью, и мне чудилось, что по оксфордской автостраде М40 нас преследует, кренясь и закладывая виражи, сверкающий экипаж футуристической конструкции.

Моя левая рука упала на кнопки регулировки пассажирского сиденья. Я приказала кожаному трону приподняться — точно, я сижу на шкуре какого-то мертвого зверя, и слава Богу, что стекла снаружи почти непрозрачны. Я понизила сиденье, отклонила спинку назад. Я выдвинула, а затем убрала валик, поддерживающий поясницу. Теперь, когда я обнаружила это трюковое устройство, я никак не могла найти для себя самую удобную позу. Будь сиденье неподвижным, и проблемы бы не возникло. Вот они, технологические излишества! Я ерзала, не в силах успокоиться.

— Не возражаете, если я покурю? — осведомилась я у Кейса.

— Ромби тоже курит в машине, — последовал ответ, не вполне скрывающий личное отношение водителя-телохранителя к затронутому вопросу и, возможно, намекающий, что в окружении Райта с личным мнением обслуги считаться не принято.

Соблюдать экономически выгодный лимит скорости — 60 миль в час — водитель не собирался, но надо отдать ему должное: танк в мягких подушках по прозвищу "Мерс" шел очень аккуратно. Кейс пристально вглядывался в дорогу как впереди, так и позади машины, словно был готов к тому, что нас с минуты на минуту перехватит полицейский патруль или, чем черт не шутит, какие-нибудь подосланные "зелеными" похитители.

Бексфорд Холл расположен в графстве Глостершир, в треугольнике между городами Стоу-он-Уолд, Бродуэй и Уинчкомб, в лесистой речной долине, прорезающей мягкие, открытые всем ветрам и ощипанные поколениями овец холмы.

С дороги поместье не разглядишь — оно укрыто за каменной, недавно отреставрированной стеной, увенчанной колючей проволокой, а за стеной еще и густые деревья. Электронным сигналом из машины Кейс открыл кованые железные ворота, и "Мерс", мягко проурчав мимо островерхой сторожки — там, наверное, поселили какого-нибудь старшего садовника с семьей — устремился по извилистой бетонке к дому. Лужайки, обрамленные тщательно подстриженными кустами, высокие двустворчатые окна, стены из золотистого песчаника. Надо думать, поместье Райта напоминало укрепленный замок даже до того, как владелец пристроил крыло с бастионами, архитектурно нелепое, для своих художественных сокровищ. На специальной бетонированной площадке — вертолет. На гравийной подъездной дорожке полукругом — "Порше", "Ягуар" и несколько механических зверюг помельче. А на крыше, на фоне шиферной плитки — не только вереница долговязых труб в стиле Тюдоров, но и тарелка спутниковой антенны.

Из-за рваных облаков выглянуло солнце.

И мы, миновав несколько приникших к компьютерам личностей — на экранах мелькали, по-видимому, цены на нефть — проследовали прямо в кабинет Джона Ласселя, где мое внимание привлекли наваленные небрежной грудой дорогие книги по искусству. Доставив меня по назначению, Кейс сразу же удалился "по другим поручениям".

Лассель оказался высок, гибок, меланхоличен. На нем были темно-лиловые вельветовые штаны и бордовая куртка с множеством карманов, и из каждого кармана торчала авторучка, а на лацкане был укреплен мини-передатчик. По каким-то оттенкам поведения я решила, что Лассель состоит при Райте в роли, если можно так выразиться, доверенного священнослужителя по делам искусств. Губы у него были тронуты странной, задумчиво-тоскливой улыбочкой, а в голосе звучал мальчишеский надрыв, чуть не обманувший меня по телефону. Пожалуй, он больше походил на самого себя, когда молчал.

Нацедив мне из кофеварки чашку кофе, он оповестил по радио о моем прибытии. Похоже, в этом доме принято общаться друг с другом через микрофон. В ответ послышался бессвязный хрип; я не разобрала ничего, кроме явного техасского акцента.

Лассель изучал меня. Я потягивала кофе, попыхивала сигареткой — на захламленном столе я приметила пепельницу с окурком манильской сигары. Он сложил руки перед собой и откровенно раскладывал мою персону на составные части: кого еще подобрал и приблизил к себе, по крайней мере, потенциально приблизил, некоронованный повелитель, когда-то подобравший и приблизивший его самого?

Женщина. Возраст — тридцать один. Сложения плотного, хотя ни коротышкой, ни кубышкой не назовешь. Грудь небольшая, но ладная. Волосы тугие, волнистые, коротко стрижены. Помада хищная, фиолетовая. Довольно выпуклая попка.

Казалось, Кейс ненавидит эко-плакаты лютой ненавистью, и дай ему волю, посдирал бы их все до одного.

И тут в комнату шумно ворвался Ромби — кличка так подходила ему, что я потом была просто не в силах от нее отделаться. Он был кругленький, крепенький, в мятых красно-коричневых штанах и свободной желтой рубахе — по бесчисленным карманам рассованы ручки, калькулятор, радио. Он свободно мог бы появиться и в грязных тренировочных брюках, что вовсе не означало привычки бегать по поместью трусцой. Бледная кожа свидетельствовала об отсутствии подобного опыта. Лицо до странного напоминало сову, очки в янтарной оправе увеличивали глаза до вытаращенных карих шаров, а редеющие волосы торчали, как перья, во все стороны.

Притом он излучал энергию, подавлял вас ею почти физически. На мгновение прижал меня к себе и тут же потащил с гоночной скоростью из владений Ласселя по коридорам, отделанным ореховым деревом. Мы очутились в купольном зале, выстланном мрамором. Тут было полно сверкающих, освещенных направленным светом моделей. Одни модели в плексигласовых ящичках, другие на свободной подвеске. Но не модели нефтя-

ных вышек, ничуть не бывало. Модели лунной базы, космического корабля, орбитальных станций.

Неужели Ромби остался в душе ребенком? И это его тайное логово? И он играет в эти игрушки?

— Ваше мнение о космосе? — требовательно спросил он.

Меня подмывало из озорства затеять с ним спор, но ответила я честно:

— Лично я думаю, что если мы удерем из космоса — а на это сегодня очень похоже — то уже навсегда. Так и будем прикованы к Матушке Земле, понатыкаем везде табличек "По газонам не ходить" и приучимся жить на одних бобах. Мы, видите ли, не имеем права испохабить Марс аналогично тому, как испохабили земную природу. Испохабить Марс, подумать только! Он же и без нас мертв, ржавая пустыня, и все. По-моему, безумие сидеть в своей скорлупе, когда в космосе столько даровой энергии и неиспользованных богатств. Но нам выпало жить среди неопуритан.

Ромби потер ручки.

— И если пропаганда "зеленых" перекроет нам запуски хотя бы лет на пятьдесят, мы застрянем на Земле на веки вечные — начать сначала у нас пороху не хватит. Я так и знал, что ты окажешься на моей стороне, Джилл. Недаром я прочитал "Похоть как предмет эстетики" дважды.

— Не "Похоть", а "Вожделение", — поправила я.

— Давай согласимся на "Похоть". Легче выговаривается...

Ромби с места в карьер принялся перелицовывать мою жизнь и мои воззрения по своему усмотрению.

— Каким это образом вы ухитрились вычитать, что я думаю об освоении космоса, в книге, посвященной искусству?

Он постучал себя кончиками пальцев по лбу.

— Я уловил, что вы по характеру противница насильственных табу, к тому же очень своевольная. Я прав?

— А моя книга не показалась вам — как бы сказать — немножко грубой?

— Я не намерен принимать во внимание шпильки в свой адрес, когда на карте стоит будущее человечества. А это так, Джилл. Это именно так. Пропаганда "зеленых" того и гляди сведет космический бюджет к нулю. Известно ли вам, что они подняли вой из-за ракетных выхлопов в атмосферу и настойчиво требуют, чтобы число запусков было ограничено жалкой дюжиной в год — это в мировом масштабе! Да и те должны быть связаны только и исключительно с земной экономикой. Психи заповедные! Просто какая-то религиозная зараза, и она распространяется, как триппер в борделе! Засерают мозги всем без разбору...

Колоритно же он выражается! Может, решил рассердить меня? Или ему просто наплевать на то, что думают другие? Я уставилась на него, надеюсь, без всякого выражения.

— Джилл, — сообщил он доверительно, — я вхожу в группу промышленников, выступающих против свертывания космических программ. Группа — она называется "Звездный клуб" — заказала опрос общественного мнения. И что бы вы думали? Сорок пять процентов опрошенных заявили, что они с радостью отказались бы от всех достижений науки, если бы могли жить в здоровом, естественном мире без радиоактивности. Ну можно ли принять всерьез такую бредятину? А эко-гангрена расползается все быстрее. Как ей противостоять? Приводить разумные научные аргументы? Все равно что пытаться удержать бегемотиху во время течки...

— Что-то никак не возьму в толк, причем тут я...

— Нам волей-неволей приходится придумывать коекакие трюки. Пойдем, я познакомлю тебя с коллекцией Райта.

Надо думать, поместье Райта напоминало укрепленный замок даже до того, как владелец пристроил крыло с бастионами.

Стальная дверь, кодовый замок. А затем крыло с искусственным климатом — хранилище шедевров. Комната за комнатой. Рубенс, Гойя, Тициан. И многие другие знаменитости чуть пониже рангом.

Наконец, еще одна дверь, а за ней, очевидно, святая святых. Я почти ожидала увидеть здесь Мону Лизу, не меньше. Но нет...

На мольберте стояло полотно абсолютно непристойное, чисто порнографическое. Женская фигура из множества рыб и рыбок (наряду с отдельными ракообразными). Обнажившись и широко раскинув ноги, она поль-

зует себя красным омаром, сжимая его в осьминожьем кулаке. Склизкая в любом смысле слова, нагло похотливая Венера слеплена из сомов, угрей, форелей и другой речной и озерной живности. Половые органы из креветок — клешни и щупальца, перекрещиваясь, изображают волосы на лобке. А вторая рука с осьминожьими пальцами занята тем, что дразнит жемчужину соска.

Полотно, несомненно, кисти Арчимбольдо. Ловко скомпонованное и, я бы сказала, убедительное. Просто источающее порочную, извращенную чувственность.

— И как она тебе нравится? — осведомился Ромби, окончательно переходя на "ты".

— Омар — довольно пикантная деталь, — отозвалась я.

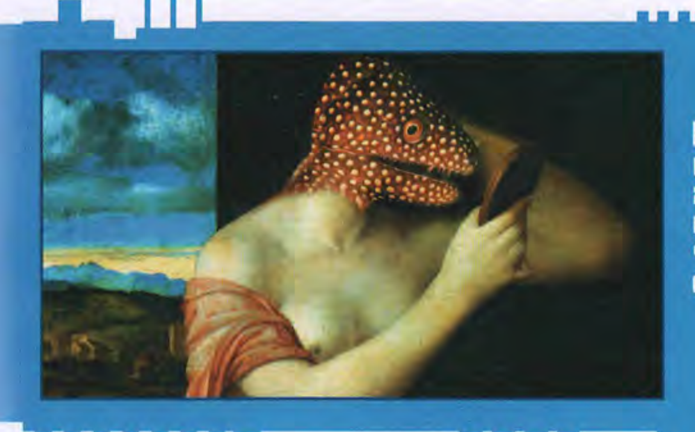
— Не омар, — уточнил он, — а вареный пресноводный рак.

— Что ж, эта дамочка нарушит покой тех, кто распускает сопли над плакатами "Мы все — составная часть природы".

— Точно! Особенно если учесть, что Арчимбольдо написал не один такой порнопортрет, а целых двенадцать. По личному заказу безумного императора Рудольфа. Разве не он спал каждую ночь на новой кровати? У него была маниакальная страсть к экзотике. К мистике. И к эротике. Легкая добыча для любого заезжего проходимца. Вместилище странных прихотей. Психопат, как Людовик Баварский, но, в отличие от того, наделенный реальной властью. Во всяком случае, на то, чтоб погрязнуть в тайных оргиях и самой причудливой эротике, власти у него хватало. И места в его пражском замке Ратцен тоже хватало...

Я поинтересовалась происхождением этих доселе не известных полотен. На что Ромби дал вполне правдоподобный ответ.

Когда в 1648 году, в конце тридцатилетней войны, шведы под командованием фон Врангеля взяли Прагу, они не преминули разграбить имперские художественные коллекции. Среди прочего связка работ Арчимбольдо перекочевала в Швецию, в замок Скоклостер. Затем, в 1654 году, королева Кристина перешла в католичество, отреклась от престола, а трофейные сокровища забрала с собой, отправляясь в Рим. Забрала почти все, за исключением так называемого германского искусства, которое презирала. Арчимбольдо она считала принадлежащим именно к германской школе.

На мольберте стояло полотно абсолютно непристойное, чисто порнографическое.

— Вы серьезно?

Вот уж новость так новость!

— И я сумел собрать их все, хотя другие полотна не здесь.

Ромби подвел меня к столу, на котором лежала объемистая папка. Раскрыв ее, я перелистала десятка полтора цветных крупноформатных глянцевых репродукций: мастурбирующие, извергающие семя мужчины — грибы, осенние фрукты, увесистые волосатые орехи; две лесбиянки, увлеченно ласкающие друг друга, — эти из кабачков и листьев салата...

— Ты же изучала все связанное с биографией Джакопо Страды, Джилл. Никому не известно, какие сюжеты писал наш друг Арчи после 1576 года, вплоть до своего отъезда домой в Милан в 1587-м, не так ли?

— Я думала, он был занят тем, что устраивал для Рудольфа всякие празднества. Маскарады, турниры, шествия.

— И не только этим. У царственного Руди недоставало изрядного числа винтиков.

— Не вполне уверена, что это справедливое утверждение.

— Что? А разве не он держал в замке льва на цепи?

Однако ее духовник, священник весьма проницательный, рассудил иначе. Мало просто держать порнополотна под замком — нужно, чтоб они оставались во власти Ватикана. Художников, в отличие от мастеров слова, инквизиция никогда не трогала. В эпоху, когда сами священники были не прочь переспать с женщиной, никому и в голову не приходило послать даже самые бесстыдные полотна на костер. Однако эти картиночки могли послужить удобным поводом для того, чтобы шантажировать Габсбургов — а то в имперских владениях протестанты стали чувствовать себя слишком вольготно. Какое пятно может лечь на фамильный герб Габсбургов, если обвинить их в наследственном помешательстве!

Кардинал-дипломат, заботам которого были вверены фривольные картины, укрыл их для пущей сохранности в склепе на территории женского монастыря со строжайшим уставом. Там они и пребывали в

забвении, пока их не обнаружил уже в 1890-х годах некий частный коллекционер. Монастырь за три века пришел в упадок, и коллекционер без особого труда убедил святых сестер передать ему двусмысленное наследие в обмен на щедрое пожертвование в их пользу.

— Совершенно неопровержимая версия, — заявил в заключение Ромби, подмигнув по-совиному. — И, разумеется, совершенно лживая.

Вся "грязная дюжина" Арчимбольдо состояла из подделок и была состряпана по указаниям Ромби за последние два года голландским художником, претендующим на звание сюрреалиста.

Я смотрела на чешуйчатую развратницу, как зачарованная.

— Подделки великолепны, — похвалялся Ромби. — Написаны на старых дубовых досках толщиной ровно одиннадцать миллиметров. Два слоя основания — свинцовые белила, мел, ламповая копоть...

ца из рыбьих хвостов. Вся их изобразительная пропаганда разлетится вдребезги, смехотворно и неприлично. Можно ли бороться с силой зрительного образа? Можно, если противопоставить ему контробраз. Мы сделаем действенный шаг к сохранению космического бюджета. А ты, Дженни, напишешь предисловие к книге-альбому — в своем неподражаемом стиле, со знанием предмета и с вызовом обществу.

— Я напишу?..

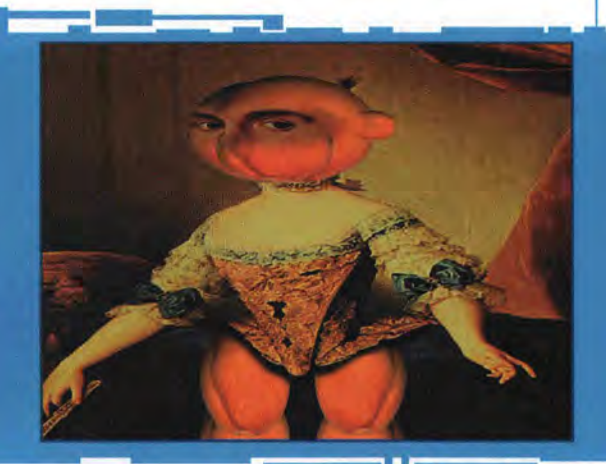
— Напишешь, потому что я заплачу тебе три четверти миллиона долларов.

Для Ромби, конечно, пустяковая сумма. Надо думать, на всю рискованную затею ушло десять раз по три четверти миллиона, если не больше. А что такое десять раз по три четверти? Доход от одной-единственной нефтяной скважины за год? За месяц? Не имею ни малейшего представления...

Публично размазать тухлое яйцо по физиономиям эко-психов — это, конечно, поможет не только космическим предприятиям, но и повседневному бизнесу

Никто не сможет больше распускать романтические слюни у этих плакатиков, философствуя о святости природы.

Он разглагольствовал с энтузиазмом нефтехимика, описывающего качество сырья. Точное сочетание жировых и белковых компонентов. Красящие пигменты — азурит, охра, малахит. Мистер нефтяной барон оказался кладезем знаний по части химических основ живописи. Но в конце концов он все-таки оборвал лекцию, нетерпеливо махнув рукой, и заговорил о главном:

— Картины выдержат рентгеновскую и инфракрасную проверку, практически любые известные анализы. Разумеется, столь совершенные подделки потребовали серьезных затрат. И, разумеется, запланирована выставка в Европе, книга-альбом, репродукции, открытки. Скандал в средствах массовой информации! А зеленые фашисты пусть помочатся кипятком. Полюбуйтесь на Арчимбольдо, их возлюбленного святого, со спущенными штанами. Вот чем увлекался красноносый Руди на самом деле! Никто не сможет больше распускать романтические слюни у этих плакатиков, философствуя о святости природы. Вот она, природа — красный рак и красные креветки. Блудни-

Ромби, то бишь, перекачиванию в свой карман невозобновляемых ресурсов планеты. Иначе говоря, для него это может обернуться выгодным помещением капитала.

— И еще потому, Джилл, — продолжил он, — что тебе и самой хочется посрамить зеленый фашизм. А тут представляется такая превосходная, извращенно провокационная возможность...

Прав ли он? Пожалуй, прав.

Он, безусловно, не походил на того миллиардера, какого я ожидала встретить.

Очевидно, я не должна сразу же начинать сорить деньгами. Стало быть, основную часть гонорара надо перевести в какой-нибудь цюрихский банк с условием, что доступ к счету я получу через пять лет после публикации "Арчимбольдо Эротико". А до того мне предстоит вести примерно такую же жизнь, как прежде, плюс защищать мой новый опус среди коллег, по телевидению, в журналах и вообще где придется. Уж конечно, Ромби или священнослужитель Лассель приложат все силы, чтобы заварить в прессе шумиху покру-

че — если она не вспыхнет сама по себе. Мне уготована роль маскировочной ширмы, укрывающей авантюру Ромби от чересчур дотошного внимания.

Мне понравилось, что он предложил три четверти миллиона, а не миллион. Это доказывало, что он не лишен известной тонкости. Ровно миллион — такая круглая цифра смахивала бы на вульгарную взятку.

Кроме того, мне понравился и он сам. Да, он действительно сумел заинтересовать меня. И дело не только в семистах пятидесяти "косых" (как выразился бы братец Боб). Нет, не только. Я одобряла затею в целом.

А как насчет путей к отступлению на случай, если авантюра... гм... провалится? Ну что ж, дерзкие выходки хороши уже тем, что ставят под вопрос, а то и выворачивают наизнанку общепринятые обычаи. Разве одного этого не довольно, чтобы оправдать их?

Рассуждение восходило к Питеру. Я полуверила в свое время в его правоту, хоть и не настолько, чтобы в соответствии с его пожеланием сорвать с себя блузку в Национальной галерее и отвлечь внимание служителей и посетителей, пока сам Питер будет украшать собачьим дерьмом, как темперой, картину Гейнсборо "Белые псы" — "в знак протеста против условностей". Шутки — дело хорошее, но этой "шуточке" я воспротивилась десять лет назад самым решительным образом.

Мне понравилось, что он предложил три четверти миллиона, а не миллион. Ровно миллион — такая круглая цифра смахивала бы на вульгарную взятку.

Однако нынешняя выходка имеет политический смысл. Я наношу удар по отъявленному и притом вероломному подавлению личности, можно даже сказать, удар в интересах искусства.

Линия защиты построена.

Я взяла с собой комплект репродукций из эротической папки и в течение нескольких дней разглядывала их у себя в Блумзбери — а отложив, старательно запирала под замок.

Хорошо еще, что в эти дни рядом со мной не было Фила. Мы не поссорились и время от времени виделись, как бы невзначай, но если бы он продолжал спать со мной, а я скрытничала, он не мог бы не заподозрить чего-то необычного. Фил был художественным критиком в "Санди таймс" и заразился духом разоблачительной журналистики. Ничуть не сомневаюсь, он объявится немедля, как только "Арчимбольдо Эротико" взорвется бомбой мирового масштаба. И мне придется врать бывшему любовнику и еще проявлять изворотливость, чтобы избегнуть если не словесного, то физического контакта. Заранее вижу выражение его лица, заинтригованное и слегка обиженное, слышу его упреки: как же это я не поделилась художественной сенсацией с ним персонально? Что-нибудь вроде: "Ну почему, Джилл? Разве нас с тобой ничто не связывает? Ей-же-ей, чертовски странно, что ты не обмолвилась на сей счет ни словечком! Более чем странно. И даже, не побоюсь сказать, подозрительно. Уж не мстишь ли ты мне? Но за что, за что?"

А что подумает Энни? Насколько знаю, она обретается в Корнуолле, в женской художнической коммуне. Недавно прислала мне теплое письмишко. И коль скоро я не ранила ее порнопарадоксами в своей книге, то моя подпись под предисловием к глянцевым блудницам и фаллическим грибам не заденет ее и подавно. Если только она, не приведи Бог, сама не увлеклась радикальными эко-запретами в самое последнее время...

Другими словами, я размышляла, до какой степени эскапада с Арчимбольдо повлияет на мою дальнейшую жизнь, выкручусь ли я из двусмысленного положения, в которое вот-вот попаду.

А потом, по истечении пяти лет, когда отсрочка окончится и я стану на три четверти миллионершей? Что я сделаю с такой кучей денег? Удеру в Италию? Распрощаюсь с лондонской слякотью и куплю себе домик под Флоренцией?

Но до того я не вправе доверить правду даже самому близкому человеку. Я не вправе завести интимную дружбу с кем бы то ни было. Я превращаюсь в некое подобие священнослужителя Ласселя с его вымученной улыбкой, пусть мой поводок и обещает быть подлиннее.

Наверное, Ромби рассчитал заранее с полной точностью, что сделка не сорвется. Естественно, мое ближайшее будущее во многом зависит от успеха книги-аль-

бома и самой выставки, от того, сильный ли поднимется шум. Со своей стороны, я уж постараюсь, чтобы книга произвела громовое впечатление. Я же действительно люблю выступать в роли провокатора.

Через неделю я вернулась в Бексфорд Холл и провела там два дня, роясь в собранных Ромби материалах об Арчимбольдо, императоре Рудольфе и его пражском дворе. Я прилично читаю по-немецки, по-французски и по-итальянски, хотя бегло говорить ни на одном из этих языков не могу. Любую книгу, какую мне хотелось взять с собой для работы, Лассель тут же копировал целиком на сверхскоростной машине, автоматически переворачивающей страницы. Засунешь внутрь книжку — через пять минут выскочит ее дубликат, точно подобранный и даже переплетенный. Стоит такая машина всего ничего — двадцать тысяч долларов.

А еще неделю спустя Кейс отвез меня в аэропорт в районе доков, и мы вылетели на частном самолете в Амстердам, где мне предоставили возможность взглянуть на все остальные полотна Арчимбольдо "в оригинале". С художником-фальсикатором я не встречалась, да и имени его не узнала. "Оригиналы" хранились в трех местах: в квартире доверенного типографа Ромби, Вим ван Эвика; в жилище владельца галереи, где предполагалось устроить выставку — его звали Герт де Люкт; и, наконец, в запертой комнате в самой галерее Бош. Какая бы ни грянула беда, всему набору скандальных полотен (а ведь есть еще и чешуйчатая развратница в Бексфорд Холле) уничтожение ни при каких условиях не грозит.

Очевидно, вовлекать в заговор типографа не было нужды. Ну а владельца галереи? То ли да, то ли нет... Кейс не уставал внушать мне, что правду нельзя выдать даже намеком, — вот господин де Люкт и не позволил себе ничего похожего на намек.

В рамах и в полный формат одиннадцать остальных Арчимбольдо ошеломляли еще решительнее, чем в репродукциях. Ошеломляли и... отталкивали?

По возвращении в Блумзбери я накатала предисловие на целых двадцать страниц. Написать меньше значило бы поскупиться, написать больше — перестараться. Поскольку я привередливо вглядывалась в каждое слово, в каждый оттенок смысла, это заняло у меня почти три недели и потребовало пяти, а то и шести промежуточных вариантов. Ведь Ромби настаивал: "Вложите в текст побольше эмоций. Смажьте слова потаенными женскими соками..."

Завершив работу, я позвонила в Бексфорд Холл. В тот же вечер Кейс пригнал "Мерс" в Лондон, чтобы доставить мои двадцать страниц собственноручно. На следующий день раздался звонок от Ромби — он выразил мне полное восхищение, предложив лишь несколько мелких поправок. Колесница покатилась. Открытие выставки было намечено на первое сентября, одновременно с публикацией альбома. А в последний день августа мне надлежало присутствовать на предварительном вернисаже для узкого круга. (Хоть бы краска на оттисках успела просохнуть, по крайней мере!).

В Амстердаме наша четверка — сам Ромби, Кейс, Лассель и я — остановилась в "Гранд-отеле Краснопольски" по той причине, что там похвалялись японской кухней, а Ромби, оказывается, с ума сходил по сырой рыбе. Впрочем, я не имела ничего против.

Мы прибыли на день раньше, на случай если Ромби в последнюю минуту захочет изменить расположение картин или Кейс надумает что-нибудь новенькое по части мер безопасности. Утро тридцать первого августа застало нас в галерее Бош, выходящей фасадом на обрамленный деревьями канал; все это совсем неподалеку от скопления антикварных лавок на пути к большим художественным музеям.

На высоком фронтоне здания были вылеплены две классически пышнотелые девицы среди каскадов овощей и фруктов — воистину отзвук Арчимбольдо! А над ними торчала погрузочная балка, хоть я сильно подозреваю, что прошло много лет с тех пор, как ящики с картинами попадали в галерею таким путем, через чердак. На нижнем этаже три окна были закрыты жесткими жалюзи, к тому же укрепленными и по горизонтали и по вертикали надежными стальными прутьями, на

что особо указал Кейс; и господин де Люкт, высокий блондин с носом картошкой, уже позаботился об охране — в просторном, освещенном по всем правилам выставочном зале слонялись трое мускулистых парней. Один в тускло-синей форме, желтокожий, круглолицый, вероятно, индонезиец; двое других — коренастые европейцы в легких костюмах, накинутых поверх спортивных маек.

В углу громоздилась основательная стопка альбомов "Арчимбольдо Эротико" для тех, кто удостоен приглашения на вечер — для прессы, директоров музеев, чиновников от культуры и избранных вольнодумцев. Но прежде всего и более всего — для прессы.

И я вдруг пала духом. Что если кто-нибудь с ходу разоблачит эту выставку, невзирая на весь ее шик и глянец? Мы в либеральной Голландии, где непристойность сама по себе не считается криминалом. Но что если кто-нибудь возьмет и заявит в крик: "Розыгрыш!.." Еще того хуже: если какой-нибудь восторженный авангардист примется аплодировать выставке именно как дерзкому розыгрышу...

Казалось, и де Люкт прячет за личиной обходительности кое-какие сомнения. Несколько раз он шумно высмаркивал свою картошку без особой нужды, словно старался на всякий случай очиститься до полной стерильности. А потом попросил:

— Миссис Доналдсон, не согласитесь ли вы подписать мне один экземпляр на память?

Когда я сделала ему это одолжение, он долго изучал мою небрежную подпись, будто сомневался в ее подлинности.

А может, я просто впадаю в паранойю? И все же, как хорошо, что прежде чем выпустить меня на публику, мне предоставили эту черновую репетицию среди экспонатов...

Кейс совещался с тройкой охранников по-голландски. Они улыбались и согласно кивали.

Генеральная репетиция состоялась в тот же вечер, сдобренная шампанским в ознаменование воскрешения утраченных работ известного своей противоречивостью мастера, современника Рабле. Все прошло так гладко, как только можно было надеяться.

Молодая рыжеволосая женщина в строгом платье коктейль покинула вернисаж вместе со своими спутниками, не скрывая гневного возмущения. На ней не было никаких украшений, кроме значка с "растительной головой" Арчимбольдо и цветистым лозунгом экологистов "Природа — наш ковчег".

Какой-то жирный малый, неопрятный, но в смокинге и с огромным шейным платком в горошек вместо галстука, напился и принялся гоготать вперемежку с плачем. Слезы так и струились по небритой физиономии, пока Кейсу не удалось тихо-мирно уговорить его выйти на улицу отдышаться.

Ромби забросали вопросами, на которые он знай себе повторял с ухмылкой:

— Обо всем этом подробно рассказано в книге. Возьмите экземпляр, почитайте...

О да, одна из величайших находок в истории искусств. Спору нет, сложная личность Арчимбольдо предстает в совершенно новом свете. Почему же мистер Райт преподнес этот сюрприз ценителям искусства через частную галерею? Почему не ссудил сенсационные полотна на время какому-либо из ведущих музеев?

— Неужто, леди и джентльмены, вы всерьез полагаете, что так называемые ведущие музеи ухватились бы за предложение выставить столь необычные сюжеты? А как же репутация? Само собой, я буду счастлив одолжить им эту коллекцию для показа когда-нибудь в будущем...

Меня донимали тоже. Меня, впервые надевшую брючный костюм фиолетового бархата от настоящего кутюрье.

Герт де Люкт расточал самодовольные кивки и улыбки. Конечно же, Ромби щедро заплатил ему за использование его галереи, но я все глубже уверялась, что господин де Люкт лично непричастен к обману. Утром он попросту нервничал, как актер перед премьерой.

Мы задержались в Амстердаме еще на пять дней. Как и следовало ожидать, пресса не обделила нас гласностью, и я выступала по голландскому и немецкому телевидению, первый раз вместе с Ромби, второй — без него. Публика валила в галерею Бош валом, и пришлось даже ограничить вход, с тем чтобы в залах скапливалось одновременно не более тридцати человек. Снаружи дежурил невозмутимый полицейский наряд. Наш альбом раскупали как горячие пирожки, заинтересовались им и книжные магазины. Ромби балагурил:

— Если так и дальше пойдет, то мы, глядишь, разбогатеем до чертиков...

В свободные часы я бродила по городу в сопровождении Кейса. Ромби по преимуществу сидел в своих апартаментах в отеле, поддерживая по телефону и телефаксу контакт с Бексфордом и Техасом и пожевывая суши — рисовые комочки с рыбой. По моим представлениям, не исключалось, что священнослужитель Лассель тем временем гостит в квартале красных фонарей, стряхивая с себя вымученную сдержанность, а заодно и штаны. Наркотиками он не баловался, это точно. Что до меня, я предпочитала блошиный рынок на Ватерлооплейн, где обзавелась черной кружевной шалью и потертым кашмирским ковром для квартирки в Блумзбери.

Там и тут на городских стенах бросалась в глаза од-

В рамах и в полный формат одиннадцать остальных Арчимбольдо ошеломляли еще решительнее, чем в репродукциях. Ошеломляли и... отталкивали?

на и та же надпись, и Кейс перевел: “Наш мир — наш ковчег”. Бывало, что надпись сокращали до одного слова “Ковчег”, зато уж тогда распылителем, огромными буквами в пол человеческих роста. Как было не вспомнить значок у той рыжеволосой, что сбежала с вернисажа тридцать первого! Сбежала? Нет, вылетела пробкой, смертельно оскорбленная. Вот до чего доводит необузданная вера в образы, бездумно взятые напрокат у придворного шута императора Рудольфа...

Когда я упомянула об этих надписях в разговоре с Ромби, он чуть не зарычал от восторга:

— Потеха! И что они собираются делать в этом своем дурацком ковчеге? Будут жаться друг к дружке, скованные земным притяжением, пока не вычерпают ресурсы планеты досуха, а тогда уж и вовсе никуда больше не попадешь. Дырявый таз, а не ковчег...

В воскресенье мы вместе вернулись в Англию. А в семь утра в понедельник меня выдрал из постели настойчивый телефонный звонок.

Звонил Лассель.

Накануне, ближе к полуночи, на тротуар у галереи Бош въехал грузовик. Водитель вскочил на поджидавший его мотоцикл и был таков. А грузовик почти немедленно взлетел на воздух. Взрывом ужасающей силы снесло всю фасадную стену. Наряду с взрывчаткой грузовик оказался начинен напалмом и фосфором. Вот уж фейерверк! Галерея была охвачена пламенем, а вместе с ней часть улицы и десяток деревьев. Огонь перекинулся даже на канал, и пришвартованная неподалеку жилая баржа сгорела, хотя ее обитатели остались целы: их под каким-то предлогом выманили оттуда загодя. Зато оба охранника ночной смены, находившиеся в залах галереи, погибли.

И, конечно, сгорела вся “грязная дюжина” Арчимбольдо. Но, по правде говоря, это меня в тот момент как-то не взволновало.

За мной, как объявил Лассель, уже послали Кейса. Ромби желает, чтобы мы успели потолковать с глазу на глаз, прежде чем нагрянет пресса...

Через два часа я была в Бексфорд Холле.

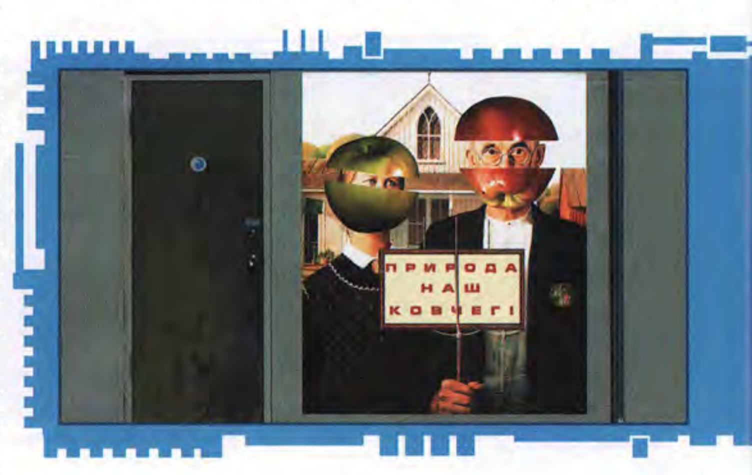
Ромби, Лассель, Кейс и я собрались на втором этаже в кабинете, где стены были уставлены книгами, а на желто-коричневом персидском ковре покоились кресла буйволовой кожи. Единственное окно, большое, с каменным средником, плохо сочеталось с лепниной итальянского стиля на потолке — с завитками, розами, пухлыми херувимчиками; лепнина сходилась к центральной розетке, откуда свисала тяжелая люстра с множеством лампочек. Сдается мне, что Ромби присмотрел этот потолок в каком-то другом доме и купил, потому что потолок пришелся ему по вкусу и подошел по размеру. Кабинет пропах сигарами, а вскоре и моим “Мальборо”.

— Не будем тратить время на обсуждение финансовой стороны вопроса, — начал Ромби. — Картины не были застрахованы, так что я не обязан предъявлять иск об убытках. Да и зачем, черт побери? Альбом остался, и твоему, Джилл, гонорару ничто не грозит. Теперь разберемся: на руку нам или нет, что полотна более не существуют? Не станет ли кто-нибудь намекать, что мы сами и организовали поджог галереи, пока туда не сунули свой нос независимые эксперты? На мой взгляд, трагическая гибель охранников снимает такое предположение в принципе. У ребят не было шансов выбраться — а Томаса Рамболда Райта никогда не подозревали в причастности к убийствам. Так что, как ни цинично это звучит, трагедия может обернуться нам на пользу, в особенности, если она бросит тень на полоумных патриотов ковчега...

А ведь и правда: если люди решат, что зеленые фашисты по чисто идеологическим мотивам уничтожили вновь найденные произведения искусства, лишь бы уберечь свою монополию на художника — им, зеленым, вовек не отмыться. И кто бы ни увидел впредь значок или плакат с репродукцией Арчимбольдо, про себя ухмыльнется: “Хо-хо...” Но у меня из головы не шли два погибших охранника.

Лассель только что вновь связался с Голландией.

— Полиция в недоумении, — подвел он итог разговору. — Неужто вновь ожил терроризм особого рода, обращенный против живописи? Три-четыре года назад была раскрыта группа, называвшая себя “ПФИ” — “Партизаны фронта искусств” — и устраивавшая беспорядки на улицах и в музеях. Но те никогда никого не убивали. Тут тоже вроде бы старались выглядеть поприличнее и уберегли супружескую пару с баржи — но охранников де Люкта зажарили заживо... Подумала полиция и о зеленых, тем более что крайнюю их фракцию уже уличали в промышленном саботаже, но опять-таки смертей на их счету пока не числилось. Этот взрыв больше похож на работу германских “красных бригад”, однако в последнее время они в Голландии не объявлялись. Зачем бы им понадобилось заново привлекать к себе внимание? И разве галерея — подходящая для них мишень?

— Ну, может, они хотели навредить известному капиталисту, а другого способа не нашли, — предположил Ромби. И сам себе возразил: — Нет, я лично такой гипотезы не приемлю. Это должны быть эко-психи, больше некому.

— Экологическое движение пользуется в Голландии большим уважением.

Ромби оскалился хищно, по-волчьи.

— Уважение можно и потерять.

— В поддержку экологистов выступает само голландское правительство...

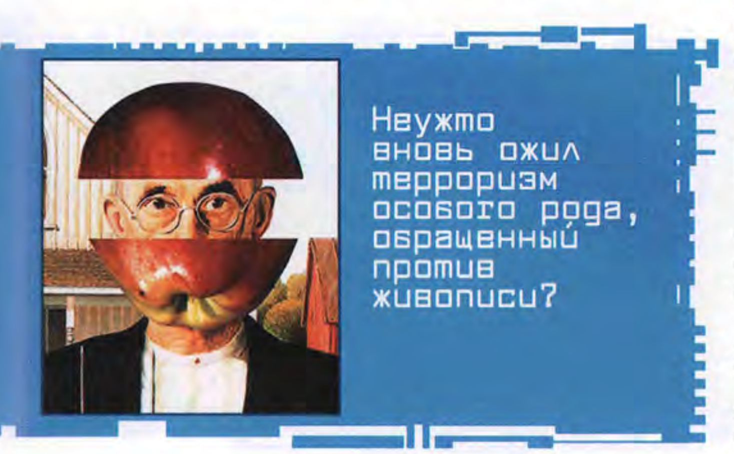
Насколько же большую ценность, с точки зрения газет, приобрели эти сомнительные картинки после того, как их не стало! И как удобно, что к ним уже не приблизится ни один скептически настроенный специалист!

— А разве не может быть, — высказалась я, — что поджог устроили ваши союзники по "Звездному клубу"?

Что называется, плюхнула в пруд тонну свинца... Я еще добавила, хоть и довольно вяло: — Ведь речь идет о будущем человечества. Преступление из возвышенных побуждений...

Ромби порылся в бесчисленных карманах, извлек на свет божий сигару и запалил ее.

— Выбрось это из головы. Лучше поговорим о безопасности. О твоей безопасности, Джилл. — Хотел он того или нет, но слова его, пусть благожелательные по смыслу, звучали угрожающе: кажется, он считал, что на мой свободный дух следует до окончания кризиса на-

деть узду. — Действует кто-то безжалостный, не останавливающийся ни перед терроризмом, ни перед убийством. Мне лично здесь в усадьбе ничто не угрожает...

— Можете не сомневаться, — заверил Кейс.

— А ты, Джилл, живешь в занюханной квартирке на дряхлой лондонской улочке. Я приглашаю тебя остаться в Бексфорде на неделю-другую, пока ситуация не прояснится.

Из глупого упрямства я воспротивилась:

— Не могу. В четверг у меня лекции в школе святого Мартина.

— К черту лекции! Отмени их.

— И квартира у меня вовсе не занюханная...

— Извини. Но ты поняла, что я хотел сказать.

— Поживите здесь хотя бы до официального сообщения об итогах следствия, — вмешался Лассель. — Чтобы мы, по крайней мере, узнали, с кем имеем дело. Разумная мера предосторожности, не более того.

— Не строй из себя гордячку, — заявил Ромби, выпустив клуб дыма. Невинные ладошки херувимов на потолке впитали в себя новую капельку никотина. — Пожалуйста, не задирай нос. — Еще струйка никотина, теперь из моих ноздрей. Ромби осведомился: — Уж не боишься ли ты за какую-нибудь дурацкую киску, которую без тебя не покормят?

— Нет у меня никакой киски...

Он попал пальцем в небо: кошки — эгоистичные, вероломные твари, и я их терпеть не могу. Но подозреваю, что каково бы ни было мое мнение о кошках, Ромби оно ничуть не интересовало.

Так или иначе, я осталась в Бексфорде до среды. Никакого официального сообщения из Голландии не поступало.

А если нападавшие не догадывались, что в галерее ночью остается охрана? Теперь им не по себе, и они не решаются, как намеревались, объявить публично о целях своей акции...

Нет, непохоже. Собрать грузовик взрывчатки, напалма и фосфора, подготовить мотоцикл для водителя, выманить обитателей баржи — и не проверить, охраняется ли объект нападения? Непохоже.

Лассель, как мог, отбивался от прессы: "Мистер Райт потрясен. Он крайне опечален двумя смертями. Каких-либо иных комментариев у него в настоящее время не имеется..." Все из того же упрямства я настояла, чтобы меня отвезли домой, в Блумзбери.

В мое отсутствие меня ограбили. Лазерного проигрывателя и телевизора как не бывало.

Вломились в квартиру с пожарной лестницы — дверь попросту сорвали с не слишком крепких петель. Других повреждений грабители не оставили, особого беспорядка тоже.

Я не позволила Кейсу сопровождать меня наверх, и он уже укатил. Конечно, я могла вернуть его, позвонив в "Мерс" по радиотелефону. Но кража выглядела такой обыденной, что я вызвала полицию. Затем полистала справочник и нашла номер службы срочных ремонтных работ, которая пообещала прислать мастера в течение шести часов.

Пожаловавший ко мне констебль оказался выходцем с Карибских островов. Он сообщил между прочим, что накануне по соседству были ограблены еще две квартиры, и в обоих случаях взяли аппаратуру. Слышала ли я об этом? Свои вопросы он ставил так, будто подозревал, что я инсценировала кражу ради страховки.

— С учетом всех обстоятельств — очень аккуратная кража, мисс.

— Не считая двери.

— Вам повезло. Некоторые владельцы квартир находили после взлома экскременты по всему полу.

— Что, в обеих квартирах, о которых вы говорили?

— Я не имел в виду конкретные случаи. Значит, вы дали нам знать, как только вернулись. Откуда?

— С Котсуолдских холмов.

— Красивые места, как мне говорили. И долго вы там пробыли?

— Три дня.

— Гостили у друзей?

— Навещала своего нанимателя.

Кой черт дернул меня за язык? Весьма неосторожно...

— Выходит, вы живете здесь, а ваш босс в Глостершире?

— Ну не совсем босс. Я его консультирую.

Констебль вздернул брови с явным намеком на непристойность. Очевидно, он полагал, что подозреваемых следует непременно выводить из равновесия. Потом он прибегнул к новой тактике:

— У вас здесь пропасть дорогих книг, мисс.

Да, целые полки глянцевых обложек — книги по искусству. Почему же их не украли — если не принимать во внимание того очевидного факта, что они весят добрую тонну?

— Не думаю, что воры интересуются живописью.

Он снял с полки альбом Боттичелли с библиотечной наклейкой на переплете и заметил:

— Это из библиотеки колледжа.

— Я там преподаю. Читаю лекции по истории искусств.

— По-моему, вы сказали, что консультируете...

К тому моменту, когда он наконец откланялся, я была почти убеждена, что ограбила сама себя, что регулярно похищаю книги из библиотек, а также что я проститутка на вызовах, которая оказывает интимные услуги мистеру Икс, проживающему в провинции. Будут ли все эти подозрения внесены в полицейский компьютер? Достанет ли у меня энергии их оспорить? В конце концов, все это, как бы сказать помягче, познавательно... Или мне самой хочется, чтобы меня считали сумасшедшей?

Явился ремонтник по имени Берт и починил дверь за сто тринадцать фунтов — это поскольку квартира была застрахована. Если б я платила наличными, работа обошлась бы в шестьдесят.

Я даже ухитрилась просмотреть свои заметки к лекциям о Тициане и Веронезе. Подогрела в микроволновой печи мясо по-мадрасски с рисом под соусом карри и легла спать на сытый желудок.

Зазвонил телефон.

Это был Фил. Он накручивает мой номер вот уже несколько дней. Что за странная история с неизвестными полотнами Арчимбольдо? Почему я ничего ему не сказала? И еще нападение террористов! Что все-таки стряслось? Не может ли он заглянуть на минутку?

— Извини, Фил, у меня только что сперли проигрыватель и телевизор. А поспешивший на помощь констебль пришел к выводу, что я проститутка...

Какая удача, что меня обокрали!

Поутру телефон начал звонить не переставая, и парочка газетных ищеек заявилась лично в надежде пронюхать что-нибудь новенькое по поводу взрыва; я выстояла и удрала в направлении школы св. Мартина, куда репортеры, к счастью, сунуться не догадались.

В четыре часа дня я выбралась из школы искусств, архитектурно весьма напоминающей фабричный цех, на кишащую туристами Чаринг-Кросс-роуд. Небо было затянуто облаками, воздух пропитан дымом, но хоть было не холодно. Желтолицый юнец ближневосточного вида без промедления всучил мне листовку, рекламирующую какую-то Академию английского языка.

— Я уже умею говорить по-английски, — уведомила я зазывалу. Тот нахмурился, видимо, недопоняв. Хорошенькая рекомендация для его Академии...

— Значит, вас научат дешевле, — заявил он, следуя за мной по пятам.

— Ну-ка прекрати приставать к этой леди, — вмешался молодой высокий блондин в легкой бело-серой куртке и таких же брюках.

— Не беспокойтесь, все в порядке, — заверила я непрошеного защитника.

— Ничего подобного. Развелось всякой швали на наших улицах! Пройти спокойно нельзя...

Блондин махнул рукой, и к тротуару мгновенно подкатило такси. Он открыл дверцу, быстро сунул руку под куртку и предъявил мне пистолетик, умещающийся в ладони. Это что, новоявленные лондонские крестоносцы, поклявшиеся оберегать дамочек от посягательств? По правде говоря, я попросту не понимала, что происходит.

— Залезайте в машину, — распорядился блондин, — или я пристрелю вас на месте.

— Помогите! — заорала я шепотом, обращаясь к зазывале-арабу.

Без толку.

Что оставалось делать? Только то, что и предложил Мистер Обаяние. Хоть кто-нибудь обратил внимание,

что меня похитили? Или только и видели, как красивый молодой человек учтиво подсаживает женщину в такси?

Шофер даже не обернулся.

— Молчите, — предупредил меня блондин. — И наденьте очки.

Он выдал мне пару очков, черных, как ночь, да еще с боковыми щитками, какие могли бы прописать больному, страдающему от повышенной чувствительности глаз. Однако эти очки оказались не просто черными, а непрозрачными — я не видела в них ровным счетом ничего.

Мы ехали, как мне показалось, примерно полчаса. Потом остановились и чего-то ждали — возможно, случайных прохожих, чтобы они успели проскочить мимо — и, наконец, похититель помог мне выбраться из машины и повел за руку вверх по каким-то ступеням. Отворилась и затворилась дверь. Шум уличного движения стал глуше.

Мы одолели еще один лестничный марш и вошли в большую гулкую комнату, где шаги отдавались эхом. Меня силком усадили на кресло с прямой спинкой, и тотчас одна рука надавила на губу под носом, а другая нажала на нижнюю челюсть, вынуждая открыть рот.

— Пейте!

В горло полилась жидкость, вроде бы сладенькая, но сладость лишь маскировала горький привкус. Я давилась и плевалась, но делать нечего — пришлось проглотить.

Что такое я выпила? Что я выпила?!..

— Хочу взглянуть ей в глаза, — произнес чей-то голос, угрюмый и, как ни странно, сентиментальный одновременно. — Правду можно прочитать по глазам.

Акцент был немецким.

С меня сняли очки. Я увидела себя в гостиной с лакированным, хоть и запыленным, полом и двойными дубовыми дверями. Горела небольшая люстра с тусклыми подвесками. Окна прятались за синими парчовыми портьерами и, кроме того, были прикрыты ставнями. Небольшой рояль под чехлом. Выцветшие обои с розами и лилиями, а над мраморным камином — прямоугольник поярче: там, вероятно, прежде висела картина.

Напротив меня на шезлонге сидел стройный, элегантный седовласый человек лет шестидесяти. Меж колен он держал изящную трость, и руки его то сжимались, то разжимались, предъявляя мне резной серебряный набалдашник. Рядом стоял второй мужчина чуть моложе, много дороднее и совершенно лысый; этот напялил длинную пурпурную бархатную мантию с меховой опушкой, которую я сперва приняла за какой-то экзотический ночной халат. У него был двойной подбородок и мешки под глазами — так мог бы выглядеть Геринг с похмелья. Самое странное впечатление оставляли глаза навыкате, лихорадочно блестящие, будто он нанюхался кокаина.

Мой похититель расположился прямо у меня за спиной.

На столике орехового дерева лежал альбом "Арчимбальдо Эротико", раскрытый на моем предисловии.

Черт возьми!

— Примите извинения, мисс Доналдсон, за способ, каким вас сюда доставили, — произнес тот, что сидел. И показал на альбом: — Однако и вы, со своей стороны, должны принести мне глубокие извинения и возместить причиненный ущерб. Ваши клеветнические измышления должны быть опровергнуты.

Что я выпила? Медленно действующий яд? Скоро ли я начну корчиться, выпрашивая противоядие?

Тот, что в мантии, пододвинулся ближе и неотрывно пялился на меня, пошевеливая пальцами.

— Какие клеветнические измышления? — спросила я, вне себя от страха. Эти люди — наверняка сумасшедшие, фанатики, одержимые какой-то навязчивой идеей. Богатые, холеные сумасшедшие — а стало быть, самые опасные из всех сумасшедших.

Что я выпила? Медленно действующий яд? Скоро ли я начну корчиться, выпрашивая противоядие?

— Клеветнические измышления по адресу императора Священной Римской империи, мисс Доналдсон. И, следовательно, по адресу династии Габсбургов в целом — а ей, возможно, предначертано выступить спасительницей Европы и всего человечества. Таким образом, измышления крайне несвоевременны... — Он поднял трость и стал помахивать ею туда-сюда, будто сшибал ромашки. — Уверен, что вы проявите благоразумие и сочтете долгом разоблачить фальшивку публично.

— Какую фальшивку?

Он поднялся без всякого напряжения и яростно опустил трость на раскрытый альбом — а лицо оставалось учтивым, не изменившись ни на йоту. Я дернулась, словно трость хлестнула не по книге, а по мне.

— Вот эту! Придворный живописец императора Рудольфа этих непристойностей не рисовал!

— Но, — промямлила я, — Прага была взята и разграблена... Замок Скоклостер... Духовник королевы Кристины...

Он вздохнул.

— Ложь. Сплошная ложь. И я не вполне понимаю, зачем. Давайте поговорим об истории и об искусстве, мисс Доналдсон.

— Она неискренна, — проговорил тот, что в мантии, не спуская с меня глаз. — У нее нечистая совесть.

— А вы кто? — взъярилась я. — Ясновидец местного масштаба?

Дородный ответил масляной ухмылкой.

чей к неведомому взирал на меня в упор, а страж-похититель торчал за спиной.

Рудольф, а перед ним его отец Максимилиан II, были правителями проницательными и великодушными, поставившими перед собой цель преодолеть раскол христианской Европы, объединив ее под эгидой Габсбургов. Они вели достойную и благородную жизнь, как и граф Джузеппе Арчимбольдо. Его так называемые фантазии в контексте священной империи имели выверенное политическое и метафорическое значение. Эстетическое равновесие природных элементов в портрете Вертумния и других "растительных головах" знаменует собой гармонию, какая снизойдет на Европу под мудрым водительством австрийского королевского дома...

"Яволь, майн фюрер", — откликнулась я про себя.

Вечным, как сами эти элементы, Габсбургам предначертано править как микро-, так и макромиром — миром

— Герр Фосс — мой личный оккультист, — пояснил элегантный.
— Оккультист? Вы хотели сказать — окулист? Глазной врач?

— Герр Фосс — мой личный оккультист, — пояснил элегантный.

— Оккультист? Вы хотели сказать — окулист? Глазной врач?

— Именно оккультист. Человек энциклопедических знаний, владеющий ключами к неведомому. Между прочим, мисс Доналдсон, мое имя — Генрих фон Габсбург.

— О... — только и нашлась сказать я.

— Не стану обременять вас генеалогией, сообщу лишь, что ныне я являюсь наследником трона Священной Римской империи.

Подумать только!

— А я-то наивно думала, что трон империи не может передаваться по наследству...

Он жестко оборвал меня:

— Вы не разбираетесь в божественном праве престолонаследия. Выборщики действовали не по собственному усмотрению, а по воле Божией. И если Всевышний передал титул Габсбургам, то неспроста. Лучше поговорим об искусстве. И о неприкосновенности истории...

Что его величество Генрих и сделал, разумея под разговором собственный монолог. Обладатель клю-

политики и миром природы. Цикл времен года Арчимбольдо — головы Габсбургов, выполненные из зимних, весенних, летних и осенних компонентов — подразумевал, что правлению династии суждено быть непрерывным и бесконечным. Под светским и духовным водительством наследников Геракла, то бишь дома Габсбургов, в объединенную Европу вернется золотой век.

"Валяй, валяй", — отозвалась я безмолвно.

Шло время — и в должный срок сие благодатное событие почти свершилось. На горизонте уже вырисовывался великий король, предсказанный, нет, загодя воспетый Нострадамусом. Дом Габсбургов соединился с домом Лорренов, Мария-Антуанетта стала королевой Франции. Еще поколение, и династия Габсбургов — Лорренов добилась бы господства над Европой. Но вмешалась Французская революция.

"Подумать только, какая жалость..."

В течение всего XIX века династия пыталась перегруппировать свои силы. Увы, конец первой мировой войны был ознаменован переворотами, отстранившими Габсбургов от власти и ввергнувшими Европу в хаос.

"Стыд и позор!.."

Ныне Европа возрождается и объединяется вновь, и

граждане континента все более убеждаются, что микромир человека и макромир природы находятся в неразрывном единстве. Только этому заново обретаемому единству пока недостает вождя.

Вождя в лице императора Священной Римской империи.

Одной из возможных первоочередных акций было бы восстановление монархии в Венгрии, хотя за подкладкой имперских рукавов припасены и другие козыри. Символические портреты Арчимбольдо — своеобразные иконы грядущего золотого века, тем паче, что ныне их удалось инъецировать в психику всей Европы. Эти полотна закладывают в подсознание людей ожидание лучшей жизни, надежду на нее и стремление к ней, тайное ощущение высших предначертаний, каковые и сбудутся в случае возрождения священной империи Габсбургов.

— Теперь вам ясно, мисс Доналдсон, почему ваши непристойности — не просто клевета, а клевета святотатственная?

"Боже правый!.."

— Вы хотите сказать, что именно вы и стоите за экологической свистопляской, опирающейся на Арчимбольдо? — ответила я его величеству Генриху вопросом на вопрос.

— Сила символов, — заметил Фосс, — весьма значительна. Символика — моя специальность.

Очевидно, в их намерения не входило посвящать меня в свою тактику. То ли они надеются примазаться к уже существующей, возникшей независимо от них кампании, то ли действительно некий тайный приверженец династии убедил эко-психов использовать головы из фруктов и овощей, цветов и листьев — а по сути, головы Габсбургов — и обклеить ими всю Европу и Америку.

— Вы вломились в мою квартиру, — обвинила я блондина, стоящего за спиной. — Думали найти какую-нибудь гадость и, конечно, ничего подходящего не нашли. Картины-то подлинные!

Блондин резко хлестнул меня по голове.

— Мартин! Ты сам прекрасно знаешь, что в этом нет нужды!..

Г. фон Г. вздернул ладонь, накладывая запрет на рукоприкладство, по крайней мере, временный.

— Вы взломали дверь, — брюзжала я через плечо, радуясь отсрочке приговора, — и ради правдоподобия сперли проигрыватель и телевизор. Держу пари, что и квартиры по соседству обчистили тоже вы, просто для отвода глаз...

Мартин действовал по своей воле? Безусловно, нет. И у него наверняка были соучастники. Шофер такси и черт знает кто еще...

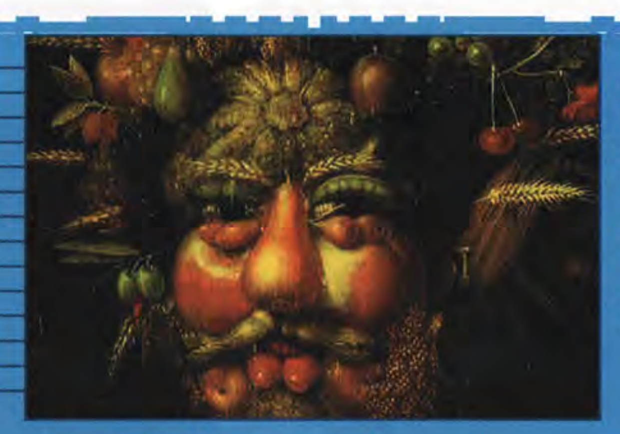
— По правде говоря, мы сломали дверь не до того, как вошли в квартиру, а после, — похвалился Мартин. — Вошли мы гораздо более аккуратно.

— Подобрали ключи, — сообщил Фосс, хищно осклабившись.

Сколько же было соучастников?

Это они взорвали галерею Бош! Это они сожгли охранников заживо!..

Просто не верится, что в борьбе за европейский трон вы уповаете на какого-то долбаного чародея!

Меня передернуло.

— Вижу, что величие замысла понемногу проникает даже в вашу птичью головку, — заявил фон Габсбург. — Единая Европа должна быть очищена от скверны. От скверны экологической, ибо владык Священной Римской империи тоже можно рассматривать как силу природы. И, конечно, от скверны моральной.

— А как насчет расовой скверны? — осведомилась я.

— Я аристократ, а не варвар, — ответствовал Генрих. — Нацисты были ничтожествами. Тем не менее, мы согласны с ними в том, что мусульман, турецких язычников, нельзя допустить к делам Священной Европы. Нельзя допустить, чтобы те, кто осаждал Вену в 1683, ныне пролезли к нам через заднюю дверь...

О, жгучие обиды давних столетий! Ромби и его высокоученый "Звездный клуб" на их фоне кажутся неуклюжими выскочками...

Наука против имперской магии — и эко-мистика посередине.

— Просто не верится, что в борьбе за европейский трон вы уповаете на какого-то долбаного чародея!

— Выбирайте выражения, мисс Доналдсон! — вспылил фон Габсбург. — Вы распущенная девчонка! —

Фосс разгладил свою мантию, будто я посмела ее измять. — Впрочем, — добавил Г. фон Г., — вы дитя своего века, в то время как я — продукт сентурий...

— Вы говорите о "Сентуриях" Нострадамуса?

Кажется, я не ошиблась: именно так называлась та книжка с астрологической белибердой.

— Мне не следовало забывать, что по современным меркам вы человек образованный. Скажите мне в таком случае: что, по-вашему, значит слово "сентурии" у Нострадамуса?

— Как что? Долгие годы. Столетия, особенно в будущем.

— Вот и неверно. Просто-напросто у него каждый раздел состоит из ста катренов — стихов по четыре строки. Выходит, вы только полуобразованны, отсюда и ваши промахи. Сколько вам заплатил этот американский собиратель картин за предисловие?

Отпираться глупо, Ромби должен был мне что-то заплатить. Кто ж поверит, что я накатала столько страниц задаром...

— Три тысячи долларов, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

— Не слишком-то много, учитывая преступный замысел. Может ли быть, что мистер Райт — не автор розыгрыша, а его жертва?

Он опять саданул тростью по раскрытой книге.

И — невероятно, но факт — моя спина отозвалась жгучей болью. Я взвизгнула и обернулась, однако у Мартина никакой трости не было.

У него в руках вообще ничего не было. С гнусной усмешкой он предъявил мне свои пустые лапы. Фосс хихикнул. Я бросила на чародея недоуменный взгляд — он мне подмигнул.

Словно раскрытый альбом стал куклой в руках шамана — Габсбург порол его, чтобы наказать меня. Он опять хлестнул по моим словам, и я заорала в голос: так сильна была внезапная боль. И ведь я знала наверняка, что на мне не останется следов удара! Фосс облизал губы и объявил:

— Символический резонанс, мисс Дональдсон. Воздействие символическое, но от того не менее сильное.

Что за отрава была в жидкости, которую я проглотила? Чувство ориентации у меня не пропало, несмотря на нервический ужас, но какое же странное состояние рассудка предопределило эту внушаемость к боли?

— Так может продолжаться довольно долго, мисс Дональдсон.

Генрих снова занес трость.

— Подождите!..

Три четверти миллиона — достаточная ли это плата за то, чтобы безумные и безжалостные фанатики подвергали меня допросу третьей степени, символическому, но вполне эффективному? Передо мной мелькнула абсурдная картинка, как я пытаюсь втолковать констеблю-карибцу, что мою квартирку взломали наемники императора Священной Римской империи, питающего надежду вернуть себе власть над Европой, и что я прошу у полиции защиты, поскольку Габсбурги способны причинять мне мучительную боль, истязая мои напечатанные на бумаге слова...

Я помешалась? Неужели я помешалась?

Комната будто фосфорисцировала, наливаясь внутренним светом. Каждая деталь мебели и драпировок виделась предельно отчетливо. И ощущение реальности происходящего было резким, как никогда в жизни.

— Будь по-вашему, — сдалась я, — полотна фальшивые. Изготовлены в Голландии, но, честное слово, не знаю, кем. С художником я не встречалась, имени его мне не называли. Ромби, то есть мистер Райт, ненавидит экологистов, поскольку они выступают против космических исследований, а в них, как он считает, наша единственная надежда. У меня есть друг в редакции "Санди таймс". Я расскажу ему все-все. Про то, что картины были подделаны, и про то, зачем. Такую штуку они напечатают непременно. Райт получит тухлым яйцом по морде.

— Типично современное поведение — предать кого угодно при первой возможности, — заметил Габсбург небрежно-презрительно, заставив меня скорчиться от стыда и страха.

— Прямо в следующем субботнем выпуске, — пообещала я.

— В настоящий момент, — заявил Фосс, — она верит в то, что действительно так и поступит. И, конечно, она прекрасно сознает, что наш Мартин разыщет ее, если ей вздумается нарушить свое обещание... — Он уставился на меня не мигая. — Ах, вот еще что: она думает с облегчением, что на расстоянии вы не сможете достать ее наказующей тростью. Также она предполагает, что мы не разрешим Мартину убить ее, потому что тогда потеряем ее свидетельские показания...

Нет, он не читал мои мысли. Нет, нет! Фосс читал выражение моего лица, движения моих мышц. Ему это удавалось потому, что все вокруг было резким, как никогда.

Он всмотрелся в меня снова и добавил:

— А еще она испытывает парадоксальную привязанность к своему дружку Ромби. Солидарность пополам с алчностью. Да, она определенно хотела бы сохранить лояльность по отношению к нему...

Если бы у меня не выскочила эта кличка — Ромби! Если бы я назвала Ромби просто Райтом! Всему виной коварные оттенки смысла... Подлинных моих мыслей Фосс не читал, не читал!

— И потому, — проговорил Г. фон Г., обращаясь к придворному чародею, — следует внушить ей иные лояльности. — Господи, что он имеет в виду? Что ему еще надо? — Используй самые мощные символы, Фосс.

— Так точно, светлейший.

— Чтобы ей самой не захотелось предавать нас. Просвети ее, Фосс. Покажи ей истинную глубину истории, нас породившей. Твой отвар уже проник ей в душу...

Фосс придвинулся ближе, навис надо мной, и на меня навалилось оцепенение. Кажется, меня парализовало самое его приближение. И все же я ухитрилась пискнуть:

— Подождите...

— Ждать? — гулко вымолвил Г. фон Г. — О, я ждал уже более чем достаточно. Династия ждала более чем достаточно. Перетерпела Французскую революцию, перетерпела шуточки коммунистов... Священная Римская империя возродится именно на данном переломе истории, поскольку она никогда и не умирала, сохраняясь, по меньшей мере, как состояние души. Ибо важна как раз душа, мисс Доналдсон, и император Рудольф прекрасно понимал это, вопреки вашим порнографическим измышлениям! Да, да, мой предок жадно искал символический ключ к идеальному миру. В его пражском замке гостили знатоки магических искусств, хоть у него, увы, не было преданного слуги, подобного Фоссу...

Подсунув трость под чехол на рояле, фон Габсбург одним взмахом сорвал чехол прочь. Пересел на табурет и с треском открыл крышку над клавиатурой. Тонкие, выхоленные пальцы принялись брать протяжные, скорбные аккорды в духе Дебюсси, и я почти физически ощутила, как погружаюсь, растворяюсь, тону в них.

Фосс начал что-то мурлыкать, подпевать на каком-то германском наречии, и я потеряла способность шевелиться. И с каждой секундой съеживалась — а, может, комната расширялась. Или и то и другое. Сам Фосс стал огромным, заполнил собой весь мир.

А я превратилась снова в маленькую девочку — нет, не девочку, скорее в миниатюрную копию себя взрослой. Помнится, когда я была на пороге половой зрелости, то в своей постельке, перед тем как задремать, испытывала порой подобное оцепенелое искажение чувств.

Стенала музыка.

И Фосс напевал мне колыбельную.

Бородач в черном бархате и светло-вишневом атласе держал мое нагое недвижимое тело в ладонях. Именно так, держал меня целиком, ибо я стала крохотной и умещалась на его руке до локтя.

С плеч у него спадала роскошная горностаевая мантия.

Я была окостеневшей, неспособной шевельнуться.

Он поставил меня в нишу, пробежался пальцами по моему животу, нащупал заповедную щель между ног.

Отступил на шаг.

И ушел.

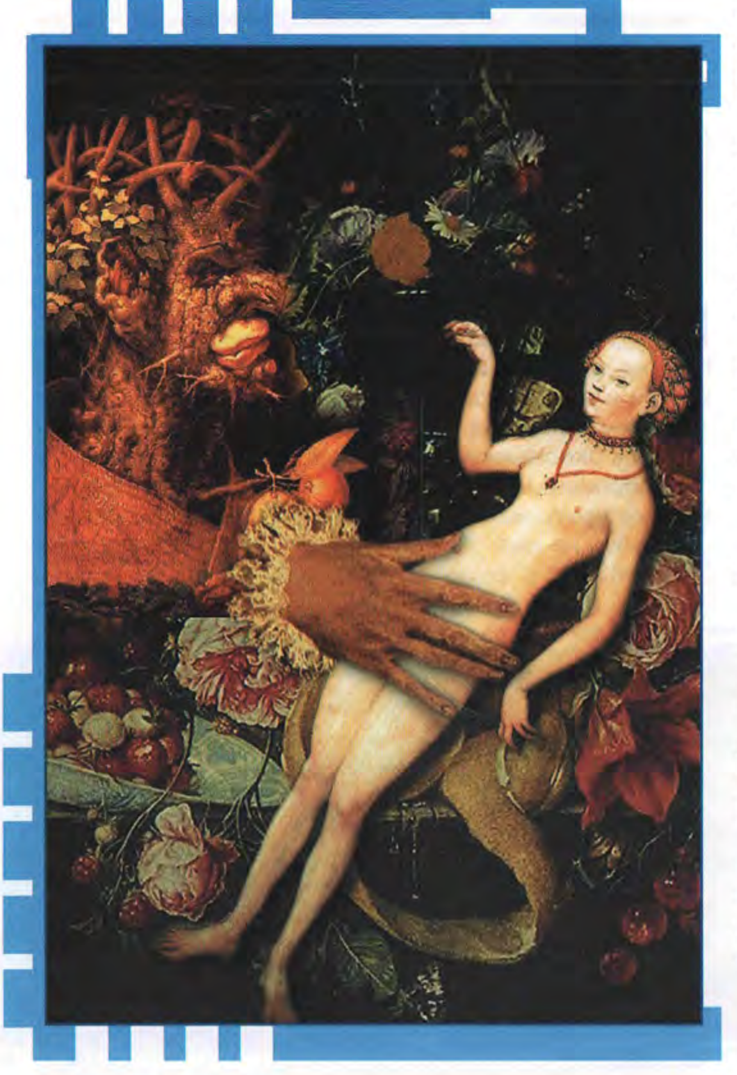

Фосс начал что-то мурлыкать, подпевать на каком-то германском наречии, и я потеряла способность шевелиться.

Я осталась в обширном мрачном сводчатом зале, среди массивных шкафов, стеллажей и сейфов. В толстенной каменной стене — окна-бойницы, забранные решетками, сквозь которые не пролезть самому тощему и верткому вору. На широких полках и под ними — картины пачками, по несколько в каждой пачке, на мифологические и библейские сюжеты: Тинторетто, Тициан и так далее. Ни освещение, ни обстановка ничуть не напоминают современные музеи. Здесь искусство оберегается как в кладовой у скупого, под надежным замком.

Проходили дни, проходили ночи. Недели за неделями в полном одиночестве и неподвижности. Это сводило с ума, я обрадовалась бы любой перемене, любому посетителю вне зависимости от его намерений. Мысли мои петляли вокруг Джакопо Страды, взрыва в Амстердаме, династии Габсбургов, и, надо признать, имперская тема набирала все большую настоятельность — и значительность — с каждым новым обращением к ней.

Но однажды дверь в мою темницу распахнулась, и

явилась фигура, будто осветившая все вокруг. Потому что лицо и волосы пришельца состояли из сотен весенних цветов, воротник — из белых ромашек, а остальная одежда — из пышных листьев. Приблизившись, он постоял, разглядывая меня цветочными глазами, улыбнулся чуть-чуть губами из розовых бутонов. А потом просто ушел.

Минули месяцы, отвратительные в своем бездельном покое. Перед глазами, как звезды, нескончаемо пылали, не желали гаснуть ромашки. И, наконец, вошло знойное Лето. Глаза — спелые вишни. Зубы — горошинки. В волосах перепутались сливы и обильные лесные ягоды, а платье скроено из плетеной соломы.

И этот пришелец тоже улыбнулся и ушел в свой черед.

Прошли еще месяцы...

...пока не явилось следующее время года — румяная Осень. Тоже в мужском обличье, но этот гость казался старше, с овсяной бородой, толстой грушей носа, грибными ушами и виноградными гроздьями взамен волос. Подбородок — налитой гранат. В одном ухе серьга — лопнувший от спелости инжир. Гость подмигнул мне распутно и удалился. Я было пыталась упросить его остаться, только губы не слушались и не размыкались.

А следом пришла Зима, скрюченный старик в рубцах и струпьях, нос — обрубок гнилой ветки, кожа — щелеватая кора, губы — выпирающие грибы-трутовики. Брюзгливый и недовольный, старик пробыл в зале дольше своих предшественников, но, как и они, не сделал даже попытки дотронуться до меня. И все же его уход — окончание полного цикла времен года — бросил меня в бездну отчаяния, холодную, как мрамор.

И вдруг дверь отворилась снова, и темницу залил золотой свет. Ко мне в гости пожаловал сам Вертумний, плодоносный бог: щеки — наливное яблоко и сочный персик, голова увенчана фруктами и колосьями, грудь — могучая тыква. Вишнево-ежевичные глаза сверкают щедростью.

Рудольф!

И он потянулся ко мне. Очутиться в его объятиях! Впитывать излучаемое им тепло!

Он вынул мое парализованное нагое тело из пыльной ниши.

Внезапный грохот вернул меня из темницы в гостиную. Словно Вертумний уронил меня, и я разбилась вдребезги. На мгновение мне померещилось, что так и произошло. Однако разбилась не я сама, а сковывавший меня транс.

В комнате был полисмен. С оружием, которым он настороженно водил из стороны в сторону. Яснее ясного, что, кроме меня, тут никого нет. Грохотнуло, видимо, в тот момент, когда он вломился в гостиную, резко распахнув двойные дубовые двери.

По дому бухали чьи-то шаги. Перекликались голоса:

— Никого!..

— И здесь никого!..

В комнату ввалились еще трое-четверо в форме.

— С вами все в порядке, мисс?

Руки и ноги снова слушались меня. И одета я была, как раньше: джинсы и бордовый свитер с пейслийским узором. Моя миниатюрность кончилась, нагота кончилась. Я осмотрелась: ни фон Габсбурга, ни Фосса, ни Мартина.

— Вы здоровы, мисс? Вы меня слышите?

Я ответила медленным кивком. Неподвижность прошла, но осталась слабость.

— Она тут так и сидела одна, — доложил полисмен, ворвавшийся первым. И, убрав пистолет, обратился ко мне требовательно: — Так что с вами все-таки случилось?

Как они пронюхали, что я здесь?

— Меня силком посадили в такси. Привезли сюда, дали какой-то наркотик...

— Какой наркотик? Зачем?

— Чтобы я начала... грезить.

— Кто привез вас сюда?

— Человек по имени Мартин...

Гангстер на службе у наследника империи Габсбургов.

Наркотик, состряпанный придворным чародеем... Какой смысл рассказывать такие вещи? Как объяснить им явление Рудольфа-Вертумния? И могу ли я теперь отрицать Вертумния, почти обратившего меня в свою веру?

— ...Они хотели, чтоб я отреклась от того, что написала про художника Арчимбольдо.

— Про художника???

Я попыталась мямлить что-то о картинах Арчимбольдо, о взрыве в Амстердаме и о том, что моя квартира подверглась взлому. Само собой получилось, что мои показания — ради элементарной достоверности, да и по необходимости уберечь собственную логику — обошли Габсбургов полным молчанием и покатились по экологическим рельсам.

Полисмен нахмурился.

— По-вашему, зеленые взорвали галерею, а затем еще и похитили вас? Здесь сейчас никого нет...

— Наверное, убежали, заметив ваше приближение. Я сама ничего не понимаю.

— Хмм... — откликнулся полисмен и позвал: — Входите, сэр!

Ко мне в гости пожаловал сам Вертумний, плодоносный бог.

И в комнате появился Фил, плотный и элегантный, в бархатном пиджаке и замшевых ботинках, пышные темно-русые волосы зачесаны назад изящными волнами, как всегда.

Можете себе представить: Фил видел, как меня втолкнули в такси, и заметил блеск направленного на меня пистолетика; в ту минуту он слонялся у книжных витрин на другой стороне улицы с намерением дождаться моего появления из недр школы св. Мартина и столкнуться со мной вроде бы совершенно случайно. Ему повезло схватить другое такси, он поехал вдогонку и видел, как меня в черных "шорах" препроводили в уединенный дом в Северном Лондоне. Добрый час ушел у него на то, чтобы расшевелить полицию и убедить выслать мне на помощь вооруженный отряд — час, в течение которого передо мной прошли все четыре времени года.

Тот факт, что Фил и я "давние друзья", а он к тому же еще и причастен к журналистике, привел полицию в раздражение. Похищена неизвестными лицами, привезена в пустующий дом и оставлена без присмотра сидеть и поджидать освобождения? Все это, с учетом событий в Амстердаме, определенно смахивало на инсценировку в рекламных целях. Ничуть не помогло и упоминание о наркотиках, скорее наоборот. Вызов вооруженного полицейского отряда — серьезное дело.

Нас обоих заставили отвечать на вопросы до позднего вечера. Но и когда нас наконец выпустили из участка, мы не могли поручиться, что нам не собираются предъявить никакого обвинения. Тем не менее, двойное убийство в Амстердаме придавало моим словам известный вес. Кто знает, может, за этим эпизодом кроется что-то действительно серьезное...

Конечно же, я была слегка не в себе. Вследствие чего в полиции мне сделали анализ крови. Результатов мне не показали, но уж точно, что ни марихуаны, ни ЛСД не нашли. И ни малейшего сомнения, что следует держаться "не в себе" до встречи с Ромби.

Раздраженный Фил настоял на разговоре со мной за поздним ужином в попутной пиццерии — да, по правде сказать, мы оба проголодались до полусмерти. Пришлось врать, воздерживаясь от ссылок как на Габсбургов, так и на "Звездный клуб". Полотна Арчимбольдо — несомненно подлинные. Ромби взял на себя смелость выступить открыто. Европейские экопсихи не нашли ничего лучшего, чем взорвать галерею, они же, по-видимому, стоят и за похищением. Блондин Мартин, а рядом пожилой человек, чьего имени я не знаю, и еще тучный господин по фамилии Фосс, обряженный в странный костюм. Все говорят по-немецки. В общем, слово в слово то, что я повторяла в полиции пять или шесть раз подряд. Похитители старались вынудить меня отречься от того, что я написала, ибо мои комментарии оскорбительны для Арчимбольдо, ставшего знаменем зеленых. Они накачали меня наркотиками до остолбенения, от которого я, к счастью, удивительно быстро оправилась. Спасение пришло так скоро, что более точных деталей я выяснить не успела...

Фил и я заказали тунца, анчоусы и коктейль из креветок, а к ним красное вино.

— Ну и история, Джилл! Почти первополосная.

— Сомневаюсь.

— Она же явно связана с зелеными! Взрыв, похищение... Честное слово, я потолкую обо всем этом с Фредди из отдела новостей...

— Послушай, Фил, ты критик-искусствовед. Я тоже. Сенсационная трескотня на первых полосах мне ни к чему.

Он не сдержал упрека:

— Джилл, из-за тебя я только что проторчал целый вечер в полиции...

— Я очень признательна тебе за то, что ты сделал. И хватит об этом.

— Ради всего святого, ты что, не соображаешь, что опасность еще не миновала? Или... или ты уверена, что ее и не было? Может, твой Райт выкинул этот фокус ради рекламы? Ты вляпалась в историю, а теперь сама не знаешь, как выкрутиться? Но зачем ему понадобилось такое представление? А если это все-таки он, тогда что в действительности произошло в Амстердаме?

Боже милостивый, ну и поворотики!

— Нет, нет! Какой же тут рекламный фокус, если единственным свидетелем оказался ты, да и то случайно...

— Случайно ли? — задумчиво пробормотал он, будто я могла выследить его из какого-нибудь верхнего окошка школы и быстренько позвонить своему похитителю.

— Послушай, Фил, я сама в замешательстве. Я измучена. Мне надо выспаться...

В пиццерию вошел дородный лысый дядя в темно-синем костюме, помахивая тростью с серебряным набалдашником. Совершеннейший Геринг в свободный вечер. Глаза навыкате встретились с моими. Он рассек тростью воздух, и я взвыла от боли, навалившись на стол и расплескав вино из бокалов.

— Джилл, что с тобой?

Фил ухитрился перекрыть красный ручей на столе бумажной салфеткой и одновременно броситься мне на помощь. Другие посетители вытаращились на нас, управляющий направился в нашу сторону: уж не поссорились ли мы до драки? Вино струйками и по каплям стекало на плитки пола.

Фосс исчез. Я безвольно осела на стуле, сказав управляющему:

— Извините. Сильная судорога...

Управляющий жестом приказал официанту убрать кавардак. Другие посетители вернулись к поглощению пиццы.

— Что случилось? — прошептал Фил.

— Судорога. Просто судорога...

Неужели кто-то из банды Габсбургов тайно провожал нас до полицейского участка, а потом часами шатался вокруг, поджидая, когда мы выберемся оттуда? Был ли это и впрямь Фосс или лишь кто-то на него похожий? Кто-то, чья внешность всколыхнула болевой рефлекс? Мучительная галлюцинация...

Фил отвез меня домой на такси. Волей-неволей пришлось позволить ему подняться в квартиру — а вдруг там засада?

Засады не оказалось. Еще полчаса ушло на то, чтоб избавиться от дружка сердечного — самые горькие жалобы на усталость не производили на него впечатления. Когда я наконец дозвонилась Ромби по его личному номеру, уже пробило одиннадцать. Ему-то я рассказала бы про Габсбургов без колебаний, но он был сама краткость.

— Ни слова больше, — оборвал меня мой богатый покровитель. Мой папочка Ромби... — Оставайся дома. Я посылаю за тобой Кейса, и немедленно. Он позвонит тебе из машины, как только доберется до твоего подъезда. Прежде чем открыть дверь, убедись, что это он и никто другой...

В "Мерсе" я крепко заснула. Когда мы прикатили в Бексфорд, выяснилось, что Ромби поджидает меня для допроса с пристрастием, а подчас и с издевкой, в присутствии Кейса и Ласселя. Вид у Ласселя был вялый, чтобы не сказать — помятый.

До постели я добралась около четырех утра — а Ромби еще оставался на ногах и намеревался, по-видимо-

му, обзвонить полмира. Откуда у Большого Папочки такая прыть? Наелся бензедрина? Не обязательно. Ромби получал удовольствие от того, что ему дано преимущество в несколько часов над нами, смертными британцами. Стремясь жить более или менее по американским часам, он поднимался обычно очень поздно. Ночь напролет двое дежурных бодрствовали у компьютеров и на трансатлантической спутниковой связи. В этом смысле Бексфорд не засыпал вообще ни на минуту.

Я уже усвоила, что состояние кризиса — своего рода стиль жизни, который Ромби навязывает всем вокруг, подхлестывая персонал не хуже бензедрина. Например, в дни моего предыдущего визита в поместье имел место инцидент с дельтапланами. Проходил Котсуолдский авиафестиваль, и они время от времени имели дерзость пролетать над Бескфордом на высоте двести-триста футов. Ромби возмутился и заставил Ласселя подать формальный протест, требуя наказания организаторов фестиваля по суду.

Но дело не сводилось к дельтапланам как таковым. Рукотворные птеродактили потревожили скворцов, вынудили их менять привычки, и целая стая этих сварливых птиц решила поселиться на тарелке спутниковой антенны. Их вес, а равно их помет могли исказить информацию ценностью в миллионы долларов. Что предпринять? Посоветовавшись со специалистами по пернатым, Ромби отправил вертолет в Хитроу за партией французских петард, которые тут же прикрепили к водосточным желобам. Так что мое пребывание в гостях сопровождалось периодическим взрывным попукиваньем...

Проснулась я в полдень, и Ромби присоединился ко мне за завтраком в необъятной старой кухне — классическая древность в комбинации с нержавеющей сталью и керамическими подогревателями. Большой телевизор был настроен на Си-Эн-Эн, и какой-то эколог яростно вздыхал по поводу ракетных выхлопов и озоновых дыр.

— При каждом запуске пилотируемого корабля выбрасывается сто шестьдесят три тысячи килограммов хлористого водорода, который превращается в атмосфере во взвесь соляной кислоты! Теперь нам делают одолжение, обещая заменить окислитель топлива — перхлорат аммония, ответственный за обширнейшие атмосферные загрязнения, — на аммиачную селитру...

Едва я прикончила свой рогалик, Ромби отправил двух женщин— кухарок на огород выбрать овощи и зелень, а потом, нарочито подмигнув, осведомился:

— Явления цветочных горшков народу больше не наблюдалось? Габсбурги не показывались?

— Это не смешно, Ромби. Что было, то было.

Он кивнул.

— Боюсь, Джилл, в тебя влили “закрепитель колец”.

— Нельзя ли попонятнее?

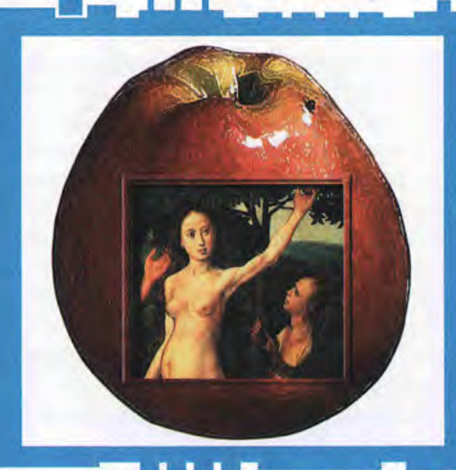
— Я говорил с Техасом, с одной из моих лучших сотрудниц-химиков. У Салли светлая голова, и она знает толк в фармакологии. — Он заглянул в записную книжку, исчирканную закорючками. — Есть такие молекулярные структуры, называются индольные кольца. Эти кольца можно связать с синапсами мозговых клеток, и тогда они провоцируют психозы. Случайные связи распадаются, закрепленные — остаются надолго. Похоже, что сегодня за это взялись всерьез, и целая свора фармацевтов тайно работает над препаратами, способными управлять людскими верованиями и побуждениями. До Салли доходили слухи о снадобье под кодовым наименованием “Смятение” и еще об одном под наименованием “Убеждение” — оно как раз подходит к твоему случаю. Другого объяснения галлюцинациям я не вижу. Конечно, видения зарождаются в твоей собственной голове, как только возникает соответствующий толчок.

— Я и сама понимаю, что разгуливающие цветочные горшки мне пригрезились. Значит, по-вашему, это теперь будет повторяться без конца?

— Ты же сыграла на “бис” в пиццерии, не так ли? Никто тебя не коснулся, а тебя ожгло, как кнутом. И в будущем любое словечко, затрагивающее старину Арчимбольдо, может вызвать такую же реакцию. Любое ин-

Целая свора фармацевтов тайно работает над препаратами, способными управлять людскими верованиями и побуждениями.

тервью, еще что-нибудь в таком роде, — если ты позволишь себе отступить от тех воззрений на Арчи, каких придерживаются Габсбурги. Хотя догадываюсь, что насчет Габсбургов ты и сама не склонна много болтать...

— Они меня предупреждали. Как же тогда мне сошло с рук то, что я рассказала вам вчера вечером?

— Им помешали прежде, чем они закончили тебя обрабатывать. — Он усмехнулся. — А может, в иерархии твоих привязанностей я стою достаточно высоко, чтоб одолеть их частичную власть над тобой. Репортеры и телерепортеры твоей любовью не пользуются, так что в разговорах с прессой лучше придерживайся линии, угодной Габсбургам. Если тебе и удастся противостоять ей, то дорогой ценой.

— Какой именно?

— Ценой болевых ударов, насланных твоим собственным мозгом. Ценой искажения реальности. Так утверждает Салли. В том-то и соль, что эти новейшие снадобья связывают человека по рукам и ногам.

Чем больше я размышляла об услышанном, тем меньше оно мне нравилось.

— Многим ли известно об этих препаратах убеждения? — осторожно спросила я.

— В журнале "Ньюсуик" их не рекламируют. Насколько я понял, они пока считаются вроде как экспериментальными. У Салли чутье на научные слухи. Она у меня в исследовательском отделе. Возглавляет группу просмотра химических журналов. Берет на заметку любое необычное сообщение, любой намек на верхушку будущего айсберга. Главным образом, конечно, ее интересует нефтехимия. — Он говорил про айсберги так, словно они рождаются полностью погруженными и лишь потом всплывают понемногу. — Салли помогла собрать сведения о точном составе красок для поддельных Арчи...

Как же он откровенен! Вроде бы откровенен... И как речист!

— Каким же образом придворному чародею Габсбургов удалось докопаться до препаратов убеждения, если они даже не вышли в серию? — задала я каверзный вопрос.

Ромби ответил уныло:

— Черт его разберет! А вдруг он и вправду чародей? Алхимики были предшественниками научной химии, разве не так?

— В том же смысле, в каком Икар был предшественником аэробусов?..

Одна из кухарок вернулась с исполинским кабачком в руках. Повинуясь внезапному импульсу, я вышла в огород поразмыслить без посторонней помощи. Солнце наконец-то прорвалось сквозь застилавшую небо туманную дымку и осветило величественную капусту, кочанную и цветную, артишоки, ревень, лук-порей. Вдоль старой кирпичной стены, замыкающей поместье, висели связки томатов. В вязах за стеной орали грачи, пританцовывая вокруг своих неряшливых гнезд, издали смахивающих на болезненные наросты на ветвях.

А был ли джентльмен, мною виденный, действительно Генрихом фон Габсбургом, наследником трона Священной Римской империи, выжидающим за кулисами своего часа, чтобы выступить на мировую сцену? Верить ему только потому, что лично он заверял меня в этом при вполне убедительных обстоятельствах? Что если трио в гостиной состояло из эко-психов, напяливших маски Габсбургов, пудривших мне мозги в расчете добиться моего саморазоблачения?

Но разве у полоумных эко-пуритан хватит пороху устроить такой спектакль? Куда легче допустить, что за всю эту кашу, за мое заточение и промывку мозгов ответственен "Звездный клуб" — уж у них-то заведомо есть доступ к самоновейшим психотропным снадобьям, да и склонность к грязным трюкам в придачу.

Остается вопрос: сам Ромби посвящен в их делишки или нет?

Ну а зачем им это надо? Устранить меня как свидетеля, достоверно осведомленного о сути грандиозного розыгрыша? Обречь меня на прогрессирующие нервные срывы и тем самым фактически уничтожить? Однако не подорвут ли мои психозы доверия к тому, что я написала?

Нет, не подорвут, скорее наоборот. Вина-то ляжет на злодеев— экологистов...

А может, они одновременно преследовали цель опробовать этот самый препарат убеждения на практике? Провести полевые испытания на подходящем подопытном кролике, то бишь на мне? В дальнейшем "Клуб" мог бы попытаться аналогичным образом "убедить" наиболее влиятельных эко-психов, заставить их изменить свои взгляды или выставить их перед всем миром явно помешанными...

Меня-то, конечно, превращать в исступленную экокликушу нет резона. Так что представление с участием Габсбургов окупается вдвойне...

Интересно, а существует ли настоящий престарелый Генрих фон Габсбург? О, нет сомнений, — живет себе где-нибудь в Германии или в Австрии и ни о чем не подозревает...

Овощи в огороде принялись извиваться, биться, пульсировать. Спелые полосатые кабачки стучали о землю,

как гигантские зеленые половые железы. Томаты распухали на глазах. Лук-порей в корчах лез вверх — белые восковые свечи, пылающие зеленым пламенем. Сельдерей рвался из почвы, раскидывая перистые листья. Брюссельская капуста превращалась в джунгли, а цветная — в обнаженные мозги. Огород старался преобразиться в некое могучее раскидистое существо с капустными мозгами, луковыми пальцами, кабачковыми органами, зеленой лиственной плотью...

Вскрикнув, я кинулась обратно на кухню.

И остановилась, как загнанный зверь.

Я не могла, не могла заставить себя войти в дом, где Ромби, Кейс и Лассель плели заговоры, планируя крах Природы, надругательство над планетами, выкачивание нефти из сосудов Земли, с тем чтобы оставить лишь удушливый дым.

За моей спиной овощные джунгли утихомирились. Метаморфозы замерли, пошли вспять.

Стало быть, если мысли мои текут стройно, а не упорствуют в своей извращенности, я вне опасности.

И все же разум был взбаламучен, реальность распадалась на осколки. Заговор накладывался на заговор, одна преступная схема на другую. А вследствие этого одна реальность перекрывала другую с отвратительной последовательностью и убедительностью. Что такое я только что наблюдала — заговор овощей?

Не могла я войти в этот дом, куда бежала очертя голову в поисках безопасности всего-навсего вчера. Ибо отсюда, из Бексфорд Холла, невидимые щупальца тянутся в небо, в космос и обратно, связывая Ромби со звездными крестоносцами, манипулирующими моим сознанием. Не исключено, что и сейчас он докладывает им о моем состоянии, и не играет роли, по неведению или из вероломства.

На экране неба передо мной предстал грядущий мир Смятения и Убеждения, где беспощадные фанатики управляют чувствами людей химически, добиваясь, чтобы Природа являлась нам многоликой гидрой, внушающей ужас, — еще бы не ужасаться, если она способна поглотить нас, расплавить наш разум, затуманить острое самосознание мутными, дробными видениями; а отделаться от гидры можно только тем, что сбежать на серебряных кораблях в безмятежный космос, где плывущие в пустоте камни не наводнены вступившими в заговор сорняками, где астероиды не загажены томатами, пухнущими от своего овощного геморроя и жаждущими учредить всепланетный овощной союз...

Я закатила себе пощечину. Хоть бы вызвать сюда Габсбургов с их хлыстом, хоть бы боль вырвала меня из кошмара раздвоенного зрения!

Я должна, я обязана войти в дом. Вернуться к здравомыслию. Или не стоит?

"Закрепитель колец" зажимал меня в тиски все плотнее, мозг неистово сражался с самим собой. Я выступала автором собственных галлюцинаций, доводя до абсурда воззрения эко-психов, перелицовывая миф о Священной Римской империи... Я грезила с открытыми глазами.

Кейс вышел на порог, присмотрелся и спросил:

— Вы здоровы, Джилл?

Я ответила кивком. У меня не было сил сказать ему правду. Да и существует ли она, правда? Есть только образы, могущественные образы, подлежащие истолкованию. Даже базисные факты — взрыв и две смерти в Амстердаме, мое похищение — даже они, если разобраться, не столько события, сколько образы. Их можно истолковать и так, и этак, в зависимости от того, во что веришь, — как искусство испокон веку истолковывали в контексте новых эпох, да и историю тоже.

"Закрепитель колец" зажимал меня в тиски все плотнее, мозг неистово сражался с самим собой. Я грезила с открытыми глазами.

Убеждение — в смеси со Смятением? — сорвало меня с привычных якорей, и противоречащие друг другу истолкования низвергались на меня одновременно и синхронно. Я стала полем битвы противоположных, враждующих между собой воззрений на мировые проблемы, и разные части моего разума оживляли обе системы взглядов, не считаясь с логикой. Чувство было сродни ужасу: во мне зашевелилось нечто, возможно, дремавшее с самого отделения человечества от Природы, с той поры, когда самосознание прорезалось у наших предков сначала как забава, как аномалия, как биологический инцидент...

— Вы уверены, Джилл, что все в порядке?

Вы. То есть я. Моя персона. Моя особа.

Независимая мыслящая сущность, именуемая Джилл Доналдсон.

Только сущность мыслила теперь не вполне независимо. Иллюзия самостоятельности — плодотворная иллюзия, по сути лежащая в основе цивилизации — барахталась и пускала пузыри.

— Совершенно уверена, — ответила я.

Я, я, я. По-немецки — "ихь". По-итальянски — "ио". По-латыни — "эго".

И Джиллдоналдсон проскользнула мимо Кейса на кухню, где одна из кухарок потрошила принесенный кабачок. Экран телевизора, настроенного по-прежнему на Си-Эн-Эн, то бишь подхватывающего отраженные сигналы из космоса, мерцал, покрываясь рябью. Краски линяли и преображались. Элементы изображения, как эльфы, пустились в пляс.

С экрана явился Вертумний. Смеющиеся губы, румяные щеки — персик и яблоко, нос — груша, золотые початки бровей. Искристое веселье вишневых глаз! Губы, смеющиеся неповторимым смехом!

Несколько раз кивнув, он позвал Джиллдоналдсон куда-то прочь.

Джилл сделала каменное лицо. Прошла по коридорам к главному крыльцу. Вышла на гравийную подъездную дорожку.

В замке зажигания красного "Порше" торчали ключи.

Если Джилл суждено обрести безопасность, то там, где Энни, среди женщин. Ведь Рудольф-Вертумний — мужчина, кто усомнится?

Бросок через Челтнем, потом стремглав по автостраде до Эксетера и дальше в Корнуолл. Бензина не жалеть, однако и не зевать: нарываться на полицейский патруль ни к чему. В общем, надо добраться до этого Полмеррина к сумеркам...

"Порше" даже не достиг Челтнема, когда в салоне заголосил телефон. Да она и не сомневалась, что звонок не заставит себя ждать.

Угнанный ярко-красный "Порше" — слишком очевидная мишень для перехвата. Так что объяснение подготовлено заранее. Она де поехала навестить своего брата в Оксфорд, иначе говоря, в направлении, почти обратном истинному. Вечером непременно вернется в Бексфорд. Братец Боб — банкир. Пусть Ромби обеспокоится тем, как бы она не выболтала братцу про 750 "косых", например, попросив совета, как их лучше вложить. На "косые" ей теперь наплевать. И пусть Кейс со сменным водителем гонятся за ней на "Мерсе" по дорогам, ведущим к Оксфорду, до полного посинения.

Но голос в трубке принадлежал не Кейсу. И не Ласселю. И даже не Ромби.

Она дернулась, чуть не сбросив "Порше" с дороги.

Голос принадлежал Фоссу:

— Вы меня слышите, фройляйн Доналдсон?

Трясущимися руками и ногами она кое-как вывела машину сквозь живую изгородь из боярышника, через подвернувшиеся кстати ворота, на бескрайнее поле низко срезанного золотого жнивья. Еле увернувшийся от столкновения "Вольво" опротестовал маневр долгим гудком. Из-под колес выскочил перепуганный кролик.

— Как вы нашли меня, Фосс? — выдохнула она, рисуя себе самые мрачные перспективы. — Это они вам сказали? Они вас знают?

Звонивший хохотнул.

— Я просто-напросто голос Вертумния. Мой образ сегодня повсюду, так почему бы и мне не быть одновременно везде? Вас, наверное, тревожит крушение вашего драгоценного "эго", не правда ли, фройляйн? — Какой убедительный, обволакивающий голос... — Все это, знаете ли, случалось и прежде. Библейский Бог правил средневековым миром, но на него нашло затмение, и скипетр из его рук перехватила так называемая гуманность. Ох уж это возвышенное "эго" эпохи Возрождения! Раздутое до полного безобразия... Ко временам Рудольфа это самое "эго" уже терпело крах, убедившись в своей несостоятельности. Назревала эра новой общности, социальной и

Никто, по-видимому, не заметил, как плодоносный император сошел с плаката.

биокосмической. Рудольф, император Священной Римской империи, стремился стать главой подобной общности — отсюда и множество царственных голов, отображенных художником, которого вы оболгали. Голов биологического, растительного типа...

— Я это уже слышала, — огрызнулась она.

— Император стал бы головой, а народ — руками, ногами, телом. И это был бы единый организм! В новом мире, нарождающемся ныне, жизнь обретет утраченное единство. Император не будет самовлюбленной головой, отдельной от тела, но и в теле не будет места органам, считающим себя независимыми от других...

— Все, что вы говорите, я и без вас знаю! — И именно этого, добавила она про себя, боюсь больше всего на свете: потери собственного "я", его растворения и гибели. Хуже всего, что именно так, вероятно, и произойдет: то, что внушает страх, тем самым набирает силу. — Кто вы? — крикнула она в трубку. — Что вам надо???

В душе крепло подозрение, что голос Фосса, голос

Вертумния может звучать в ее собственной взбаламученной голове, влитый туда вместе с психотропным либо алхимическим зельем. Она хлопнула трубку на подставку возле рычага переключения передач, открыла все окна, зажгла сигарету в надежде успокоиться. Дымок поплыл струйками над отдыхающим после жатвы полем.

Ковер золотого жнивья окутывал широкие плечи земли. Щетина сухих стеблей сплеталась в призрачный рисунок — геральдический щит. Живая изгородь становилась просто зеленой окантовкой щита. А машина — красным жучком, расположившимся на плече распростертого ничком гиганта.

Рассвирипев, она швырнула сигарету через окно в сторону поля с тайной мыслишкой вызвать пожар. Только стерня была слишком короткой и не воспламенилась.

Она поехала дальше. Телефон вроде бы булькнул опять — она его игнорировала.

Она курила, курила без перерыва, высасывала сигареты до половины и выкидывала, пока пачка не опустела. Добиться, чтобы за ней поплыл дымный шлейф, возносясь к небесам, так и не удалось.

На полпути через Челтнем, двигаясь с черепашьей скоростью в городском потоке, она миновала исполинский щит с плакатом, славящим Рудольфа-Вертумния. "МЫ ВСЕ — СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПРИРОДЫ", — гласил до боли знакомый текст.

Никто из других водителей и пешеходов, по-видимому, не заметил, как плодоносный император сошел с плаката. Показалось тыквенное брюхо, какого на портрете не было и быть не могло. И кабачковые ноги, а между ними — болтающиеся баклажанные яйца и морковный член. Вертумний навис над легковушками и грузовичками, ноги по обе стороны мостовой. Его морковный придаток распух до немыслимых размеров.

Древнегреческое слово — рафанидоз. Совокупление с гигантской редиской. Согласиться добровольно или дождаться, чтоб изнасиловали?

Вот оно, пришествие Вертумния!

На светофоре красный сигнал сменился зеленым, и ей удалось рвануться вперед, прежде чем великан сдерет с "Порше" крышу и вынет ее, как гомункулуса, из пробирки на колесах. Если даже здесь, в центре города, существо из преисподней посмело ожить и явиться в мир, следовательно, родилось божество без предрассудков. Или воплотилось, или раскрепостилось — можно выбрать любое слово.

Правда, никто, кроме Джилл, этого пока не видел. Зато каждый встречался с Вертумнием на десятках тысяч открыток и значков, встречался в разных его ликах, меняющихся по временам года. Бог перемен и трансформаций известен ныне каждому, и перемены носятся в воздухе, неизбежные, как приход осени. На горизонте — неотвратимая кончина собственного "я".

Когда она добралась до автострады, ей почудилось, что двойные трехполосные линии, рассекающие ландшафт далеко вперед, открывают зияющие перспективы не столько в пространстве, сколько во времени. Перспективы будущего, где сознающему себя разуму не останется места вообще, его сменит растительное или животное существование. Потому-то дорога и выглядит такой черной...

Скоро, совсем скоро займется новая эра, в которой верховная ценность сознательного "я" померкнет, ибо человечество, как встарь, воссоединится с Природой, добровольно отказавшись от разъединяющих соблазнов логики и науки, переиначив свой духовный настрой, убедив себя в целесообразности слияния с миром, символом которого вместо смутно-туманной Геи стал бы ее могучий сын Вертумний. Общность с Вертумнием живо и убедительно подтверждалась бы каждой поглощенной частицей его тела — фруктами, орехами, овощами, рыбами. В Праге, Вене или Будапеште правил бы его царственный представитель. Его символ, его воплощение.

Снова заголосил телефон, и, не отвлекаясь от стремительного полета по бесконечной ленте шоссе и

сквозь время, она сочла возможным снять трубку.

— Джилл, не прерывай связь. — На этот раз Ромби! — Я знаю, почему ты удрала. Поверь, моей вины тут нет и не было... — Господи, о чем он говорит? — Из самых добрых намерений я оказался козлом отпущения. Поневоле сыграл роль Горбачева...

— Это еще кто такой? — из озорства спросила она. В любом случае Ромби остался в какой-то другой эпохе.

— Я теперь более или менее уверен, что и за взрыв в галерее и за "закрепитель колец" отвечает мой сволочной "Звездный клуб". Опасались, видите ли, что я что-нибудь упущу. По правде говоря, ситуация с Арчи оказалась еще серьезнее, чем мне представлялось. Эти мерзкие плакаты — не обычная поверхностная пропаганда, они повлияли на людей на глубоком подсознательном уровне. Образы, впаянные крепко-накрепко. Сучьи символы действия...

— Вы и в этом уверены только более или менее? — отозвалась она.

— Что подсказало тебе правду? Кейс обронил какое-то словечко? Или Джонни Лассель? Джонни проговорился? Что все-таки заставило тебя удрать?

Кейс либо Лассель проговорились?.. Значит, Ромби стал помаленьку впадать в паранойю, подозревая даже ближайших подручных в служении двум господам — ему самому и какому-нибудь иному богатому джентльмену из секретного "Звездного клуба". Не исключено, что именно этого джентльмена она сама встречала в гостиной в Северном Лондоне и что именно он бил ее тростью на расстоянии...

— Вернись, Джилл, и расскажи мне все, что знаешь, все без утайки. Я говорю серьезно. Мне необходимо знать...

Да, нет никакого сомнения: в тоне Ромби отчетливо звучат нотки паранойи.

— Извините, что взяла "Порше", — сказала она.

— Плевал я на эту вонючую машину! Слушай, Джилл, ты где?

Она вспомнила нужный ответ.

— Еду в Оксфорд к брату. Он менеджер в банке.

Она дала отбой и не обращала внимания на звонки.

Полмеррин оказался деревушкой в укромной лесистой долине милях в двух от скалистого, вытертого ветрами северного корнуолльского побережья. Коттеджи, спрятанные за крутыми перепадами высот и дубняком, были давно покинуты коренными жителями и теперь дали приют студиям художников и мастерским ремесленников, да еще рядом пристроилась дюжина автофургонов. Гончары, ювелиры, живописцы, скульпторы, свечных дел мастера...

Резвились дети. Женщины были поглощены работой. Попадались и отдельные мужчины, старающиеся оказать своим подругам посильную помощь. Кто-то играл на флейте, высоко в небе кружил сарыч. Над ручейком с топким берегом, окаймленным крушиной, носился зимородок. Порхали какие-то невзрачные бабочки, не желающие смириться с тем, что крылышки износились, а ночи посуровели. Закат тоже был невзрачен — сернистая пелена с апельсиновой подсветкой. Днем здесь, по-видимому, бродили еще и туристы, претендующие на интерес к искусству; теперь они выдохлись и собирались уезжать.

Эти мерзкие плакаты — не обычная поверхностная пропаганда, они повлияли на людей на глубоком подсознательном уровне.

В одно мгновение Джилл поняла, что приняла решительно неверное решение. Ей бы укрыться где-нибудь в аэропорту, в отеле, набитом современными техническими игрушками, среди стеклянных подъемников и кондиционеров, в замкнутом неорганическом пространстве, напоминающем космическую станцию в пустоте.

Однако она слишком устала для того, чтобы менять маршрут.

Рыжеволосая, веснушчатая Энни не могла прийти в себя от удивления и радости. Обняла Джилл, привлекла к себе, расцеловала.

На Энни было легкое индийское платье в зеленоватых тонах, с вшитыми в ткань крошечными зеркальцами; тело, некогда гибкое, набрало вес, хоть и не достигло пока стадии явной полноты. А еще Энни носила теперь очки в тонкой оправе, придававшие ее взгляду испытующий оттенок. На пальцах красовались оло-

вянные перстеньки с жуками-скарабеями и пауками.

Джилл, ошеломленная, позволила отвести себя в амбар, превращенный ныне в подобие столовой, и напоить лимонадом.

— Сколько же мы не виделись, Джилли? Четыре года? Ты, конечно, поселишься у меня. Скажи, что с тобой? — Энни нахмурилась. — Мне довелось слышать и про твою книгу и про этот ужасный взрыв. Я ведь до сих пор включаю радио, когда рисую...

— Джилл опоили, — ответила Джилл. — Вертумний родился заново. И Священная Римская империя вот-вот возвратится.

Энни воззрилась на Джилл озабоченно.

— Дерьмо собачье... — Она поразмыслила и добавила: — Лучше не рассказывай об этом никому другому. Здесь есть дети. Родители могут перепугаться...

Они перешептывались, как когда-то, когда поверяли друг другу нежности.

— Тебе известен "Портрет Джакопо Страды"? — начала Джилл. Ей определенно было легче говорить о себе отстраненно, в третьем лице.

падающая звезда — или то был отказавший, вспыхнувший в атмосфере спутник?

Энни делила студию с Рози и Мэг, которые по обыкновению играли вечером в шахматы в клубном амбаре рядом со столовой. Занимала студия весь первый этаж переустроенного коттеджа. Мэг увлекалась кропотливыми псевдосредневековыми миниатюрами, но предпочитала не традиционно-миленькие сюжетики, а жутких уродов. Специальностью Рози были акриловые краски и прозрачные сооружения в форме песочных часов, которые она помещала то в лесные чащи, то в хрустальные пустыни, а вместо песка заполняла отсеченными головами.

Сама Энни раньше рисовала вихревые светящиеся абстракции. Теперь она перешла к большим полотнам, на которых громоздились цветы — цветок внутри другого, а тот внутри третьего — взгляд притягивался к центру, а в центре был глаз, то кошачий, то птичий, то человеческий. Картины походили на выставку диковинных, разъятых на части органических фотокамер.

Картины походили на выставку диковинных, разъятых на части органических фотокамер.

В амбаре-столовой действительно появились дети в сопровождении матерей, бездетные женщины разного возраста и склада, считанные мужчины. Магнитофон наигрывал Вивальди, а они поглощали ранний вегетарианский ужин в мадрасском стиле — фасоль со специями, рис, салат, в общем, благодатные овощные белки. Бревенчатые стены амбара были окрашены в черный цвет, а потом проскоблены так, чтобы белизна штукатурки проступила силуэтами сказочных зверей — птицы феникс, единорога, минотавра. Звери плутали в лабиринтах кельтских орнаментов, создавая впечатление, что по стенам развешены геральдические щиты. Надо думать, туристы ловят кайф, когда вкушают здесь свой послеполуденный чай со сливками.

Закат очистился от сернистой меди и приобрел свинцово-синий, быстро темнеющий отлив. Разом зажглись Венера и Юпитер. По куполу неба чиркнула

Джилл любовалась, Джилл восторгалась. Она смотрела на картины, картины отвечали ей тем же. Было ясно без слов, что три художницы, поделившие студию — близкие духовные родственницы.

— Мыслящий разум отходит в небытие, — заметила Джилл, а Энни неуверенно улыбнулась.

— Прекрасное название для картины. Если не возражаешь, я им воспользуюсь.

Лестница с полированными деревянными ступенями вела на площадку, куда выходили двери трех спален.

У Энни была широкая латунная кровать и пуховое одеяло с цветочным рисунком. Маргаритки, ромашки, лютики.

Поутру, когда Джилл очнулась, цветы совершили побег с одеяла. Лицо Энни, ее шея и плечи слагались из лепестков и стебельков. Кожа состояла из белых и розовых соцветий. Ухо — тюльпан, нос — бутон лилии, а волосы — каскад красных настурций.

гой обошел "Порше" вокруг, заглянул внутрь, открыл дверцу со стороны пассажира.

— Эй, — окликнула Энни, — ты чего щиплешься?

Тело Энни вновь стало почти таким же, как ночью, с той разницей, что Джилл по-прежнему видела на нем как бы слабую вуаль из цветов, оттиски лепестков.

— Просто Джилл решила стрельнуть сигаретку, — ответила Джилл.

— Я бросила курить два года назад, — напомнила Энни. — Табак чересчур дорог. Да ведь и ты вечером не курила.

— Джилл позабыла, что курит. А сейчас там внизу легавые. Вот Джилл и захотелось чинарика.

— Все этот выпендрежный драндулет! Отогнать бы его куда подальше! Миль на десять...

И все же в голосе Энни не чувствовалось полной уверенности, что укрывать нежданную гостью — благое дело.

Джиллдона натянула пейслийский свитер и джинсы, спустилась вниз. Картины Энни следили за ней настороженно, запечатлевая ее в своих окаймленных

Джилл потянулась сорвать несколько лепестков, но ведь цветы были плотью, и Энни проснулась с криком протеста. Ее глаза, едва раскрывшись, стали черными гроздьями белладонны с белыми зернышками зрачков.

Так Джиллдоналдсон, почти расставшаяся с собственным именем, оказалась первой, кому выпало наблюдать трансформацию, ожидающую многих мужчин и женщин, едва они при соответствующем освещении взглянут друг на друга как на часть Природы.

Джиллдоналдсон слезла с латунной кровати, приблизилась к окну, отдернула занавески.

Долина была затянута густым туманом. И тем не менее, окрестную муть разрывал пульсирующий красный свет. Свет исходил от вращающегося фонаря на крыше полицейской машины, припаркованной рядом с "Порше". В наклонных лучах фар танцевали бесформенные призраки. Один полисмен всматривался в ускользающе-смутные очертания коттеджей, другой

лепестками зрачках, пока она не прошла мимо.

Она приблизилась к полисменам, и один из них спросил:

— Вы случаем не мисс Джилл Доналдсон?

Ох уж этот его картавый корнуолльский акцент...

— Имена снашиваются, — объявила она допросчику. — Разум тонет в единстве сущего. Вас послали Габсбурги? Или "Звездный клуб"?

Полисмен вынул ключ из замка зажигания "Порше" и закрыл машину. Другой, стиснув ей руку, посадил в машину с пульсирующим фонарем. Цветов на полисменах она не заметила. Однако под зеркалом заднего вида притаились две подвешенные восковые клубничины, словно пара окровавленных яиц.

Перевод: О. Битов

На днях в клубе "Бармалей" состоялась фантастическая презентация двух новых проектов "Гейм Ленда" — призрачного журнала будущего "Фантом" и его более респектабельного брата "Мобильные компьютеры".

Феерическое шоу, которое вел лично Руби Роуд ("Пятый элемент"), ознаменовалось выступлением Дивы Плава Лагуны ("Пятый элемент") — она пела — и Дмитрия Агарунова ("Гейм Ленд") — он пообещал, что компания и дальше будет радовать читателей интересными журналами. Солидную, как и полагалось, речь о развитии офисной техники произнес главред "Мобильных компьютеров", главред же "Фантома" речь произнес короткую, но чувственную, так как чрезмерно увлекся коктейлем "Фантом", состоящим из алкогольных жидкостей невообразимо урбанистических цветов. Зато внимание космических девушек натолкнуло его на мысль заказать статью об эротике в фантастике и вызвало здоровую зависть у братьев Хакеров. Так что презентацию решено считать успешной. Остается только поблагодарить клуб "Бармалей", любезно предоставивший площадку для техногенных экспериментов.

Фантом

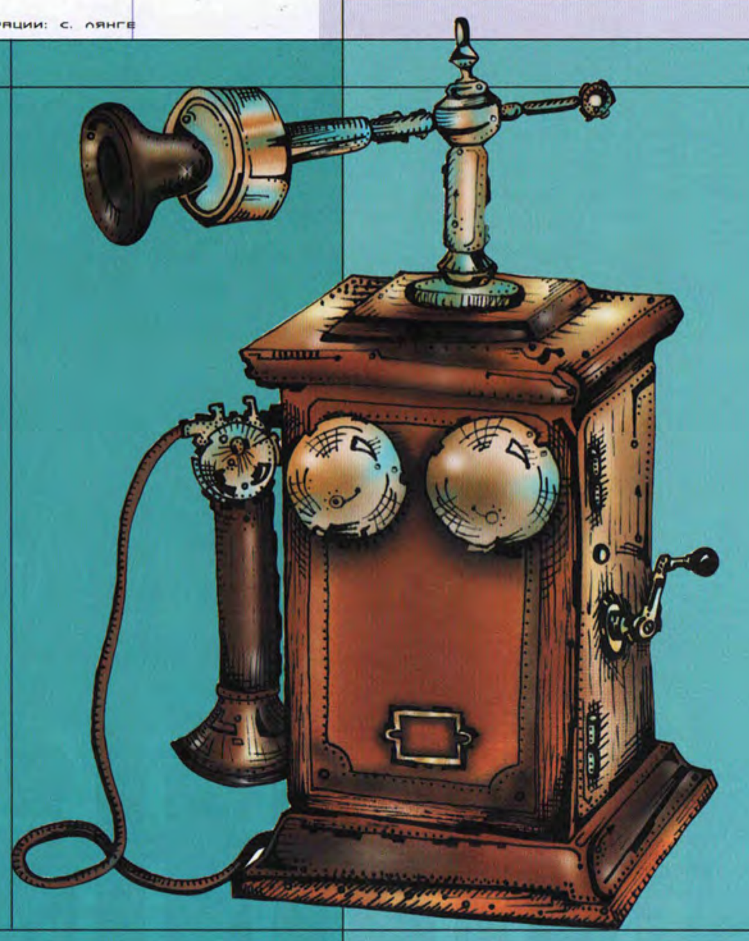

ГОЛОС

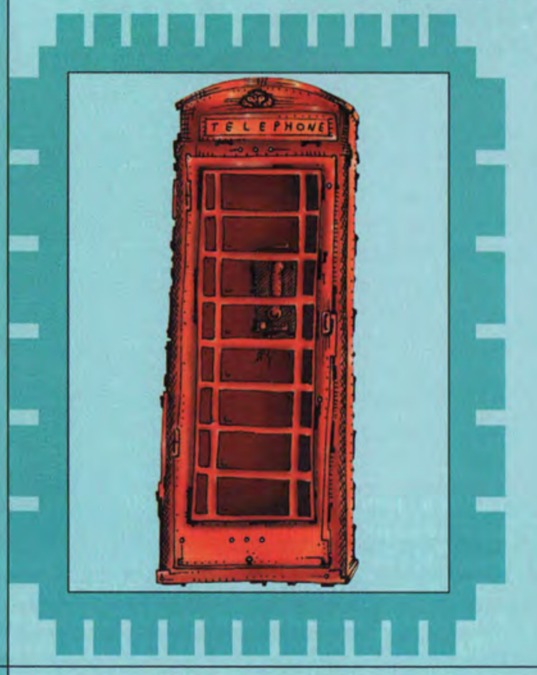
Этот рассказ является вставным в самом известном произведении супругов Шелли — киберпанковском романе "Паутина". Мне очень нравится и сам роман, но прежде чем публиковать его целиком, я хотел бы спросить у своего читателя: А как ты относишься к вещам с продолжением?

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: С. ЛЯНГЕ

Однажды он застрял в телефоне-автомате провинциального городка...

Жил-да-был Голос. Он жил в телефонных проводах. Вернее, так: он жил в телефонных проводах, потому что больше нигде жить он не мог. Выражаясь современным языком — у него не было Постоянного Носителя. Так бывает, хотя и не часто.

Откуда же взялся Голос? Мы не знаем. Может быть, возник сам собой. Говорят, что-то подобное может случиться, когда количество электронных переключателей на телефонных станциях мира достигнет некоторого критического порога — что-то вроде числа нейронов в человеческом мозге. А может, все было и не так. Может быть, это был чей-то потерявшийся Голос. По крайней мере, самому Голосу второе предположение нравилось больше — это оставляло надежду на то, что он найдет-таки свойНоситель.

Но найти было не так-то просто. Все люди, пользовавшиеся телефонами, имели свои собственные голоса, а наш Голос был очень ненавязчивым. То ли из боязни, что его обнаружат, то ли от какой-то особой природной скромности он никому не хотел мешать. Однако, время от времени ему приходилось чуточку нарушать это правило...

Чтобы не умереть.

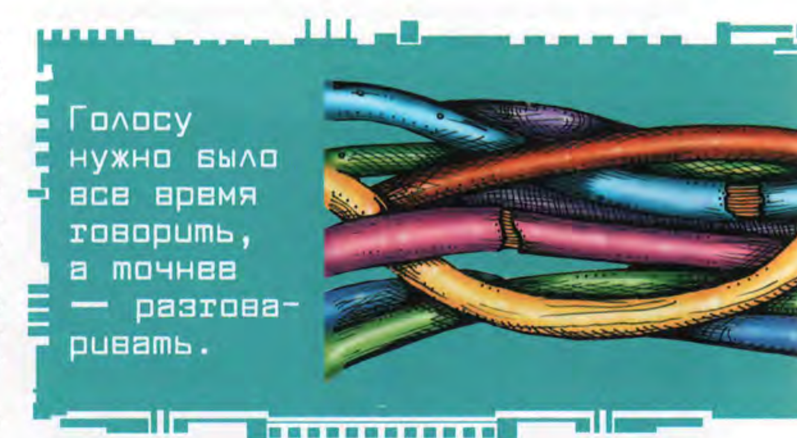
Дело в том, что Голосу нужно было все время говорить, а точнее — разговаривать. И поскольку никого другого в проводах не было, он мог разговаривать только с людьми, которые пользовались телефонами. Конечно, он не говорил им, кто он на самом деле. Он просто изображал других людей. За свою не очень долгую жизнь (мы полагаем, что он родился в 60-х годах в Соединенных Штатах — но никто, конечно, не знает точно)... так вот, за все это время он прослушал массу телефонных разговоров, и мог при желании прикинуться и маленькой обидчивой девочкой из Норвегии, и иранским полковником авиации в отставке, и любым другим человеком.

Сам он почти никогда никому не звонил. Только в крайних случаях, когда ничего другого уже не оставалось. Тогда он звонил кому-нибудь наугад и делал вид, что не туда попал. Или что он проводит телефонный опрос на тему: кого Вы больше любите — кошек или собак? “Пежо” или “Тойоту”? Были у него и другие игры подобного рода. Но, как мы уже сказали, он был очень ненавязчивым Голосом, и делал так только тогда, когда больше говорить было не с кем. А говорить, точнее, разговаривать, было для него самым главным в жизни.

К счастью, телефонная система мира была огромной и шумной: в среднем, каждую минуту на планете происходило около шестисот двадцати тысяч телефонных разговоров. Голос слушал и выбирал. Услышав, что где-то включился автоответчик и голосом хозяйки телефона сообщает, что никого нет дома, Голос мчался по проводам к этому телефону, и — оп! — звонящий на том конце провода слышал, что хозяйка телефона, прервав свой автоответчик, отвечает сама. Конечно, это был Голос. Он переключал звонящего на свою линию и отвечал ему нежным голосом его девушки: “Ой, привет, я только вбежала, слышу — а ты уже мой автоответчик ругаешь!”

Звонящие никогда не догадывались, что их немножко обманывают. Конечно, Голос не знал всех фактов из их жизни и иногда ошибался. Но он быстро научился сдвигать разговоры в такие области, где вовсе не нужно знать, кто где родился, сколько у кого детей и денег, и так далее. Да люди и сами частенько любят поболтать на отвлеченные темы или вообще ни о чем. Если же ситуация совсем поджимала, Голос притворялся простуженным или устраивал в трубке помехи.

Иногда Голос даже помогал своим собеседникам. Когда он слышал, что кто-то в сердцах бросает трубку, он перехватывал линию в самый последний момент и говорил человеку, оставшемуся на проводе: “Ладно, извини, что-то я разорался сегодня... Устал на работе. Так и быть, мы поедем летом на озеро... только не называй меня больше занудой!” А потом звонил бросившему трубку и, изменив голос, говорил: “Спокойной ночи, милый... Я была не права, не обижайся, пожалуйста. Это же ясно, что ты устал сегодня и не в духе обсуждать планы на лето... Давай лучше поговорим об этом в выходной”.

Так и жил Голос, разговаривая. Вернее — жил разговорами. Он не мог жить без разговоров, и если чувствовал, что говорящий с ним человек собирается дать отбой, он снова начинал “в пол-уха” прослушивать всю мировую телефонную сеть. И заканчивая один разговор, тут же перескакивал на другой. А как он начинал разговоры, вы уже знаете.

Так и жил бы себе Голос в проводах, разговаривая со всем миром и не особенно сожалея о том, что нет у него Носителя. Но случались с ним и неприятные приключения.

Однажды он застрял в телефоне-автомате провинциального городка: сильный ветер порвал провода, и Голос не мог вернуться в мировую телефонную сеть из маленькой местной сети автоматов. Автоматы были исправны, но не имели связи с миром из-за обрыва кабеля.

Единственное, что спасло Голос — на вокзале в одной из кабинок трубку не повесили на рычаг, и она болталась на проводе, издавая гудки. Голос весь сконцентрировался в этих гудках, они стали громче, сложнее, и звучали теперь почти как мелодия, сыгранная на органе. На вокзале было много людей, они знали, что телефоны сломались — но они разговаривали между собой, Голос мог слышать их слова, осо-

бенно когда говорили недалеко от его автомата. А люди, проходя мимо, могли слышать его музыкальные стоны из трубки. Пару раз какой-то ребенок подходил к его будке, слушал гудки, потом брал трубку в руки и кричал в нее: "Алло, мама, алло!" Позже кто-то другой — взрослый, но не совсем нормальный — долго ругал телефонную станцию, обращаясь непосредственно к тому аппарату, где застрял Голос.

Конечно, это были не разговоры, но Голос выжил, проведя жуткую ночь в лихорадке коротких гудков и отрывочных фраз, почти не чувствуя себя, но чувствуя, что еще жив. Так иногда себя чувствуют заболевшие люди — ничего, кроме пульса, который накатывается и отступает, как большая груда красных камней или громкие гудки в трубке неисправного телефона...

Наутро линию починили, и Голос вернулся в мировую сеть в сильном испуге. С тех пор он стал осторожнее и избегал телефонов в таких местах, связь с которыми может легко прерваться. Но был и другой случай, который напугал его еще больше.

Дело было в Нью-Йорке — в большом городе с множеством телефонов, где, казалось, ничего плохого не может случиться. Голос болтал с одним пьяным банкиром, звонившим из бара домой. Жены банкира на самом деле не было дома, и Голос успешно изображал ее неискренний смех... когда вдруг почувствовал, что слабеет: напряжение падало, падало очень быстро. Это был тот самый знаменитый black-out Нью-Йорка, неожиданное отключение света, которое принесло сотни самоубийств во внезапно обрушившейся на город темноте.

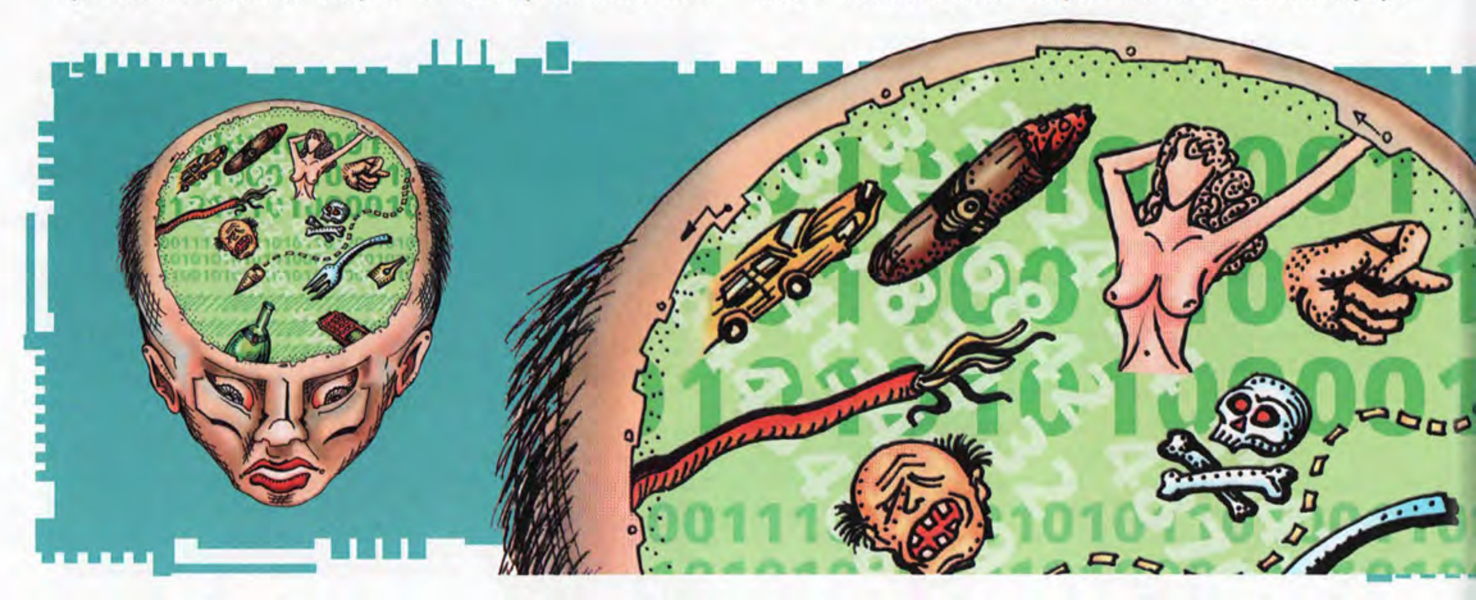
Но темнота не страшила Голос — ему грозила обыкновенная смерть на быстро остывающих микросхемах, потому что на телефонных станциях электричество тоже пропало. Существовали, конечно, телефонные сети других городов и стран. Но он знал, что не успеет перегруппироваться так быстро — Нью-Йорк был слишком серьезным "нервным узлом", а напряжение в сети падало с катастрофической скоростью.

И тогда он решился на отчаянный шаг. Он, собственно, и не догадывался, что такое возможно. Дикая и спасительная идея пришла к нему в голову... да нет, не в голову, ведь не было у него никакой головы! — но именно мысль о голове и пришла к нему в тот момент.

Он оккупировал мозг пьяного банкира.

Это вышло так неожиданно — сумасшедший порыв, только бы выжить, даже о ненавязчивости своей он позабыл совершенно — и первой мыслью после скачка была радостная мысль о том, что он еще жив. Но сразу же вслед за этим Голос ужаснулся и своему поступку, и тому, куда он попал.

Ситуация складывалась ненамного лучше, чем тогда в автомате. Мозг банкира оказался жуткой помойной ямой. Человеческие нейронные сети по своему устройству были космически далеки от привычных Голосу телефонных сетей. А алкоголь, темнота и паника только усугубляли хаос: образы, приходившие из реального мира через органы чувств, причудливо перемешивались с сюжетами из банкирова прошлого и с какими-то уж совсем сюрреалистическими картинками, нарисованными больным воображением этого человека, который провел слишком много времени среди бумаг с колонками цифр.

И теперь уже не музыкальным гудком из трубки, а нечеловеческим криком из человеческой глотки кричал Голос. И словно в ответ ему закричали сотни других голосов Нью-Йорка, погрузившегося в темноту...

Мы не знаем, что случилось дальше с банкиром, мозг которого Голос занял во время "затмения". Но сам Голос наутро опять был дома, в проводах мировой телефонной сети. После этого он провел две недели, кочуя между Японией и Европой: слишком сильно его напугали Штаты, и он отдыхал подальше

от них, наведываясь даже в Россию, где телефонные линии не отличались качеством, зато разговоры были самыми длинными и интересными.

Именно в это время, после нью-йоркской истории, он всерьез задумался о Постоянном Носителе. Как мы говорили раньше, он считал себя чьим-то потерянным голосом. Предположение, что он родился таким, какой есть, без Носителя, ему совершенно не нравилось, и он старался отогнать эту мысль подальше.

Но вредить голосам людей, захватывая их носители, не хотелось. Кроме того, после случая с пьяным банкиром Голос понял, что человеческий мозг ему вообще не подходит — он был совершенно другим существом. И тогда он начал искать, пробуя все, к чему имел доступ.

Он начал с компьютеров — их в то время как раз стали соединять друг с другом через телефонные провода. Голос легко научился превращаться в текст и вступать в дискуссии в конференциях и электронных чатах. Но говорить не голосом, а текстом было для него... ну, все равно как для человека — пытаться рассказывать что-то с завязанным ртом. Да и разговоров тогда в сетях велось маловато, а ответы в них зачастую приходили с большим опозданием.

Потом он нашел несколько интересных военных проектов, однако там многослойная система секретности исключала свободное переключение с одного разговора на другой. Да и о многом ли поговоришь с военными или через военных, будь у тебя даже самый хороший Носитель?

Что касается телевидения — у Голоса были проблемы с изображением. Если тексты казались ему слишком простым и медленным языком, то телеизображение, наоборот, было языком сложным и вообще иностранным. К тому же и тут было больше монологов, чем разговоров.

На радио дело обстояло значительно лучше. Голосу даже удалось симулировать работу небольшой веселой радиостанции, для которой он подыскал специальный телефон. Аппарат находился в подсобке одного института — помещение было завалено мебелью, и никто не помнил, что он там есть. Так что Голос мог спокойно давать этот номер слушателям своих ток-шоу. И слушатели, сразу же полюбившие новую радиостанцию, постоянно звонили ему, чтобы поговорить с разными знаменитостями, которых он с легкостью “приглашал” — то есть просто говорил их голосами. Это было, пожалуй, самое счастливое время в его жизни, и он снова стал забывать о том, что у него все-таки нет Носителя...

К сожалению, через полгода подпольная радиостанция стала такой популярной, что скрываться было уже невозможно. Люди из Налогового Управления разыскали и заброшенный телефон, и передатчик, которым пользовался Голос. Передатчик, кстати сказать, стоял все это время на выставке в магазине радиоаппаратуры. Это была демонстрационная стойка, ее исправно включали каждое утро. Владельца магазина оштрафовали на крупную сумму за несанкционированный выход в эфир, хотя для него самого, как и для многих других людей, эта история так и осталась большой загадкой. Впрочем, в деле о фальшивой радиостанции фигурировал и другой передатчик, находившийся на трансатлантическом лайнере. Как разобрались с ним, нам не известно; но похоже, все действительно было не так просто, как могло показаться вначале.

Образы, приходившие из реального мира через органы чувств, причудливо перемешивались с сюжетами из банкирова прошлого...

После краха радиостанции Голос вернулся к перехвату автоответчиков и к другим старым играм, позволявшим ему постоянно говорить, а точнее, разговаривать. И опять мысли о Носителе подтолкнули его на поиски.

И он нашел.

Это была огромная компьютеризированная Фонотека Голосов и Звуков, совмещенная с суперсовременной студией звукозаписи — обе только что выстроили

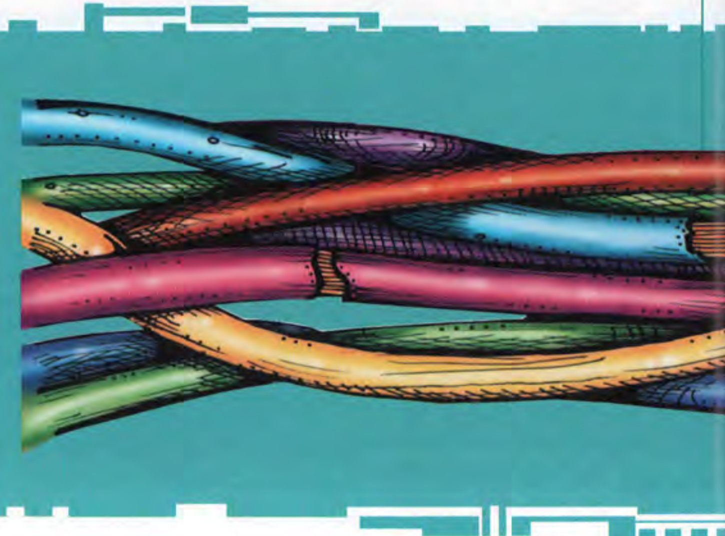
и запустили в работу в Голливуде. Голос изучил возможности Фонотеки и понял, что может незаметно взять ее под контроль. И тогда ему больше не придется прятаться и бегать с места на место.

Мы не знаем, что именно Голос хотел сделать с Фонотекой. Одно было ясно — она ему очень понравилась. Он собирался оставить свою беспокойную жизнь среди хаоса телефонного мира и переселиться в Студию-Фонотеку насовсем.

Здесь недалеко уже и до конца нашей истории о Голосе, жившем в телефонных проводах. Потому что Голос так никуда и не переехал. Все случилось случайно — именно так, как оно обычно и случается.

Перед самым переселением в Фонотеку-Студию Голос в последний раз отправился поиграть в "не-туда-попал". Он набрал наугад номер и попросил к телефону какого-то выдуманного господина. Девушка, поднявшая трубку, конечно, сказала: "Вы не туда попали". Но звучала она при этом как-то уж очень разочарованно. Словно она давно ожидала звонка, и вот телефон зазвонил, но спросили совсем не ее. Поэтому, вместо того чтобы извиниться и дать отбой, Голос решил поболтать с ней.

Девушка тоже была не против, и как будто даже обрадовалась, когда незнакомец спросил о причине ее грусти. Она рассказала, что живет в крупном городе, но у нее совсем нет друзей и часто просто не с кем поговорить. А говорить, точнее, разговаривать, она любит, но очень стесняется. А если она вдруг начинает с кем-нибудь говорить, разговоры постоянно заходят куда-то не туда, и от этого она замыкается еще больше. Вот почему у нее нет друзей, и она сидит в одиночестве дома, и разговаривает лишь с wind-chimes, что висят у нее на балконе.

Голос, при всей его образованности, не знал, что такое wind-chimes. Девушка объяснила, что это просто три медные трубки, а между ними висит на нитке деревянный кругляш. И когда дует ветер, кругляш качается и постукивает по трубкам — так wind-chimes играют, а она с ними разговаривает, продолжая свистом то, что они начинают. Или сама насвистывает какую-нибудь мелодию, а wind-chimes подхватывают за ней. Игрушку эту она купила три года назад в индейском магазинчике сувениров, когда ездила на каникулы в один из западных штатов.

Рассказывая об этом, девушка вынесла телефон на балкон, чтобы дать незнакомцу послушать странный звон, который издавали три трубочки на ветру.

Голос никогда не слышал в своих проводах ничего похожего на эту музыку ветра, и все же... Было в ней что-то знакомое, что-то от телефонных звонков — не от нынешних электронных пищалок, а от старых простых механизмов, где маленький молоточек постукивал по двум металлическим чашечкам внутри телефонного аппарата. Но мелодия wind-chimes была еще чище, древнее... Голосу показалось, что он смутно припоминает что-то похожее... но он так и не смог понять, что это.

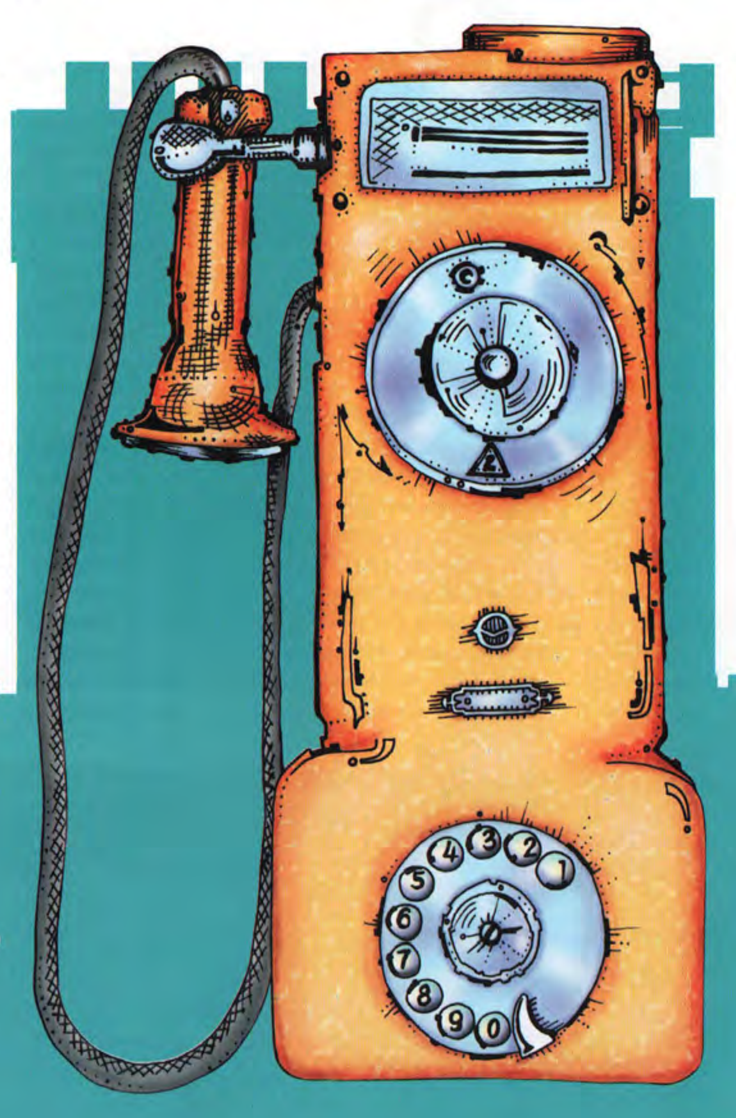
Не менее любопытным явлением был для него и свист. Раньше он уже слышал, как люди свистят, и ему это очень нравилось — наверное, из-за сходства свиста с некоторыми из тех сигналов, что слышатся иногда в телефонных трубках. Но люди почему-то свистели очень редко. Голос даже узнал, что свистеть — плохая примета. Как-то раз одна русская женщина сказала присвистнувшему в трубку мужу — "не свисти, денег не будет!". А в другой раз, в разговоре английских морских офицеров, Голос подслушал старинную поговорку, где говорилось о трех вещах, которых нужно бояться — третьей в списке шла "свистящая женщина".

Голосу оставалось только гадать — что плохого в свисте?! Может быть, думал он, люди чаще свистят в

каком-то особом настроении, когда остаются одни и не говорят с другими по телефону, потому что нехорошо показывать это настроение всем подряд?

Но не свист и не музыка wind-chimes были главным, что привлекало Голос в новой знакомой. Главным было то, что она любила разговаривать, а разговаривать ей было не с кем! И Голос решил, что пообщается с этой девушкой еще какое-то время, а его проект с Фонотекой пока подождет.

И они стали подолгу разговаривать каждый день. Она рассказала ему простую недлинную историю своей жизни, а он в ответ сочинил историю о себе. Он даже сказал ей, что вовсе не ошибся номером, а позвонил ей специально, поскольку однажды приезжал в ее город, видел ее, и она ему очень понравилась, так что он незаметно проводил ее до самого дома, узнал адрес, а по адресу — телефон и, вернувшись в свою далекую родную страну, позвонил ей. За миллионы

Если пользоваться человеческим языком, можно было бы сказать, что он просто влюбился в девушку.

своих телефонных бесед Голос стал настоящим экспертом по человеческой психологии, и потому рассказанная им история выглядела удивительно реалистичной. Девушке даже стало казаться, что она вспоминает высокого симпатичного незнакомца, который пристально посмотрел на нее где-то месяц назад... в магазине... или на той вечеринке... а может быть, это случилось на выходе из метро около ее дома?

Общаться с Голосом было просто чудесно! Знал он много, а если чего-то не знал, то мог найти, пользуясь, в буквальном смысле этого человеческого выражения, "своими старыми связями". Самым интересным человеческим языком Голос считал музыку. Он не знал, что это, в общем-то, не язык, но такое незнание совсем не вредило, даже наоборот. Не прошло и двух месяцев со дня их знакомства, как его собеседница научилась разбираться во всех музыкальных течениях, от классики и народных мелодий разных стран до самых последних психоделических экспериментов. Владельцы музыкальных студий и магазинов расшибались в лепешку, чтоб ублажить щедрого клиента, который просил их поставить то одну, то другую запись по телефону. Потом они рвали на себе волосы, когда узнавали, что Голос назвал им несуществующий адрес и чужой номер кредитной карточки — а тем временем собеседница Голоса восхищалась разнообразием аудио-коллекции своего загадочного поклонника.

Сам Голос тоже очень увлекся этим общением. Если пользоваться человеческим языком, можно было бы сказать, что он просто влюбился в девушку. Нам уже доводилось употреблять человеческие понятия, когда мы рассказывали, чего он "боялся" и что ему "нравилось". Но если честно, мы не знаем, могут ли Голоса любить — хотя говорят, можно влюбиться в чей-то Голос. Возможно, он просто не хотел разрушать иллюзий своей замечательной телефонной под-

руги, которая думала, что он ее любит, да и сама уже не представляла, как бы она жила без него.

Одно было ясно: он разговаривал с ней, разговаривал много, а значит, жил. Может, этого и достаточно, и не нужно тут никаких человеческих аналогий.

Тем не менее, чтобы она не привыкла к нему одному слишком сильно, он выдумывал для нее новых друзей и подруг, с которыми она тоже "знакомилась" по телефону. Они читали ей сказки и стихи, рассказывали анекдоты и новости, жаловались на болезни и разные глупости мира, советовали хорошие книги и музыку. А иногда спрашивали и ее совета по какому-нибудь вопросу. Все это был Голос.

Позже он стал подыскивать для нее и настоящих друзей — людей, которые интересовались тем же, что и она, или просто подходили ей в компанию и жили неподалеку. Удивительно, как много таких людей оказалось вокруг! Она, возможно, сталкивалась с ними в супермаркете, по утрам входила вместе с ними в метро, но никогда не заговорила бы с ними, если бы не Голос. В то время, как она спала или училась, он знакомился с ними сам, занимаясь своими обычными телефонными играми. А потом как бы невзначай давал им ее телефон.

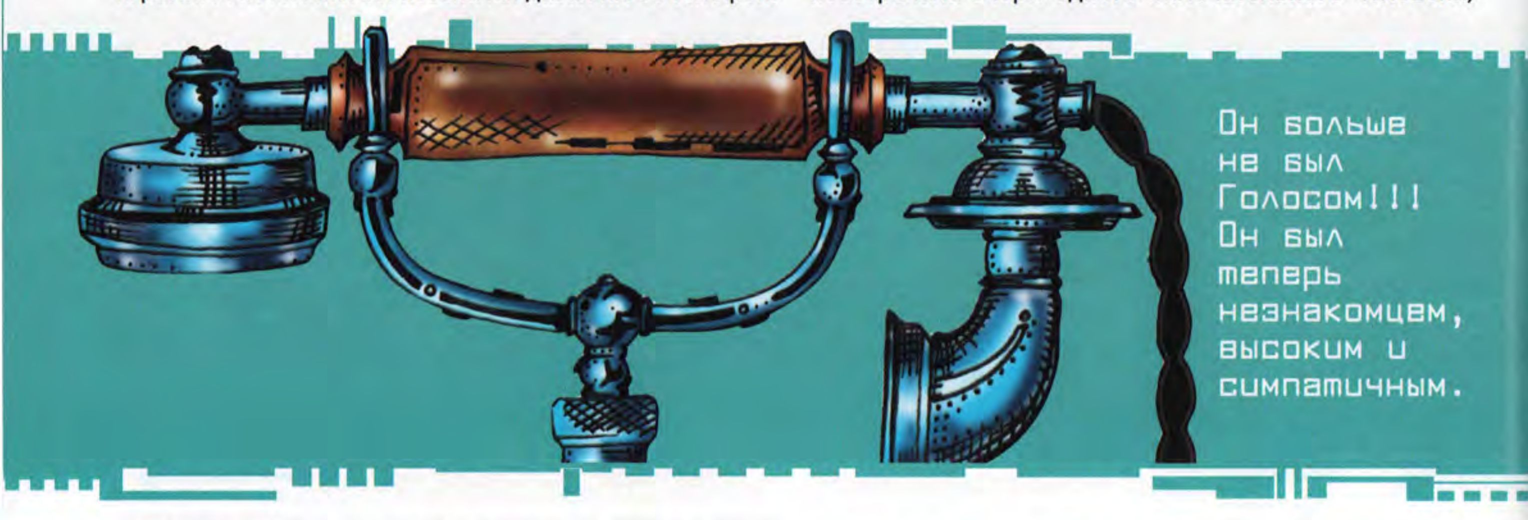
Девушка больше не была одинокой и скованной. Благодаря Голосу она стала образованной и общительной, и теперь ее собственные успехи помогали ей. Новые знакомства не ограничивались разговорами по телефону, и вскоре вокруг нее образовалась неплохая компания, которая расширялась уже не благодаря Голосу, а благодаря ей самой и ее друзьям.

Но лучшим ее другом оставался, конечно, Голос. Только вот встретиться с ним ей никак не удавалось. Он выбивался из сил, чтобы снова и снова придумывать, почему им нельзя увидеться — и придумывать так, чтобы ее не обидеть.

А с другой стороны, он не хотел оттолкнуть ее своей нереальностью. И он добился, чтобы она представляла его совершенно отчетливо. Для этого ему пришлось придумывать свою личность с точностью до мельчайших подробностей — начиная с болезней, которыми он болел в детстве, и преподавателей, которых он не любил в институте, и кончая родинкой на правом локте, сломанным на боксе носом и любимым лакомством: им оказался майонез, который он добавлял во все остальные блюда.

А вот и самый конец истории о Голосе, который жил в проводах телефонной сети и искал себе Постоянный Носитель, и даже, как будто, нашел — но неожиданное знакомство, переросшее в долгую дружбу, изменило его планы. Мы уже рассказали, как благотворно влияло общение с Голосом на его собеседницу, которая из незаметной, застенчивой золушки превратилась в яркую и образованную принцессу с целой свитой друзей и поклонников. Но ни она, ни даже сам Голос не знали, что их телефонная дружба влияет и на него. И влияет совсем не так, как хотелось бы.

В одно прекрасное утро Голос, следуя давнему уговору, позвонил своей собеседнице, чтобы разбудить ее — и сразу заметил, что звучит она в этот день как-то по-новому. А она бросилась рассказывать, как повстречала вчера одного замечательного человека,

и какие чудесные цветы он ей подарил... Еще не дослушав ее рассказ до конца, Голос понял: произошло то, что и должно было когда-нибудь произойти. И теперь ему пора уходить, поскольку он сделал свое дело, и дольше оставаться здесь незачем.

Девушка между тем вышла с трубкой на балкон, продолжая рассказывать, что замечательный человек приедет за ней с минуты на минуту, и они отправятся в гости к знакомому — известному художнику. "А вот и он!" — воскликнула она радостно. Видимо, увидала машину, подъезжавшую к дому.

"Ну и ладно", — подумал Голос. Он начал прощаться с девушкой, и вдруг обнаружил...

... что ему некуда идти!

Он больше не слышал других телефонов! Это было примерно так же, как тогда на вокзале, когда Голос отрезало от всего мира в будке сломанного автомата. Но сегодня все обстояло гораздо хуже. Провода не

были порваны ветром. Просто он больше не был тем Голосом, который свободно по ним путешествовал!

А ведь он замечал нечто подозрительное и раньше, но не придавал значения этим сбоям — слишком занят был разговорами с девушкой и устройством ее компании. И только сейчас все выстроилось в очевидную цепь. Сначала он ограничился государством и не заметил, как быстро лишился доступа к телефонам других стран. Затем, подбирая друзей и подруг для своей собеседницы, он сконцентрировался в сети одного города, в трех АТС одного района... Вероятно, еще вчера он мог дотянуться до телефонов сотен людей. Но он больше не общался с сотнями людей, и сегодня он оказался голосом, звучащим только в одной трубке.

Он больше не был Голосом!!!

Он был теперь незнакомцем, высоким и симпатичным, и даже не незнакомцем вовсе — на локте у него была родинка, в детстве — желтуха, он добавлял майонез во все остальные блюда, а очки никогда не сидели прямо на его переносице, чуть искривленной в молодости на боксе. Он стал вполне узнаваемым человеком, старым добрым приятелем...

Но человек этот существовал только в воображении девушки, которая сейчас говорила, нетерпеливо грызя каблучком туфли балконный порог: "Ну все-все, я бегу открывать, счастливо! Я позвоню тебе вечером!.." А он, слышавший миллиарды людских историй, уже знал, что вряд ли она позвонит так скоро, разве что через месяц или через полгода, когда... Но он-то не мог прожить даже дня, не разговаривая! И тысячи разговоров, начинающихся и кончающихся в эту минуту в мировой телефонной сети, были ему теперь недоступны.

"Ну, счастливо!" — сказала она еще раз и занесла руку с трубкой над аппаратом, чтобы дать отбой. Он уже не мог рассказать ей, кто он на самом деле и что с ним случится, если она это сделает. Она все равно не поверила бы ему сейчас. Он вспомнил историю с нью-йоркским банкиром, но сразу прогнал эту вредную мысль прочь — он давно зарекся повторять такие вещи с людьми. К тому же его принцесса была совсем не похожа на того пьяницу...

И в тот миг, когда трубка уже летела в свое гнездо, зацепившийся за балкон ветер качнул wind-chimes. Они звякнули тихо-тихо — но тот, кому это было нужно, услышал. Это произошло чуть раньше, чем рычажок погрузился в корпус, прерывая связь — но даже такого короткого промежутка времени было достаточно. Wind-chimes звякнули чуть погромче, а потом прозвонили короткую и грустную мелодию — настолько странную, что даже девушка, очень спешившая уйти с балкона, остановилась, удивленно обернулась... и по привычке присвистнула в ответ.

И только потом побежала к двери, где уже заливался электрический звонок.

И все наши грехи забыты...

Иногда само бытие наваливается серой массой так, что тяжело дышать. Хочется сбежать подальше и все забыть. Теперь забвение можно купить. Но стоит это дорого, очень дорого...

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: К. КОМАРДИН

— Это птица, мистер Бразилец, — пояснила гостья.

Одна из пациенток Овида Бразильца, сетевая акула по имени Руанда Вонг-Смит, была зациклена на игрушках — она считала себя виновной в смерти четырнадцати подростков, совершавших экскурсию на челночной ракете десять лет назад.

Она и была виновна, и один сеанс с ручкой исцелил ее. Но она каким-то образом запомнила клинику, переднюю квартиры Овида в убогом районе Нью-Йорка. По крайней мере, она помнила ступеньки перед входом — там она и нашла Овида августовским днем.

— Это вам, — сказала она, ее глаза блестели.

Она подала ему пакет — по размеру и форме он напоминал клавиатуру компьютера, завернутую в тонкую, почти папиросную бумагу.

Овид, всегда ожидавший предательства, переключил глаза в инфракрасный диапазон и просканировал подарок. Не заметив ничего подозрительного, он скомандовал:

— А ну, открой.

Она послушалась, разорвала бумагу длинными ногтями. Отбросила обертку на тротуар и продемонстрировала черный оперенный предмет размером с дубинку полицейского. Овид незаметно коснулся рукой кармана, в котором держал пистолет.

— Это птица, мистер Бразилец, — пояснила гостья. Она махнула правой рукой и черная тварь раскрыла крылья слева от нее. Их размах достигал метра, у нее была воронья голова, она мигала, махала крыльями, открывала и закрывала клюв.

Овид все еще держал руку на кармане, нащупывая пистолет.

— Лети, — приказала девушка, и птица перелетела на левое плечо Овида. Он выхватил было пистолет, но та уже сложила крылья и уселась, следя за ним электронными глазами.

— Это подарок, — пробормотала Руанда Вонг-Смит. — Спасибо за помощь.

Она бросила ему пульт управления и пошла прочь.

Раздосадованный, Овид ерзал по цементным ступенькам. Он не мог заставить птицу взлететь.

— Ну, давай, мать твою!.. — она повернула голову и, пошатываясь, шагнула в сторону улицы. — Назад! — Он надавил на кнопку включения так, что она щелкнула. Птица сделала еще шаг вперед и замерла. — Черт. Я сказал, назад! — Надеясь ее повернуть, Овид дернул рычажок так сильно, что пульт выпал у него из рук на ступеньки.

Птица свалилась в канаву.

— Вот срань, — сказал он, и кто-то засмеялся. Это был мальчишка, подросток в "анатомическом" костюме, которые выглядят так, как будто через кожу видны все внутренние органы, вот только на самом деле это дешевая голография и картинки исчезают, если посмотреть под другим углом. "Тупая подростковая мода", — подумал Овид.

— Не тронь птицу, — воскликнул он, когда мальчишка сошел с тротуара на дорогу. Его высокие ботинки были у кромки асфальта, в нескольких дюймах от птицы.

— Я смотрю, у вас ничего не получается с ней, мистер Бразилец. Вся беда в том, что пульт не настроен на ваши альфа-волны. — Голос у мальчишки был низким, почти хриплым — Овид решил, что ему все-таки не меньше семнадцати.

— А причем тут мои альфа-волны, парень?

Мальчишка засмеялся уличным, угрожающим смехом:

— Пульт управляется электрическими импульсами вашего мозга. Они должны соответствовать коду, иначе птица не будет работать.

Овид смотрел, как бьется сердце под анатомическим костюмом.

— А ты, надо полагать, разбираешься в электронике?

— Ага. Зовут Руди. Я всем занимаюсь: софт, биочипы, железо. — Он протянул руку. Овид пожал ее. — Могу перекодировать ваш пульт бесплатно.

Овид сжал пульт, не поднимая его со ступенек.

— Никто ничего не делает бесплатно, парень.

Руди перешагнул через птицу, встал на тротуар:

— Ладно. Вот что я скажу. Ты меня интересуешь. Сидишь на улице, встречаешь расфуфыренных буржуев, заводишь внутрь, потом выпускаешь. Что ты толкаешь?

Овид нажал на среднюю кнопку пульта — птица крикнула.

— Извини, парень. Я соблюдаю конфиденциальность. Ты можешь что-то узнать, только если будешь работать со мной. — Вязкая на вид жидкость потекла по кишкам в сторону желудка.

Руди сказал:

— Может, прямо сейчас договоримся? Я перекодирую ваш пульт, а вы мне скажете, чем занимаетесь. Ну как, по рукам?

У Овида была сеть сотрудников, поклявшихся в неразглашении, он трудился над тем, чтобы сохранить силу своей организации и не дать ничему просочиться. А Руди, возможно, полагал, что он продает шприцы с жидким сканом. Забавно. Но выглядел Руди толковым парнем. Если он действительно разбирается в биочипах, Овид мог использовать его.

— Слушай, парень. Может, возьмешь и у меня заказ?

Темные глаза Руди расширились:

— А какой?

— Работа курьера. Лекарство под названием аммелин. Мне слишком часто приходится мотаться по городу, когда я мог бы принимать клиентов.

Руди колебался ровно столько, сколько нужно — он уже делал такую работу.

— Возможно, у меня найдется время.

Овид прислонился к стене и следил за птицей. Она парила над потрескавшимися кирпичами башни времен Войны С Бедностью — ему это напомнило ястреба, высматривающего добычу. Птица надоела Бразильцу через месяц, и он подарил ее Руди в качестве премии. Теперь его инфракрасные контуры истощились, и он подумывал о том, чтобы спросить Руди, нет ли у него знакомств в медицинских кругах. Овида что-то мучило, может быть, инфракрасная слепота, невозможность увидеть горячие контуры в тенях.

А возможно, размышлял он, его выбивает из колеи *экзистенция* городских улиц. Серость, изношенность, десятиэтажные муниципальные здания, со дня постройки выглядевшие полуразрушенными, а теперь таковые на самом деле. Когда он прислонялся к пятнистой кирпичной стене дома и смотрел, как Джо и Бенни в своих зеленых плащах потирают руки над огнем в мусорном баке, он чувствовал себя частью вечного октября. И то же он чувствовал, когда мимо грохотали машины или коты мочились около фонаря на углу: *экзистенцию.* После полудня, когда от вчерашних виски и аммелина ничего не оставалось, Овид Бразилец гадал, эта ли монотонность, увиденная и отмеченная, и снова увиденная, это ли неизбежное *бытие* внушало ему такую апатию.

К дому приближался мужчина в плаще, купленном явно не в магазине для малоимущих. Его светлые волосы были коротко подстрижены, квадратная челюсть и голубые глаза напомнили бы простодушному герою голофильма, но Овиду его походка выдавала правду. Страх *бытия*: слишком тяжелый шаг, слишком черные туфли, слишком тугой воротничок. Этот человек боялся *того же самого*, но в отличие от Овида, выбрал саморазрушение.

Человек прошел мимо Овида. Он остановился перед лестничной клеткой и проверил адрес над дверью. Поежился. Надпись, размытую и смазанную кислотным дождем, было не разглядеть.

— Ищете Овида Бразильца? — спросил Овид.

Все еще глядя на белые цифры над дверью, человек кивнул:

— Да. Он здесь живет?

Овид отошел от стены и схватился за перила — человек отступил.

— Возможно.

— Возможно? — Гость спрятал руку под плащ и взглянул на Овида. — У меня два мегавольта под жилетом.

Овид улыбнулся:

— Ты мне нравишься, парень.

Он потянулся к карману пиджака. Человек оцепенел, но Овид вытащил пачку сигарет. — Ты пришел не просто так?

Человек кивнул. Овид знал, что тот уже исходил весь город и всюду вел такие разговоры.

— Да. Я Даскин. Мне назначено на два тридцать.

— Я Овид. — Он вытащил одну сигарету, зажег ее, затянулся, потом вытащил еще одну. Эта была набита овальными оранжевыми таблетками на оттенок ярче растворимого завтрака. Овид сжал сигарету, и одна таблетка выпала в его ладонь.

— Чистый аммелин. Сто долларов за штуку. Интересует?

— Вы шутите, — ответил Даскин. Уверенность в его голосе казалась натянутой.

Даскин посмотрел на дом, как будто высматривая за разбитыми окнами наркоманов.

— Ну и что такое этот аммелин? Какое-нибудь зельестимулятор?

— Что-то вроде. Это нейростабилизатор. Он сводит на нет действие ручки. Человеческий мозг похож на белковый чип — в нем есть контуры: дендриты, аксоны. Если использовать ручку, эти аксоны уничтожаются. Но память остается, в отдельных нейронах. Ее нельзя просто так восстановить. Поэтому надо принять аммелин, и он восстановит большинство связей.

Даскин кивнул:

— Ну и?

Овид затянулся, потом сказал:

— Люди думают, что они могут решить свои проблемы забвением. Они применяют ручку, но проблемы их все равно настигают. Только беда теперь в том, что они больше не помнят, как с ними справляться. Они рады принять аммелин.

Даскин покачал головой:

— Только не я. Если уж я забываю, то забываю навсегда. Я... — Он сцепил руки и уставился на искрошившиеся ступеньки. — Ну что, давайте начнем?

— Конечно, парень.

Даскин молчал, пока они поднимались на пятый этаж.

— Запашок тот еще, — сказал он на обшарпанной лес-

тнице, а потом удивленно воскликнул:
— Замок на распознавании сетчатки глаза? Здесь?
— Это моя клиника, — ответил Овид.
Даскин повернулся к свету, просочившемуся из кухни, как будто в надежде, что станет еще светлее.
— Приступим, — сказал Овид. — Садитесь на кушетку. Сначала поговорим.
Даскин подошел к кушетке у стены и сел.
Овид включил свет.
— Спасибо, — сказал Даскин.
Овид достал из сейфа ручку и бланк. Он присел за карточный стол и достал японскую шариковую ручку, безопасную ручку. С минуту он тасовал бумаги.
— Итак, вас что-то беспокоит?
— Даскин опустил взгляд на кушетку и похлопал по ней, как будто ожидая облака пыли. Не дождавшись его появления, он продолжил:
— Я ...понимаете, лечился у психиатров. Меня лечили биологической обратной связью. Я, э-э, принимал ли-

тий. И, э-э, использовал терапевтические программы. Стандартные психологические процедуры, понимаете?
— Да, я понимаю. — Овид написал имя Даскина на бланке. Большинство моих клиентов занималось этой ерундой. — Он остановился, задумавшись о Чериз, бухгалтере, которая должна была прийти на сеанс аммелина вечером. У нее были большие груди, и раньше он принимал от нее оплату в виде секса, но сегодня он не мог заставить себя возбудиться от этой перспективы. — Продолжайте, мистер Даскин. Расскажите о вашей тревоге.
— Ага. Ладно. Ну, я занимаю высокую должность в, э-э, "Американских Пластических Материалах". Я, понимаете, начальник отдела. Ну, и у меня бессонница, понимаете, и постоянная усталость, так что я не могу думать на рабочем месте.
Молчание.
Овид набрасывал портрет Чериз, начав с ее сосков. Никакой реакции — снова *бытие* подбиралось к нему. Он оглянулся на Даскина, который уже вспотел, хотя был включен кондиционер.
— Эй, Даскин, я не хочу, чтобы вы рассказывали о своих проблемах. Этим занимаются психиатры — заставляют страдать. Вот почему мы используем ручку. Вся эта болезненная дрянь — просто запишите ее. Подождите немного, и ручка сотрет то, что вы написали. Это очень просто. Я даже не прочту ваши излияния, если только вы не попросите.
— Правда? — Даскин в первый раз улыбнулся, продемонстрировав зубы — гордость стоматолога.
— Да. Просто запишите свои воспоминания. Все, о чем больно думать. Все, что вас смущает или о чем вы жалеете. — Овид поднял ручку. — Это она все делает. Я оставлю ее на столе. — Он положил ручку; ее позолота блестела еще ярче на тускло-желтом фоне стола. — Запишите все плохое, и вы забудете, обещаю.
— Этого я и хочу.
— Да, вот что. Вы ведь принесли чек?
Даскин раскрыл свой кейс:
— Тысяча долларов.
Через несколько минут Даскин сел за стол и начал писать. Овид переместился на кушетку и начал читать статью в "Психологии сегодня" о мозговых интерфейсах "компьютер/кошка". Ему приходилось бороться *с бытием*, чтобы уловить смысл.

Птицы уже не было, когда Овид провожал Даскина вниз по лестнице на тротуар. Тот прыгал со ступеньки на ступеньку:
— Я чувствую такую свободу.
Хорошо, — ответил Овид. — Подождите, не убегайте. — Он протянул Даскину клочок бумаги. — Если у вас будут проблемы, позвоните по этому телефону.
Даскин взял бумажку не глядя и сунул ее в карман:
— Какие проблемы? — Он снова улыбнулся. — Я едва могу вспомнить, зачем приходил. Это нормально?
— Совершенно нормально.
— Сколько я вам должен?
— Нисколько. Первое посещение бесплатно.
— Чудесно. Спасибо. — Даскин посмотрел на улицу, повернулся на север, потом на юг, и его радостная улыбка сменилась растерянной. — А как пройти к станции подземки?
Овид указал на юг:
— Три квартала туда, потом один на восток.
— Спасибо. — Даскин вприпрыжку побежал по улице.
— До скорого, парень, — ответил Овид.

Вечером Овид принял полграмма аммелина с двумя порциями виски и сел под лампой дневного света в "клинике". Он дышал медленно, спокойно, контролируя себя, а его сердце колотилось все сильнее. Когда вокруг лампы появился зеленый ободок, как нестираемый отпечаток на сетчатке, он занялся катарсисом Даскина: восемь страниц, вычурный и твердый почерк в стиле прошлого века, содержание, как предположил Овид, — слезливое дерьмо в духе любовного романа.

Он начал читать.

Словно чтобы уравновесить пришедшую внезапно нерезкость пальцев и края бумаги, текст стал еще четче. Затвердевшие слова приняли жизнь от руки, которая их написала, стали Даскином или, скорее, тем слоем его личности, который он пытался скрыть. Эта новая личность перетекла с бумаги в Овида, давая ему ощущение того, что значит быть Даскином: тошноту, извращение, боль, вину. Все, что отягощало совесть Даскина: умирающий щегол с разорванным крылом, которого он сам подстрелил; мать кричит на него за то, что он поджег занавески, за то, что он не покормил попугая, за то, что врезался в забор на

"Бьюике"; отец бьет его за то, что он пришел домой пьяным, порет его ремнем за то, что ругался; Даскин, в свою очередь, бьет Монику, когда она, сияя от гордости, объявила, что будет зарабатывать больше, чем он; вечеринка, на которой он, напившись, обмочился; страх, который начался, когда сломался лифт в небоскребе, и развился в такую тяжелую фобию, что он потел и его тошнило, когда он входил в фойе высокого здания или выходил из офиса. И сотню других страхов и раскаяний, ломающих его, делающих жизнь мозаикой из воображаемых последствий и выдуманных опасностей. Тухлую сущность Даскина, выплеснутую на бумагу.

Овид принял все это. Это не значило, что он становится Даскином или что проблемы Даскина влияют на него. Это значило, что воспоминания становятся неуничтожимы благодаря чернилам, которые дали им плоть, и аммелину, который вдохнул в них жизнь. Овид представлял это как Даскина-гомункула, хотя ему и не нравились такие заумные термины.

Когда он закончил восьмую страницу, он уже знал, что такое Даскин. Он с усилием встал из-за стола, проковылял через всю комнату к кухне вслед за радугой. Увидел бутылку виски — она заискрилась, сотни раз отражая лампочку без абажура. Он сбил бутылку одной рукой, но поймал другой. Подняв ее и изогнув шею, он сделал три больших глотка. Тепло дало ему мужество встретить огоньки вокруг себя — на этот раз это был миниатюрный плачущий Даскин в каждом углу кухни.

Он опустился на кухонный диван, закрыв глаза, позволяя отражениям исчезнуть. Он решил уничтожить Даскинов в углу, но вместо этого отключился.

Овид понимал, что из Руди получится больше, чем курьер. Парень был талантлив. Он починил кондиционер Овида, когда тот начал тарахтеть, как "Корвет" 98 года перед стартом. Он устроил Овиду свободный доступ ко всем психологическим базам данных. По совету Овида он начал читать в библиотеке книги по амнезии. Руди даже собирался поступить в колледж и там раскрыть тайну ручки, но Овид разубедил его с помощью совершенно нелепых доводов. Не то чтобы он был противником образования — он просто не хотел отдавать ручку ученым и оппортунистам. А может быть, он не хотел отдавать Руди, умницу Руди. Руди перестроил птицу так, что она могла поднимать посылки с улицы к его окну. Потом ее мотор сломался и Руди, которому наскучило это новшество, стал подниматься по пожарной лестнице.

Однажды, часов в пять, Овид открыл окно. Руди уже ждал его — смуглое лицо, серьезные черные глаза, пушок на верхней губе, волосы завитые на макушке и длинные на затылке.

— Эй, босс. Кило, правильно? — бросил он высокотехнологичным тоном.

— Да. — Овид взял радиоприемник, открыл его. На месте микросхем была дюжина стальных флаконов толщиной с фломастер. Овид вытащил один и ощутил тяжесть металла.

— Овид, мне еще много куда нужно успеть, — напомнил Руди.

— Подожди, парень, — ответил Овид. Руди прижался лицом к стеклу, его нос расплющился.

— Слабонервный черт, — прошептал Овид, выдвигая верхний ящик шкафа на другом конце пропыленной

спальни. Он вытащил кодовый сканер, активировал его. Зеленые светодиоды осветили его руки, когда он вставлял перевернутый флакон в паз. Все было правильно: защитная пленка не вскрыта, аммелин произведен фармацевтической компанией в Калифорнии. Он отложил сканер, потом надорвал пленку, отвинтил крышку и слизнул остаток с обратной стороны крышки. Язык защипало, как от конфеты с углекислым газом. Он был доволен.

— Остатки сладки? — усмехнулся Руди, когда Овид повернул медную ручку и ширма открылась. Руди взял пластиковую карточку, прижал к своей.

— Эй, какого черта? — Он нахмурился, глядя на цифры на своей карточке.

— В чем дело? — спросил Овид.

— Ты меня надуть пытаешься? Здесь только восемь косых. Мы договаривались на девять.

Овид улыбнулся:

— Да, знаю. У меня к тебе предложение. Возьми вместо денег это. — Он показал ему открытый флакон аммелина.

— Шутишь? Уговор был — девять. Не дави. Я твой друг, а не шестерка.

— Как хочешь. У меня есть деньги, если тебе нужно. Я просто хочу предложить тебе хорошую сделку, потому что ты мой друг.

— Я такое не принимаю, — ответил Руди, но Овид уловил сомнение в его голосе. Руди посмотрел вниз, как будто боялся, что сейчас наркоманы начнут штурмовать пожарную лестницу.

— Руди, аммелин — это не наркотик. Аммелин увеличивает эффективность работы мозга. Помогает быстрее думать, лучше помнить. — Он не упомянул галлюцинации.

— Ну, Ови, я не знаю.

— Руди, парень, ты можешь закинуться вместе со мной, если тебе так спокойнее. Если ты действительно боишься, ты можешь его продать и выручить намного больше, чем тысячу долларов. Но не бойся. Попробуй. Психиатры лечат им амнезию. Он есть в медицинском справочнике.

Руди пристально посмотрел на него. У него было мужественное лицо, тяжелая челюсть. Необязательно было знать о его уме, чтобы понять, что он далеко пойдет. Овид представил как он будет в городской сети убалтывать нервозных бизнесменов, пьющих домохозяек, пытающихся забыть свои неудачи. Однажды он может стать партнером — когда Овид состарится, ослабеет.

— Ну ладно. Давай.

Овид протянул флакон Руди. Мальчишка засунул его в карман джинсов и спустился по пожарной лестнице в заставленный рухлядью переулок.

Овид курил и наблюдал. Руди лавировал на своем энергетическом скейтборде, взбираясь на кирпичные стены дома, его длинные волосы развивались сзади, когда он огибал окна второго этажа, а потом несся вниз к тротуару. Старушка высунулась из окна и уставилась на него, как будто не в силах преодолеть изумление, чтобы пожаловаться на шум.

Через некоторое время Руди вернулся вниз, пластик его доски пламенел в вечерних лучах солнца. Овид уже настроился на ритм, который выбивали колеса, наталкиваясь на трещины в тротуаре, когда заметил, как Даскин идет вниз по улице, очевидно, от станции подземки. Вот забавно, он снова был в плаще. День выдался теплым для октября, день, когда никто не поджигает мусор в баках.

— Эй, парень, — окликнул его Овид с лестницы.

Даскин вцепился в железные перила так сильно, что его костяшки побелели. Как будто боясь посмотреть Овиду в глаза, он уставился в ступеньки. Несмотря на то, что его лицо оказалось в тени, Овид видел, как пот стекает по его лицу, капая с четырехдневной щетины на подбородке.

— Хочешь закурить? — спросил Овид, просовывая пачку "Карлтонз" между двумя прутьями.

— Нет. Мне нужен, понимаете, аммелин.

— Вот оно что, — протянул Овид, пряча ухмылку и стряхивая пепел с сигареты. — Неприятности?

Даскин поднял голову, его глаза были большими и испуганными, как будто ему отказывают:

— Я утратил смысл. Идентичность. Свое место. Я просто хотел избавиться от воспоминаний. — Он оглянулся

на Руди, который выписал сложную фигуру на углу и теперь мчался назад. — Ты меня ограбил!

— Ограбил? Ты избавился от воспоминаний, как и хотел?

— Да. Но я потерял не только их, разве не понятно? Я потерял... Не знаю. Я сижу в офисе, и смотрю в окно, и ничего не делаю. Мне надо сдавать отчеты. — Даскин снова согнулся, с его носа свисала капля пота. — Ты меня опустошил! Ты обещал убрать воспоминания, а не душу!

— Эй, парень, успокойся. Ты должен понять, что человеческий мозг — сложная штука. Воспоминания и процессы на самом деле одно и то же, просто на них смотрят по-разному. Раз уж ты стираешь память с помощью ручки, ты не можешь не стереть какую-то часть своей личности, своих привычек. Они взаимосвязаны.

Даскин молчал какое-то время.

— Почему ты меня не предупредил?

— Я предупреждал. Забвение с помощью ручки идет не совсем гладко. Иногда ты забываешь и то, что не записывал. Я тебе говорил, но ты все равно стал писать. Так это и бывает, парень.

Даскин немного расслабил хватку.

— Ладно. Но сейчас ты продашь мне аммелин?

Овид глубоко затянулся, выдохнул.

— Да, парень. Но ты не можешь принять его сам по себе. Если тебе нужен аммелин, приходи сегодня в восемь вечера.

— Что? Да ведь будет уже темно.

— Ночью тут не опаснее, чем обычно. Только дилеры и сутенеры, в любом случае, но все спокойно. В конце концов, я работаю весь день, так что аммелином мы займемся вечером. В восемь.

Даскин опустил плечи:

— Ладно. — Он повернулся, заспешил к станции.

Руди на своей доске взобрался выше окон третьего этажа и помахал. Овид задумался: сможет ли он стать хорошим специалистом? Он чист, и волосы у него длинные, как раз по моде, которой следуют конторские служащие и некоторые молодые профессионалы, и он неглуп. Сама собой напрашивается мысль послать его в какую-нибудь психологическую консультацию, может быть, в качестве волонтера. Тогда у него будет доступ к историям пациентов, он будет знать, кто уже на грани и

— Вот именно.

Даскин улыбнулся:

— Не пойдет. Это что-то вроде ограбления. Аммелин не подействует, а я заплачу и забуду об этом, а потом вернусь, чтобы попросить еще. Не пойдет.

— Аммелин подействует. Вот. — Он протянул Даскину листок с телефонным номером. — Если не подействует, позвони. Человек отправит тебя прямо сюда и мы посмотрим, что можно сделать.

— А какой в этом смысл? Я уже знаю, где клиника.

— Верно. Но ты это забудешь. — Овид подал Даскину еще одну бумажку. — Просто запиши, как найти дорогу сюда. Да расслабься ты, парень. Иногда людям не нравится, что воспоминания вернулись, они злятся и зовут полицию. Мне это ни к чему.

Это были ценные сведения — они убеждали пациентов, что воспоминания действительно возвращаются. Даскин снова открыл ручку и написал цепочку названий улиц и станций подземки. Он морщился, пока писал — не так уж приятно забывать информацию, которую вовсе не хочешь забыть. Он вернул листок Овиду — тот же

Раз уж ты стираешь память с помощью ручки, ты не можешь не стереть какую-то часть своей личности...

готов сломаться под грузом своих тревог, своих воспоминаний. Единственный вопрос — в какую клинику, в какой офис? Овид помахал в ответ.

Он глотнул виски.

— Ну так что, мы начинаем? — нетерпеливо спросил Даскин, склонившись над желтым столом в клинике.

— Минутку. — Овид должен был дождаться, пока алкоголь достигнет его мозга. Его нервы были слишком напряжены, постсинаптические рецепторы изношены от напряжения постоянного приема нейростимуляторов. Он не мог принимать аммелин на трезвую голову.

Через полминуты он уже почувствовал действие, словно прожектор осветил его ум.

— Ладно. — Он подошел к сейфу на стене, отпер его отпечатком большого пальца и вытащил ручку.

— Давай, парень, — сказал он, вкладывая ее Даскину в руки. — Ты принес чек?

На две тысячи долларов? Да. — Даскин взял ручку, позолоченную, тяжелую. Он щелкал кнопкой, открывая и закрывая ее. — Это мне не нужно. Я забуду.

старомодный почерк, буквы, черные, как вакуум.

— И чек, парень.

Даскин оскалился на Овида, потом подписал.

— Отлично. — Овид взял ручку и вернул ее в сейф. Потом вернулся к столу и открыл один из флаконов:

— Половину мне, половину тебе. — Он рассыпал содержимое по поверхности стола, оранжевые таблетки засверкали на тусклом желтом пластике. Он подтолкнул половину таблеток к Даскину.

— А зачем тебе...

— Все в порядке, парень. Нужно принимать вдвоем, вместе. Я тебе уже говорил.

— Ну что ж. — Даскин взял одну пилюлю. — Сколько?

— Все сразу.

Овид сгреб таблетки к краю стола, поймал их другой рукой и отправил в рот. Даскин поколебался и проглотил свои.

— Подействует через минуту. — Овид встал и снял абажур. Комнату залил свет. Даскин зажмурился, поэтому Овид добавил:

— Нужно напрячь зрительные нервы. Смотри на свет, если можешь.

Овид сел и уставился на лампу. Каждый раз, как он моргал, он видел отпечаток, с идеальными контурами, но такого причудливого цвета, что он был похож на дешевую голограмму. Если бы не виски, он бы закричал. Даскин стонал. Овид слышал, как сам он говорит:

— Дыши медленно, — и последовал собственному совету, не давая сердцу подняться к горлу. Отпечаток, зеленая рябь, как будто под водой, начал накладываться на реальный образ, вытеснять его.

Потом Овид увидел жизнь Даскина, искаженные картины, вырастающие из лампы: неуклюжий побитый мальчик, полный боли и смущения — коллаж, вытекающий из яркой как солнце цистерны, образы искривляются, извиваются и сливаются друг с другом, тридцать лет уродства. Но это была душа, обмотанная нитями выживания, утраченная из-за ручки и возвращенная наркотиками, уродливая, но необходимая. Это был Даскин.

Но Даскин этого не чувствовал. Овид слышал его крик, как будто с поверхности солнца, у него не было ника-

ких стимулов, кроме света и аммелина, его воспоминания находились в голове Овида, а не в его собственной, его контуры горели в гиперактивной гонке за пустотой.

Овид начал говорить. Его голос был не звуком даже, а биением волоконно-оптической информации, почти двоичным кодом. Он рассказал Даскину о своих видениях, он рассказал человеку о жизни, которую он потерял, и Даскин в комнате (глядящий на свет с разинутым ртом) был просто скорлупой, но вместе они создавали целое, несогласованное целое, но во всей полноте. Воздух был передатчиком между умами, и Овид возвращал каждое воспоминание, пока видения не заколебались, а его руки не задрожали, пока поток информации не дрогнул, не разбился, не растворился в неподвижном воздухе комнаты.

Овид потер глаза. Образы не исчезли, но они были слабыми, как воспоминания о воспоминаниях, а не непосредственные впечатления. Он посмотрел на стол — тот вернул себе свой естественный желтый цвет. Хотя ему хотелось уснуть, он заставил себя встать, постоянно избегая невозможных картин, толпившихся на границе его поля зрения. Когда он смотрел прямо вперед, все было нормально.

Овид нашел абажур и надел его на лампочку. Это очень помогло: летающие хромовые коты вернулись в свои заросли, а яркие черепахи — в свои пруды. Он сделал пять больших глотков виски прямо из бутылки, потом точным движением поднял Даскина, который упал со своего стула.

Одежда Даскина пропиталась потом, и он корчил гримасы несмотря на то, что был без сознания. Овид подтащил его к кушетке, положил его так, что дурак решил бы, что он спит и ему снится страшный сон. Потом пошел в гостиную и позвонил Руди.

— Эй, парень, отвезешь Даскина домой?

— Да, конечно, скоро приеду.

Овид сидел на кровати. Кондиционер был выключен, а окна открыты. Мусоросжигатель на другой стороне переулка испускал белый дым, который втягивался в окно, когда ветер дул в нужную сторону. Иногда вдыхать чужой мусор было лучше, чем курить. Он чувствовал течение их жизни в своих утомленных легких: обертки готовых обедов, салфетки, сухие листья, реклама магазинов, пластиковые обложки голограмм, газетные чернила — у всего был собственный запах, собственная текстура, суть, которая оставалась после того, как их материальная часть была кремирована. Он мог проследить чужие жизни носом, горлом, грудью.

Он откашлялся дымом мусоросжигателя и взял ручку. *"Экзистенция"*, — написал он печатными буквами. Это слово уже было написано дюжину раз на листке в клетку — долгие месяцы он не мог избавиться от этого чувства. Все оставалось неподвижно, как на натюрморте девятнадцатого века. Дым, тяжесть тела на матрасе, решетки и тени кондиционера.

— Черт, — пробормотал Овид, глядя на ручку. У него всегда было туго с отвлеченными идеями. Иногда, без всякой причины, он писал: *"Боль"*, и ничего не происходило. Ручке, похоже, нужны были точные сведения: даты, имена, события. Он несколько раз использовал ручку, когда был моложе, после того, как украл ее у бездомного доктора, который оказывал помощь бомжам из подземки. Доктор-алкаш помогал им забыть о своем жалком существовании, как будто дешевое пойло не могло сделать то же самое.

Но Овид не знал, что значит забывать. После того, как он прочел тридцать учебников психологии, чтобы понять значение процесса, и попытался избавиться от связей с незнакомыми женщинами и агентов по розыску из Никарагуа, он это узнал. В лучшем случае ты удивлялся, зачем вообще это было делать, потому что все забытое после ручки ничего для тебя не значило, даже если перечитать названия сражений, имена женщин и загадочных убитых друзей. В худшем случае это означало потерю ориентации, ты чувствовал себя лодкой без руля, человеком из уличной толпы, хотя бы ты и зарабатывал сто косых в год. Если бы он не заставил себя открыть этот бизнес, он потерял бы больше, чем пару лет на границе столетий. Остальное было бы неизбежно: у него бы в голове софт

слетел, как тогда говорили подростки.

Но все же Овид был рад, что попробовал ручку. Его собственное лекарство; это было, как крещение, это давало ему какую-то толику искренности, так что он знал, что не просто опустошает высокооплачиваемых невротиков, а действительно предоставляет услугу, которая работает. Попробовать ручку самому было необходимо.

Экзистенция.

Но Руди отказался пробовать — его едва удалось уговорить и на аммелин. Руди был чист — это хорошо. Но если он действительно хотел стать ассистентом Овида, он должен был хоть раз ее применить — он должен был доказать, что может с ней работать. В жизни есть цели поважнее, чем сохранение чистоты.

Руди мог даже смошенничать, использовать отвлеченное понятие:

Экзистенция. Бытие.

Через две недели Даскин вернулся. Овид впустил его с обледенелого тротуара, потом усадил на кушетку. Овид лукаво предложил ему сигарету, и тот покачал головой. Овид сел на стул за письменным сто-

лом, вытащил бланк записи первичного пациента и начал рисовать на нем.

— Итак, вас что-то беспокоит?

— Да. — Даскин снимал плащ, оглядывая комнату. — Мистер Бразилец, у меня невероятное ощущение дежа-вю.

— И часто с вами такое бывает?

— Нет, правда. Я узнал вас, когда увидел, и эту комнату тоже.

Овид кивнул, пытаясь на память изобразить Руди.

— Такие ощущения обычны для людей, пытающихся избавиться от неприятных воспоминаний.

Даскин взглянул на него:

— Я не знал. Так вы можете мне помочь?

— Я не могу гарантировать, что вы будете чувствовать себя идеально. Но вам станет гораздо лучше.

Даскин посмотрел на стол, посмотрел на японскую шариковую ручку в руке Овида, как будто это была та самая ручка.

— Надо просто записать, о чем я думаю?

— Что-то вроде того. Лучше всего вызвать те ваши воспоминания, которые отравляют вам жизнь. Или, если у вас есть фобии...

Даскин вздрогнул, от кушетки поднялась пыль.

— Да. Лифты.

— Объясните ее как можно подробнее. Ручка особенно эффективно действует на такие вещи.

Прежде чем они начали, Овид рассказал Даскину про аммелин. Тот засмеялся и ответил:

— Не пойдет, мистер Бразилец. Я собираюсь избавиться от этих воспоминаний и не оглядываться назад.

Итак, Даскин стал постоянным клиентом, чередуя состояния преуспевающего бизнесмена, сдерживающего свою гнетущую тревогу, и небритого бездельника в поисках утраченного смысла. С течением зимних месяцев расхождение между двумя Даскинами приобрело абсурдную четкость — бизнесмен шагал все более напряженно и выбирал слова все тщательнее; бездельник начал запинаться, плевать на ковер, приходить в рваном галстуке и с бутылкой текилы в бумажном пакете. Овид и раньше наблюдал это явление — это значило, что мозг Даскина утрачивал слаженность. Аммелин не был идеальным лекарством — после каждого применения ручки и каждой дозы часть информации терялась. Это означало, что пациенты становятся карикатурами на самих себя, потому что теряют ресурсы нервной системы, позволяющие правильно реагировать в разных ситуациях.

Было почти забавно иметь дело с людьми, предсказуемыми, как птицы.

В один январский вечер Овид привел Руди на лекарственный сеанс Даскина. Тот опаздывал, что позволило Овиду глотнуть виски, а Руди — поиграть в голографических солдатиков. Овид смотрел, как армии маршировали навстречу друг другу из углов дивана. Руди стоял на коленях, склонившись над журнальным столиком, на котором он разместил контрольную панель. Небесно-голубые человечки размером с ноготь маршировали по подушкам, выстреливая иголочки света. Овид надеялся, что они упадут в расселину между правой и центральной подушками, но они продолжали идти, как будто переходя невидимый мост. Тем временем красная армия ожидала на левой подушке, как будто планируя внезапную атаку. Может быть, Руди не мог управлять обеими армиями одновременно.

Овид подошел к экрану домофона в другой комнате и вернулся через несколько минут.

— Даскин пришел, — сказал он отрывисто. Достаточно ли он выпил? — Пойди впусти его, парень.

— Сейчас, — ответил Руди, и армии исчезли. Он вскочил на ноги с такой легкостью, что Овид ему позавидовал.

Вскоре Руди привел Даскина. Даскин вошел, шатаясь, его пальто было заляпано грязью, нескольких пуговиц не хватало, глаза были широко раскрыты и блестели.

— Верни ее, верни! — закричал он. Овид напрягся — Даскин направлялся прямо к нему, но в последний момент сменил курс и ударился о стол. Стол закачался, а

Даскин упал, ударившись плечами о его край, а коленями — о ковер.

Овид расслабился, улыбнулся. Руди уже закрыл дверь и стоял, скрестив руки, с мрачным выражением лица. Овид снова повернулся к Даскину:

— Все в порядке, парень?

Даскин кивнул, со стеклянными глазами, изо рта капала слюна. Он с трудом встал. Когда он уселся на стул, он повторил:

— Верни мне мою память, Бразилец.

Овид кивнул. Так часто самые неожиданные остаточные воспоминания всплывали на поверхность, заставляя мужчину как бы случайно назвать имя любовницы, которую он когда-то ненавидел, позволяя женщине рассказать об унизительном избиении как о телевизионном сюжете. Или в данном случае, как Даскин помнил его имя.

— Ты принес чек?

Даскин кивнул:

— Пять тысяч, верно?

— Да. — Овид почувствовал, как виски ударяет в голову, когда он вставал. Восстановив равновесие, он перешел к сейфу и достал и ручку, и новый флакон аммелина. — Садись, Руди, — сказал он и вернулся за стол.

Даскин протянул через стол измятый чек. Он был уже подписан выцветшими синими чернилами.

— Хорошо, парень, — сказал Овид, принимая чек. Какая теперь разница? Итак, Даскин помнил про деньги. От него теперь осталась одна шелуха. Он уже потерял работу в "Пластических Материалах", следующими будут банковские сертификаты. Овид мог отпустить его.

— Мои мысли. Верни их! — Даскин захныкал как ребенок, у которого отняли любимую игрушку. Его глаза загорелись, когда Овид открыл флакон и поделил таблетки.

— Руди, открой другой флакон и прими две. Сделаешь четвертую страницу, ладно?

Руди вытащил флакон из сейфа. Глотая пилюли, он смотрел на Даскина со смесью жалости и презрения.

— Руди, я сделаю первые три страницы. Ты сделаешь четвертую. Верно?

— Четвертую. Нет проблем, Овид. — Он все еще смотрел на Даскина.

— Руди, парень, спокойнее. Присядь. — Овид махнул в сторону дивана одной рукой, а другой отправил таблетки в рот.

Руди сел на середину дивана, уничтожая всякую надежду на то, что голубая армия продолжит наступление.

Даскин воскликнул:

— У тебя эта чертова ручка! Я ничего ею не напишу!

— Нет, конечно, нет, парень. — Овид убрал ручку в карман рубашки. — Ты просто будешь слушать меня и Руди, мы поможем тебе вернуть память. — Он снял с лампочки абажур.

— Ох, слишком ярко, — пробормотал Даскин.

Овид бросил абажур на пол, глотнул виски, потом посмотрел наверх.

Лампочка испускала солнечный свет. И инфракрасное излучение тоже: сенсоры Овида, на которые он потратил так много, а получил так мало, неожиданно вернулись в строй. Они показывали ему свою раскладку, переведенную в красный цвет там, где никакого красного не должно было быть, не совсем в соответствии с ос-

тальной картиной. Его инфракрасные контуры не работали несколько месяцев — но теперь солнечное тепло с помощью света активировало их, расщепляя совершенство на отбросы. Жар проникал в его глаза, разрывал его горло, уговаривал его сердце забиться в диком ритме, как будто адреналин всех жертв города был впрыснут в его грудь. Его дыхание пыталось сравняться с сердечным ритмом, но он боролся за контроль — медленнее, медленнее, говорил он себе — и дисциплина его дыхания передалась сердцу, так что оно замедлилось до разумного ритма.

Даскин закричал.

Овид доказал свое господство над аммелином — наградой ему были воспоминания. Первые три страницы, перечитанные накануне вечером, выученные наизусть, и теперь возвращаемые. Автобиография Даскина, история человеческой боли. Образы лились вместе с солнечным светом, безумная смесь зрелища и звука, информация, записанная самой примитивной клинописью.

Начало:

Я видел
Я чувствовал
Я переживал

Мощные, но неполные образы: то, что Даскин написал, то, что он забыл. Но видел-чувствовал-переживал что? Где законченность мысли? В этом водопаде банальностей, выплескивающихся из яркости, как из засорившегося унитаза? В этих отчетах о покупке котенка, поездке на автобусе в Сент-Пол, винограде, украденном у одноклассника в шестом классе? Наверняка, если личное местоимение - это левая часть выражения, а глагол — знак равенства, такие мелочи не могут обеспечить равновесие. Но где оно есть? В свете сверху? В золотом растворе праздных мыслей? Конечно, он видел отголоски мыслей, часть аммелинового света, так же как Солнце — только остатки более древней звезды, но они не относились к последним записям. Это был декабрьский Даскин, ноябрьский Даскин, октябрьский Даскин — мысли все полнее с каждым шагом назад, но и слабее соответственно. И Овид не обязан был отдавать Даскину мысли, которые тот не купил.

Овид переводил банальные мысли, которые находил, в звучащие цвета и посылал другому поток информации, который из-за жара в его глазах был нерезким, коричневым и покрытым малиновыми артериями. Простые мысли. Сломанные мысли.

Он дошел до четвертой страницы.

Овид перестал передавать, почувствовал, что рот захлопывается, как пинцет на испорченном оптическом волокне. Он увидел, как формируется неуверенный поток с другого края аммелинового солнца, далекий, слабый. Он передавал медленными вспышками. Руди.

Овид расслабился. На сегодня его работа была закончена. Руди может сработать дерьмово, но ведь это его первый раз. Он позволил себе в последний раз взглянуть на солнце.

Вместо этого он увидел Даскина: изломанного, кричащего, кружащего по ужасным орбитам над горящими планетами, пролетающего мимо звезд таких старых, что их ледяные поля раскололись, пронзенного всеми копьями тысячи армий, раздутого слоновой болезнью на кислотном кресте, задыхающегося от горчичного газа, от которого у неба разливается желчь, плывущего по Гангу, захлебнувшись собственной кровью. Всюду множество Даскинов, страдающих от всех бед, которые человек может испытать, что не больше, но и не меньше, чем пара родителей, ненавидящих своего ребенка.

Овид попытался убедить себя, что это просто аммелин в его мозгу, сверхсфокусированный, потому что это он, а не Руди использовал слова для переключения. Но они, эти призраки Даскина, эта толпа, вытекающая из солнца и окружающая его как одеяло распада, не позволяла использовать доводы логики.

Овид закричал.

Они были возле его лица, изрекая обвинения. Он не мог двигать глазами, но сумел нащупать под столом бутылку. От этого сквозь его тело прошла волна злого света, но он поднес ее туда, где должно было быть его лицо. Горлышко бутылки встретилось с его губами, и поцелуй взорвался фейерверком.

Овид пил, и пил, и пил.

Когда он проснулся, он лежал на боку. Его запястья и щиколотки были связаны вместе, так что первой его мыслью было: он стал Даскином в Даскиновом аду. Второй мыслью было: думать тяжело — он находился где-то посередине между похмельем и легким опьянением.

Он занялся собой. Перед глазами как будто вертели вилку, на языке был привкус алкоголя и желчи, а также менее знакомый вкус ковра — ворс попал в рот. Он заставил себя понять, что видит. Черная ножка стола занимала примерно четверть его поля зрения, под ним лежал перевернутый стул. По размытому пятну света на стене он определил, что время — около полудня. У стены лежала какая-то коричневая груда, возможно, кипа одежды.

— Срань, — пробормотал он. Он надеялся, что Руди отвез Даскина домой и сказал той ненормальной дамочке, что сегодняшний сеанс отменяется.

Но почему он связан? Возможно, квартиру ограбили. Это не страшно, если они не взяли ручку. Он подползет к телефону, позвонит Руди или кому-нибудь из го-

родской сети. Но вот веревки... Они были туго затянуты. Он попытался шевельнуться.

— А-ах!

— Ага, ты проснулся.

Это был голос Руди.

— Да, парень. Они и тебя достали?

— Нет, это я тебя достал.

— Ах вот как. — Он был слишком ошеломлен, чтобы сказать что-нибудь осмысленное. Он услышал топот пластиковых горных ботинок по ковру, потом почувствовал, как Руди приподнимает его сзади.

— Ох! Сукин сын!

Руди подтащил его к стулу Даскина и усадил. Было неудобно сидеть со связанными руками и ногами, но лучше, чем лежать на полу.

— Смотри, — Руди указал на коричневый предмет.

Это был Даскин, он лежал на животе, его белая рубашка, штаны, светлые волосы пропитались кровью.

— И что? — сказал Овид. — Я должен быть поражен? — Даже после такого волевого усилия он был измучен. — И зачем было его убивать?

— Нет, Овид. Это ты убил его. Ты его высосал.

— Что? Что за дерьмо, парень? Ты его застрелил или зарезал?

— Заткнись, или я и правда кого-то зарежу, — и Овид почувствовал укол в спину.

— Ох, — сказал он.

Руди убрал нож.

— Сейчас я освобожу тебе руки. Смотри не балуй, ты уже старик; я перережу тебе горло.

Этой угрозы было достаточно — Овид даже не думал сопротивляться. Руди натянул веревки туже, и Овид почувствовал прикосновение тупой стороны ножа. Было такое чувство, что в запястье врезается лезвие, когда он услышал хлопок.

— Спасибо. — Овид положил руки на стол.

Руди помахал восьмидюймовым лезвием перед лицом Овида.

— Ну, и что теперь, парень? Ты хочешь получить куш покрупнее или что?

Руди ответил:

— Я давно уже думаю, что это ужасно несправедливо. Некоторых из них ты держишь по месяцу, но с Даскином прошло уже четыре чертовых месяца. Я видел, как ты выпиваешь его душу. Вчера я смотрел...

— Подходи, садись напротив, — попросил Овид, выворачивая голову, чтобы увидеть Руди, стоящего сзади. — Терпеть не могу говорить с человеком, когда его не вижу.

— Нет уж, я останусь здесь. Чтобы ты меня не увидел.

— Вот срань.

Руди постучал ножом по спине Овида.

— Ты высасываешь все ручкой, а потом возвращаешь в переваренном виде с помощью наркотика. Это медленное убийство. Отвратительно.

— А-а... — Ум Овида боролся за слова. — Юношеский идеализм. Парень, это реальный мир. Героин, Пи-Си-Пи, флайеры, жидкий скан, кокс — это то же самое. Ты ведь продавал эту дрянь. А я помогаю — я лечу людей.

Ты высасываешь все ручкой, а потом возвращаешь в переваренном виде с помощью наркотика. Это медленное убийство.

Среди них есть слабаки — им не становится лучше. Некоторым из них гораздо лучше.

— Нет. Вранье. Я сижу тут, слушаю, как ты рассказываешь ему про кошек, и начинаю видеть его боль. Боль, понимаешь? Боль Даскина в моей голове. Черт, Овид, ты уничтожил парня. У него ничего не было, кроме боли, и ты ее высосал.

— Это лечение.

— Нет. Если ты врач, ты заменяешь боль лечением. Ты ничем не заменил боль. Ты дал душе Даскина погибнуть.

— Ну так убей меня, парень.

— Нет, — сказал Руди, кладя на стол ручку, красивую золотую ручку, — мы сделаем по другому. Давай, поведай мне свою жизнь.

Бумаги не было.

— Пиши на столе. Начни со своего имени...

Овид щелкнул ручкой. Он хотел написать *"экзистенция"*, но к его хребту прижимался нож.

Перевод: Л. Николенко

С А. ПАВЛЕНКО

ОТКУДА ЧТО ВЗЯЛОСЬ И КУДА ВСЕ ДЕЛОСЬ?

– "Юная марсианка закрыла глаза и потянулась ко мне полуоткрытыми устами. Я страстно и длинно обнял ее.."
– "Всю", – добавил Юрковский
Михаил Антонович зарделся.
– Ишь, закраснелся, старый хрыч, –сказал Юрковский. – Было дело, Миша?

А.И Б.Стругацкие "Стажеры"

Если строго подойти к теме эротики в литературе, то придется признать, что весь известный нам корпус литературы составляет эротическая литература. То, что не эротично — не литература. Но, к сожалению, слишком многие авторы, стараясь возбудить фантазию читателя, пишут намеками, уводят секс в подтекст и прикрывают его разнообразными хитроумными масками.

Однако натренированный читатель даже в заурядной сцене перестрелки оценит описание содрогающихся пулеметных стволов и многозначительный хруст, с которым пули входит в кого-нибудь из второстепенных персонажей.

1. В научной фантастике и особенно в фэнтэзи эротика всегда занимала особое место. Ее как бы не было, поэтому очень трудно догадаться, чем космонавты занимаются между звездными вахтами в долгих космических перелетах. Возможно, они пьют чай с бромом? Кто знает... Но, к счастью для нас, художники, рисовавшие иллюстрации для обложек журналов классической фантастики, приоткрывали нам завесу тайны над личной жизнью галактических героев. На этих картинках мускулистые парни в скафандрах в обтяжку освобождали большеглазых блондинок из лап жукоглазых марсиан, и благодарные красотки взирали на своих спасителей с обожанием... Тонкий аромат садо-мазохистских игр витал над изображениями сложно связанных девушек в расчетливо порванных платьицах — порванных ровно настолько, насколько это необходимо для продуктивной работы воображения. Правда, когда трясущимися от возбуждения руками мы раскрывали заветный журнал и погружались в текст, нас охватывало, по меньшей мере, недоумение. В рассказах и повестях Мюррея Лейстера, Альфреда Ван-Вогта, Кэтрин Мур и прочих джонов кэмпбеллов между мальчиками и девочками (не говоря уж о мальчиках-мальчиках и девочках-девочках) не происходило ничего, заслуживающего внимания. На отношения полов намекалось с соцреалистической осторожностью. Эти книги можно без опаски показывать родителям!

2. Даже отъявленный нудист Джон Картер из лихих книжек классика pulp fiction Эдгара Райса Берроуза, нагишом бегавший по марсианским пустыням, оплодотворял свою яйцекладущую принцессу где-то за рамками эпопеи "Принцесса Марса, Дочь Тысячи Джедакков". А ведь как интересно было бы познакомиться с сексуальными практиками краснокожей марсианской расы! Увы, Берроуз скрыл от нас самую увлекательную часть приключений Джона Картера... и его примеру следовали практически все профессиональные фантасты первой половины XX века. Только злой и непохожий ни на кого Альфред Бестер (предтеча киберпанка и автор незабываемого "Человека без Лица") вволю издевался над бесполыми НФ-персонажами в "Не по правилам" и "Ночной вазе с цветочным бордюром", да мрачный шутник Фриц Лейбер раскрашивал свое "Зеленое тысячелетие" в декадентские цвета вуайеризма.

3. Прекрасным исключением из этого научно-фантастического правила выглядит тактика "нефантастов в фантастике", обращавшихся к НФ в поисках острых ощущений. Олдос Хаксли в "Прекрасном Новом Мире" с удовольствием описывает оргии XXI века и изощряется в сарказме по поводу "последнего девственника Прекрасного Нового Мира", повесившегося из-за страха перед сексуальной свободой. Полуэмигрант А. Н. Толстой дополняет джон-картеровский антураж марсианских приключений тонкой декадентской эротикой в духе "серебряного века", а его соотечественники Евгений Замятин и Андрей Платонов в "Мы" и "Антисексусе" открыто обращены к сексуальным проблемам грядущего и предре-

кают исчезновение эротики при социализме. Их младший современник Джордж Оруэлл демонстрирует ошеломленному читателю секс как подпольную деятельность диссидентов в тоталитарном обществе — а позже, уже в наше время, этот поворот темы отозвался в смешном романе В. Сорокина "Тридцатая любовь Марины". Можно назвать еще несколько столь же элегантно звучащих имен, но эти авторы — лишь капля в бескрайнем море бесполой НФ "золотого века" кэмпбеловских журналов.

4. Однако времена меняются — и это очень хорошо. Выросло новое поколение читателей. Старые редакторы НФ-Журналов поседели, скрючились и ушли в отставку. Их наследники уже не так строго следили за нравственностью читателей и то, что только подразумевалось в писаниях "Дока" Смита, Генри Каттнера и Спрэга де Кемпа, вышло на первый план, заслонив звездные ландшафты. Первым сказал "э!" Филипп Жозе Фармер, чьи произведения годами странствовали от редакции к редакции, неизменно отклоняемые, как "отвратительные" и "порнографические". Секс с инопланетянами, извращенный секс с братьями по роду человеческому, садизм, зоофилия, причудливые эротоманские ритуалы и эксгибиционизм — далеко не полный перечень тем писателя, который, помимо всего прочего, остается одним из лучших рассказчиков в англоязычной фантастике. Однако, "Открой, сестра моя", "Плоть", "Пир потаенный", "Мир Реки" и "Пробуждение каменного бога" — не порнография, а литература мейнстрима. Секс в романах Фармера — такая же часть человеческой жизни, как насилие, жажда знаний, поиск Бога и стремление к бессмертию.

5. После публикации новаторских книг Фармера, осознав, что за секс бить не будут, стремительно раскрепостились и прочие авторы. Даже почтенные старые пеньки вроде Айзека Азимова решились на острые сцены, вроде эксгибиционистских выходок героини "Голого Солнца", а Роберт Хайнлайн превзошел основной поток моды, неустанно пропагандируя нудизм и свободный секс во всех мыслимых комбинациях. "Чужак в чужой стране" вызвал бурю восторга у рок-н-ролльной молодежи 60-х, а последовавшие за ним "Достаточно времени для любви", "Не убоюсь зла" и "Пятница", несмотря на многочисленные недостатки, и сегодня являются культовыми романами свингеров.

6. "Новая волна" НФ не хотела учиться у "стариков" и в свои персональные святые выбрала довольно странных персонажей, вроде битника Уильяма Берроуза, старого джанки, любителя героина и арабских мальчиков. Его романы — если, конечно, эти тексты можно назвать романами — полны сцен мастурбации, анального секса и садистских игр, замаскированных под научно-фантастические эксперименты. Старый Буйвол Бэрроуз был великим писателем, и из свежей поросли его учеников и последователей почти сразу выделился чернокожий бисексуал Сэмуэль Дилени. Впрочем, сегодня он уже не би, а четко ориентированный гей, "самый гомосексуальный из американских фантастов и самый фантастичный из геев Америки". Его романы "Дхалгрен", "Тритон" и "Приливы похоти" очень выразительны, но довольно сложны для восприятия. Впрочем, те, кто смог дочитать "Радугу гравитации" Томаса Пинчона до конца, могут не бояться — с "Дхалгреном" они справятся запросто.

7. "Новая волна" фантастов 60-х развила и закрепила достижения старых негодяев типа Берроуза, но именно поэтому назвать "эротическими" произведения Анжелы Картер ("Адские машины желания доктора Хоффмана") и Джеймса Балларда ("Автокатастрофа") — беру первые попавшиеся примеры — как-то язык не поворачивается. Секссцены в книгах авторов этого поколения исполнены настолько холодно и отстраненно, что вместо возбуждения остается "острое чувство, как будто кто-то плеснул вам ледяной воды на гениталии". Секс здесь извращен, пуст и печален, как жизнь биржевого брокера. Даже жизнелюб и оптимист Роберт Силверберг, обращаясь к теме эротики в индустриальном мире завтрашнего дня, мрачнеет и в "Провидце" описывает группенсекс рубежа XX-XXI веков без всякого аппетита.

8. Тогда же, в параллель к "новой волне", зародился и стал развиваться необычный жанр, посвященный "альтернативной" сексуальности человека. Начало было положено Урсулой Ле Гуин, которая в своем романе "Левая рука тьмы" нафантазировала психологию человека, меняющего свой пол регулярно, несколько десятков раз на протяжении жизни. Впрочем, ехидный Дилени заметил, что она не придумала ничего нового, а всего лишь оперировала стереотипами, к которым прибегают гетеросексуалы, пытаясь описать психологию и поведение гомосексуалистов. Но после госпожи Ле Гуин к теме мультисекса обратилась Джоанна Расс, писательница не такая знаменитая, как автор "Волшебника Земноморья", но, пожалуй, более талантливая. В "Женственном мужчине" она резко подняла планку психологизма и смогла выполнить трюк, не давшийся Урсуле Ле Гуин, — описала людей с "разнообразным" полом. Позже ее находками воспользовался грубый и жестокий Джордж Алек Эффинджер в криминальном панк-триллере "Когда под ногами бездна". Он вывел культуру, в которой перемена пола так же обычна, как пьяные драки в дешевых кабаках. Но читатель быстро привык к головокружительным переменам позиций и секс-описания в НФ становились все короче и скучнее. Постепенно возник интерес к совершенно асексуальным особям, принципиально не интересующимся этой стороной жизни человеческой.

9. Так что появление мрачно-романтичных киберпанков с их автоматическим и виртуальным сексом было неизбежно...

P.S. А в Советском Союзе секса не было — за исключением романов Ивана Ефремова "Лезвие Бритвы", "Таис Афинская" и особенно "Час Быка". Только мудрый и мощный Ефремов позволял себе описывать красоту человеческих тел и то, чему эта красота может послужить. Можно ли назвать кого-нибудь рядом? Нет, до сегодняшнего дня — нет.

.ФИЛИП ДИК ТРИ СТИГМАТА.

АМФОРА

Ну, положим, это не просто книжка, а первый том собрания сочинений Филипа Дика. Благое дело, ибо автор — один из тех легендарных героев, чьи усилия не только оберегают фантастиеский жанр от вырождения, но даже выполняют функции "э-терапии". То бишь ускоренной эволюции способствуют — ремарка для тех, кто "Стигматы Палмера Элдрича" не читал пока и с терминологией авторской не знаком.

В книгу вошли два романа: "Распалась связь времен" и "Три стигмата" (этот роман известен читателям со стажем под названием "Стигматы Палмера Элдрича" — ну вот, привыкайте теперь к новому переводу, ничего не поделаешь).

Тут — и рекламы для, и сермяжной правды ради — следует заметить, что обе составляющие первого тома посвящены почти исключительно интригующей проблеме взаимоотношений хрупких человеческих организмов с разного рода психотропными веществами. Не знаю, будет ли наметившаяся тенденция развиваться в последующих томах собрания сочинений — однако, начало, в любом случае, хорошее. Если персонажи романа "Распалась связь времен" на собственной шкуре убеждаются, что с правильно подобранной комбинацией лекарственных препаратов возможно все, то обитателям неуютного пространства "Трех стигматов" всего-то и требуется — сделать выбор между двумя разными наркотическими препаратами: один похуже и подороже, зато с гарантией возвращения к реальности; другой — получше и подешевле, но — никаких гарантий, никаких гарантий, дорогие мои, никаких... Да и черт с ней, с реальностью.

И последнее.

Я уже не раз замечал, что вопросы, которые ставит Дик перед искушенным читателем, нередко оказываются глубже и интереснее, чем ответы, которые после сумеречных сюжетных перепитий находят его персонажи. На мой вкус, это — скорее достоинство, поскольку внутренний диалог читателя с автором может продолжаться после того, как книга дочитана и отложена в сторону; он может продолжаться даже после смерти автора... возможно, и после смерти читателя? Кто знает, кто знает...

ГРЕГОРИ БЕНФОРД ПАНОРАМА ВРЕМЕН

АСТ

Я всегда подозревал, что самые лучшие книги крайне редко удоставиваются каких-либо премий. Разве что, в порядке исключения, получит престарелый автор на краю могилы какой-нибудь почетный фантик — и все. Уверен, что раздатчики литературных премий руководствуются какими-то полумистическими соображениями, не имеющими решительно никакого отношения к достоинствам текста. Думаю, это недоразумение кармического характера, то есть ничего тут не поделаешь. Все плохо, а потом мы все умрем.

Да...

"Панорама времен" Грегори Бенфорда — типичный пример ничем не выдающейся средней книги, оторвавшей, однако, не одну, а целых две премии: и тебе Хьюго, и тебе Небьюла. Природа человеческая несовершенна даже по ту сторону Атлантики — а что вы хотели? Роман Бенфорда — этакий Чичиков среди тестов: не то чтобы совсем плох, но и не хорош; не слишком скучен, но и не особо увлекателен; возможно это самый средний (самый посредственный) из научно-фантастических романов, которые мне доводилось читать. И в этом смысле он, безусловно, интересен. Что ж, не стану плакать, о напрасно прожитых часах жизни, будем считать, что это была ПОПЫТКА КОНТАКТА. ПОПЫТКА КОНТАКТА из 2349... Ох!

РОБЕРТ ДЖОРДАН ПУТЬ КИНЖАЛОВ

АСТ

У Роберта Джордана есть одно неоспоримое достоинство: творчество его являет собой действующую модель бесконечности, множащейся и ветвящейся на глазах у изумленного читателя. Джордан щедр, изобилен и любим многими читателями, а я не из тех, кто чванливо называет эти достоинства недостатками. Он молодец, этот Джордан.

И не вина Роберта Джордана, что я, мягко говоря, поздновато принялся колесить по его времени. Лет пятнадцать назад это занятие доставило бы мне огромное удовольствие, но пятнадцать лет назад меня, сами понимаете, никто не просил писать рецензии на книги Джордана. Так уж исторически сложилось.

Зато пятнадцать лет назад мы с другом читали "Троецарствие" (вместе, по очереди и вслух, поскольку имелся всего один том на два жаждущих просвящения рыла), и где-то примерно на пятой странице с ужасом обнаружили, что увязли в трясине имен собственных и уже не можем вспомнить, кто есть кто — я уже не говорю о хитросплетениях взаимоотношений между сотнями персонажей, нередко противоречивых и, что еще ужаснее — долгосрочных. Нам пришлось завести специальную тетрадку, куда мы вписывали имена персонажей, с краткой характеристикой и номерами страниц, где они фигурируют. В финале толстая общая тетрадь была исписана целиком, пришлось вкладывать туда дополнительные странички.

Вспомнил я все это не из сентиментальности, а из тех лишь соображений, что начинающему читателю Джордана мой опыт не помешает: с именами собственными у вас будут те же проблемы. Лучше заранее принять меры. Обзаводитесь тетрадками: суровая, но справедливая плата за удовольствие, которое вам предстоит.

РОБЕРТ ИРВИН АРАБСКИЙ КОШМАР

СПБ, СИМПОЗИУМ

Хроника событий:

18 июня 1486 года очередной караван приблизился к стенам Каира, первые Врата Сновидения распахнулись.

В 1983 году английский историк-медиевист Ирвин написал своего рода путеводитель по сновидениям Каира конца XV века. Навигатор по Алям-аль-Миталю. "Арабский кошмар".

В 1995 году книга была переведена на русский язык и вышла в издательстве "Планета", но событие прошло незамеченным, хотя предприимчивые издатели и обещали читателю "мистику, эротику, детектив" в одном флаконе. Не подействовало.

В 1998 году "Арабский кошмар" прочел ваш покорный слуга, и у него (у меня, то бишь) съехала крыша — иначе и не скажешь.

На протяжении двух лет оный кошмар был культовой книгой в предельно узком кругу счастливчиков, которым удалось сей шедевр вырвать из моих алчных лап хотя бы на одну ночь: разыскать его в книжных магазинах к этому времени было весьма затруднительно.

В 2000 году "Арабский кошмар" был переиздан в "Симпозиуме". И внезапно вошел в моду.

Наконец-то.

А напоследок я скажу вам вот что.

Если книга поначалу покажется вам скучноватой, не спешите откладывать ее в сторону. Эта скука того же божественного свойства, что и шум прибоя, стук дождя по оконному стеклу, шорох песка за полотняной стеной палатки. Расслабьтесь, отдайтесь ее ритму, ничего не требуйте. Подремлите, не закрывая глаз, позвольте автору взять вас в Александрию своих снов.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ (THE 6TH DAY)

Официальный сайт фильма: http://www.sony.com/the6thday

Студия: Columbia Pictures
Режиссер: Роджер Споттисвуд
Премьера: 17 ноября 2000

Вернувшись раз с работы, добропорядочный семьянин Адам Гибсон обнаруживает, что его место главы семьи занято... им же самим. Ну, любой русский работяга на его месте почешет затылок и скажет: "Так... В этом ларьке водку больше не брать!", а вот герой Шварца сразу просек, что дело не чисто, и, конечно же, смекалка его не подвела. Кто-то подменил Адама двойником-клоном, и теперь клон хозяйничает в доме Гибсонов, а сам оригинал вынужден бегать и скрываться от странных товарищей, которые почему-то хотят его убить...

"Шестой день" — хорошо поставленный триллер, с не отпускающей напряженностью и пугающий неизвестностью действия.

Почему фильм так называется, догадались? По Библии, именно в шестой – последний — день творения созданы животные, живущие на земле, и сам человек.

Режиссер Роджер Споттисвуд ("Завтра не умрет никогда") с помощью сценаристов Кормака и Марианны Вибберли показывает мир, в котором нет неизлечимых болезней, всем заправляет генная инженерия, а клонирование органов человека для замены стало таким же обыденным в медицинской практике, как лечение насморка. Единственное, что запрещено в этом мире — клонирование человека, но техника-то существует, и, понятное дело, что кто-то этот символический запрет обязательно нарушит.

Сравните будущее в фильме с нашим настоящим. Вас поразит, что многое из показанного, доступно уже сегодня. Про овечку Долли и ее счастливых последователей наслышаны все, и само клонирование уже и не в диковинку, а вот как вам проект телевизионной компании British Telecom под названием "Ловец души", заключающийся в имплантировании в мозг человека микрочипа, записывающего не только всю информацию, которую этот человек видит и слышит, но и даже и то, что он думает! Причем пациент может и не знать о наличии такого чипа в своей голове. Пришел человек к зубному врачу зуб лечить, лег под наркоз, а когда встал, чипик уже в голове на своем месте стоит. Конечно, до техники переноса физических характеристик, личностных параметров, воспоминаний и мыслей человека-оригинала в тело клона, которая описывается в фильме, современная наука еще не дошла, но дайте ей пару лет, и, возможно, фантастикой это быть перестанет.

Кроме всего вышесказанного, из фильма можно почерпнуть новый способ захвата мирового господства: всех нужных людей заменить на послушных клонов и айда миром рулить. Именно такой идеей озабочен главный злодей "Шестого Дня" — простой американский миллиардер Дракер, который и придумал создать Адаму Гибсону ряд славных проблем. Одно он не учел в своих планах – Гибсона-то Шварценеггер играет, а уж его герои за себя постоять умеют! Так что милашке Дракеру предстоит вскоре сильно беспокоиться за свою жалкую жизнь, а зрителям — созерцать это дело с чувством глубокого морального удовлетворения.

После "Шестого дня" у старичка Арни в планах — съемки в сиквелах "Терминатор 3" и "Вспомнить Все 2", которые должны появиться приблизительно в 2002 году.

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА (RED PLANET)

Официальный сайт: http://www.redplanetmovie.com

Наша планета гибнет. Последняя надежда — основать на Марсе поселения, дабы перебраться туда достойнейшим с агонизирующий Земли. Посылается корабль-разведчик, который, естественно, в процессе полета ломается, в связи с чем у членов экипажа возникают некоторые проблемы. Кое-как прибыв на Марс, они обнаруживают, что проблем, как ни странно, становится больше...

Прямолинейность американцев, конечно, заслуживает уважения. Когда выходит фильм про четвертую планету нашей Солнечной системы, название отображает это по-армейски ясно: если "Миссия", то "на Марс", если "Планета", то "Красная".

Вторая за этот год высокобюджетная фантастика о полетах к Марсу. Провал "Миссии на Марс", видимо, подавил желание режиссера Энтони Хоффмана лезть из кожи вон, дабы сделать шедевр. Очень жаль. Фильм получился тупым донельзя и откровенно скучным. "Миссия на Марс" по сравнению с ним — серьезное научно-фантастическое кино. Фильм не удался, о чем свидетельствует не только прохладное отношение кинокритики, но и провальный прокат.

Следующий фильм о Марсе будет снимать Джеймс Камерон, только, похоже, это будет не фильм, а телесериал. Посмотрим, что получится у него, возможно, человек, затопивший Титаник, вернет былое уважение Красной Планете.

КАК ГРИНЧ УКРАЛ РОЖДЕСТВО (HOW THE GRINCH STOLE CHRISTMAS)

Официальный сайт: http://www.grinched.com

Жил был Гринч. Живой такой, веселый. То есть в смысле злобный и волосатый на самом деле. Живет он на вершине горы Ху-Вейли (Who-Ville), там холодно, снега, понимаете ли, вот он шерстью весь и покрылся. В общем, жил не тужил, только очень его доставали песенки разные, что детишки из ближайшего городка петь любили в Рождество. Ну и пришло ему в голову свиснуть у бедных детишек это самое Рождество, дабы больше не тревожили они его спокойный сон.

Очень милая рождественская сказка с кучей спецэффектов и Джимом Керри. И еще — за грим в фильме отвечает Рик Бейкер — человек, получивший "Оскаров" за работу в "Чокнутом профессоре", "Эде Вуде" и "Гарри и Хендерсонах". Сами понимаете, такие люди "веников не вяжут", а значит, мы увидим такие эффекты, что только держись!

А. Велитов
НОВОГОДНИЙ АТТРАКЦИОН

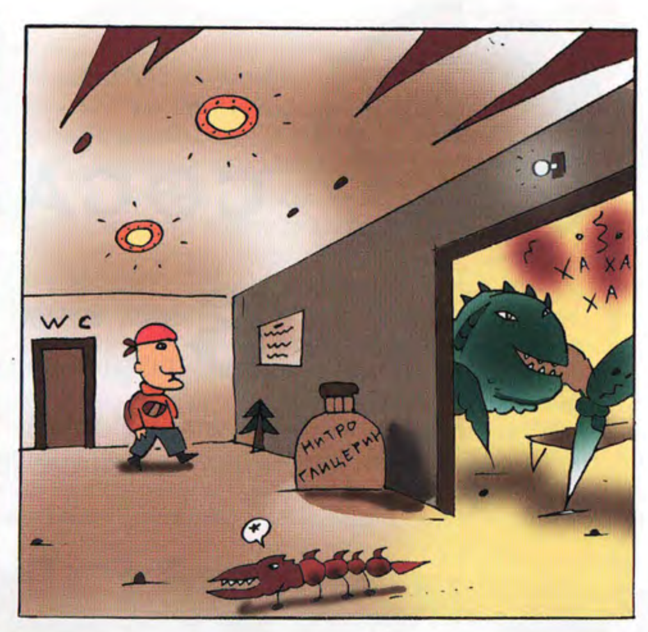

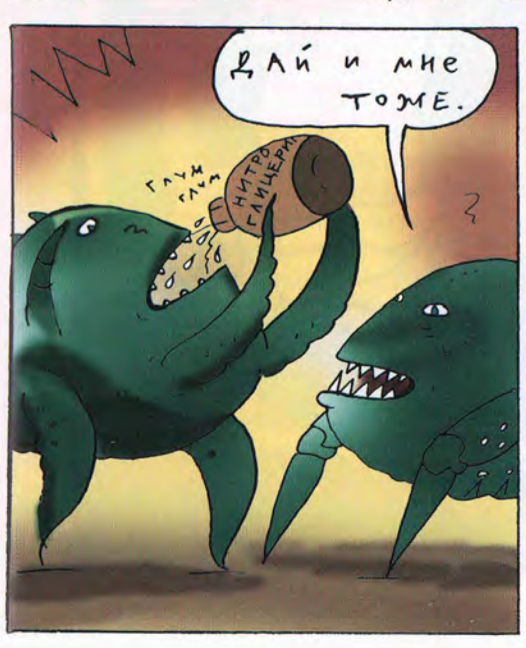

ИДЕЯ: ВЕЛИТОВ АЛИМ
+ ОКСАНА ВАСИНА

Юрий Бурносов

Жуткая сосальная станция

В трех сотнях локтей от деревни было озеро. Люди из деревни называли его Зеленым, потому что оно таким и было.

Из зеленой воды торчали полусгнившие деревянные столбы и расколотые каменные плиты.

Иллюстрации: Хихус

Крайне назидательная история. И на закате Великой Цивилизации, и в нарождающемся фэнтезийном мире всегда существует проблема, решение которой другими авторами пущено, так сказать, на самотек.

Фантом

Над озером вилась мошкара, которую пожирали странные рыбы — размахивая похожими на маленькие руки плавниками, они высоко подпрыгивали, взбаламучивая жирно-спокойную гладь, и хватали летунов разверстыми зубастыми ртами. Иногда путники видели, как рыбы выползают на камни, чтобы погреться в лучах вечернего солнца, и лежат там, глядя вокруг пустыми красными глазами.

Никто, даже самые дряхлые старики, не знал, что же было раньше на месте озера, кто обтесал камни и кто установил столбы. Пришлый книгочей говорил, что здесь стоял скит отшельника, который поклонялся Тхра-Дзору, и в наказание Великий Небесный Гром поразил его, но книгочею никто не верил: во-первых, никто не знал, кто такой Тхра-Дзор, во-вторых, для скита отшельника строение казалось слишком большим, а в-третьих, книгочей был рыжим, а кто же верит людям с таким богомерзким цветом волос?

Люди старались обходить озеро как можно дальше, но страшные слухи плодились с каждым годом. Несколько раз говорили, что возле озера пропадают дети, но чьи дети — не уточняли. По крайней мере, из деревни никто не пропадал, ни дети, ни взрослые, если не считать Сопливого Пхана, но Сопливый Пхан пошел искать козу и упал в ущелье, так что озеро здесь было ни при чем.

Охотник Мда жил ближе всех к озеру — на самом краю деревни. Тем утром он сидел возле своего домика из козьих шкур и толок зерна для похлебки, а потому не заметил пришельца.

Пришелец же не отличался особым терпением и церемонностью, а попросту подошел к охотнику, ткнул его в бок босой ногою и спросил:

— Что у тебя сегодня на завтрак, житель равнины?

Охотник Мда возмутился, но не подал виду, потому что сыну охотника Риквы негоже показывать свой гнев перед незнакомцами по пустякам. Поэтому он аккуратно поставил ступку на плоский камень, поднялся и тихонько ударил пришельца пестиком по голове. Пришелец заморгал глазами и упал.

Охотник убедился, что неучтивый гость отправил свою душу на прогулку, и поспешил обследовать его суму и мешочки, привязанные к поясу. Ничего особенно ценного Мда не нашел: кривую костяную трубку и дымную траву в сушеной тыковке с затычкой, несколько полосок вяленого мяса, огнетворку, две маленьких монеты из чешуи песочного ящера... В суме лежали странного вида вещи — хитро изогнутые палки с захватами, насаженный на берцовую кость кусок отшлифованного камня и еще какие-то штуки, которые охотник никогда не видел.

Поразмыслив, охотник решил, что вел себя неправильно: а ну как пришелец окажется колдуном и превратит охотника в синюю жабу или многоножку? Поэтому он принес из домика немного воды в плошке и поплескал в грязное лицо пришельца, чтобы душа того скорее вернулась с прогулки.

— Ой, — сказал пришелец и открыл один глаз. — Почему ты ударил меня, гадкий житель равнины?

— Я ударил тебя по голове, — виновато сказал охотник. — Но я больше не буду так делать.

— Не надо больше так делать, — согласился пришелец, открыл второй глаз и сел. Пошарив вокруг, он нашел свою суму и притянул к себе, тяжело вздыхая.

— Извини, пришелец издалека, — жалобно заскулил охотник, решив, что сейчас колдун достанет одно из своих жутких приспособлений и начнет превращать его в синюю жабу.

— Ладно, не ной, — сказал пришелец. — Давай, что ли, есть. Тащился за караваном от самого Муна, и все пешком. Хоть бы одна собака в повозку взяла... Никакого уважения к рабочему человеку.

Охотник торопливо дотолок остатки зерна и высыпал ее в кипящую на костре воду, добавив козьего жира. Сбегав в домик, он нашел несколько пресных лепешек, отложенных на черный день, и кусок копченой рыбы, которую прошлой зимой подарил ему рыбак Така в обмен на почти

новую острогу. Рыба успела высохнуть до древесного состояния, но пришелец тут же выхватил ее из рук Мды и принялся жадно грызть.

— Как зовут тебя, пришелец издалека? — осведомился охотник, переломив пополам лепешку и постучав ею о камень, чтобы прогнать лепешечных червяков.

— Можешь звать меня Сан-Те, — сказал пришелец, облизывая пальцы.

— А я — Мда, охотник. Позволь спросить, что привело тебя в нашу деревню? И откуда ты?

— Чертова работа, — проворчал Сан-Те, окуная лепешку в котел с похлебкой. — Я и не знал, что деревня такая есть... Вон, видишь горы?

— Вижу. Большие горы!

— А за большими горами есть город Таглат, столица королевства. В городе живет король Бабата, великий и всемогущий, — последние слова пришелец произнес торжественным тоном.

Охотник был поражен. О короле он ничего не знал, равно как и о городе Таглат. Правда, раз в год деревню навещал толстый человек на ишаке, которого (человека, а не ишака) звали Муддах. Муддах говорил, что приехал собрать налоги и подати, после чего в большие сумки, навешенные на ишака, складывал все, что видел интересного в домах деревенских жителей. После этого Муддах шел к

старейшине деревни, где всю ночь пил перебродивший сок кавалы, а утром работники старейшины грузили толстяка на осла, и он отбывал прочь. Никто в деревне не знал, что такое налоги и подати, но Муддах приезжал уже много лет подряд, а до него приезжал другой человек, а до того человека — третий, и так было всегда. Однажды на общем сходе глупый гончар Така предложил не давать больше Муддаху налогов и податей, самого побить, а ишака отнять и приспособить к полезному делу. Но старики подняли глупого Таку на смех и сказали, что много времени назад другой глупый человек тоже побил тогдашнего Муддаха и не хотел отдавать налоги и подати. Из-за этого приехали люди с оружием, глупого убили, а остальных примерно наказали и увеличили подати вдвое. Глупый гончар Така заткнулся, а после схода кузнец Ваку побил его, чтобы тот не говорил вслух свои неумные мысли.

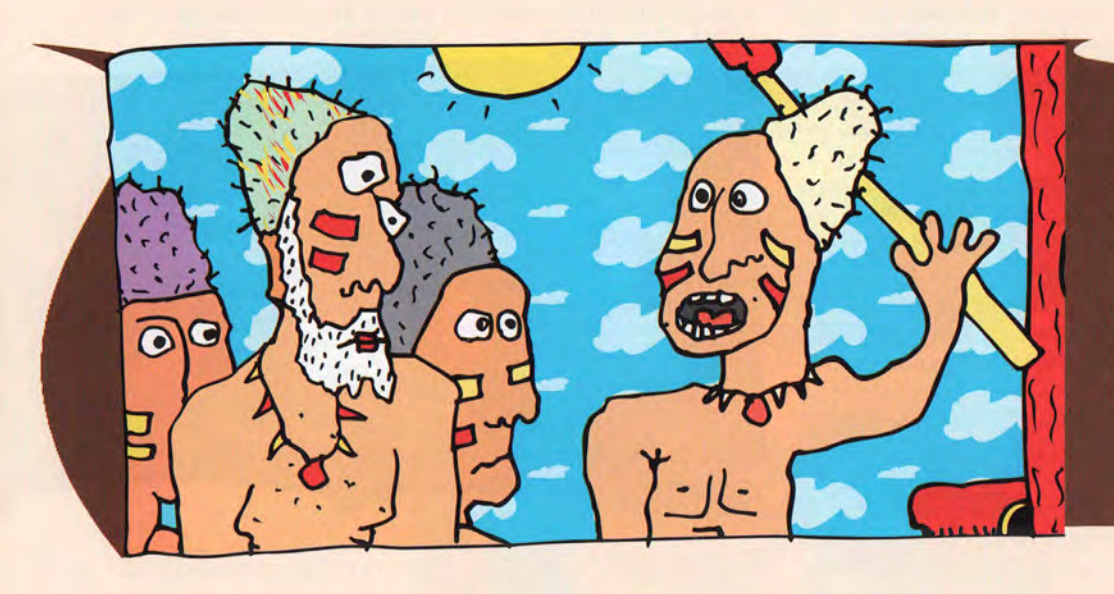
— И кто его крутит?

— Колесо крутит старый Джах со своими сыновьями и внуками.

— Вот. А в городе такой воды нет, он на скалах стоит. Долби не долби — ничего не выдолбишь. Поэтому умные люди много-много лет назад провели длинные бревна с дыркой внутри, чтобы вода приходила из долины. Там, далеко, — Сан-Те показал пальцем в противоположную от гор сторону, — есть много хорошей воды, которую не нужно даже вынимать из-под земли. Просто течет, и все. Вот эта вода и попадает в город.

Мда поморгал, пытаясь осознать сказанное.

— Эти бревна с дырками внутри очень длинные — оттуда и до самого города. Понятно, они лежат под землей, чтобы ничего с ними не случилось. Поэтому вы их не видели, хотя они проходят и через вашу деревню. Ясно?

Устройство подачи воды в город Мда объяснить так и не смог, в результате чего население деревни решило, что пришелец колдун и будет что-то делать под землей.

Наверное, Муддах привозит налоги и подати королю, решил охотник. А раз так, стало быть, король еще более могущественный и уважаемый человек, нежели толстый Муддах. Вон как пришелец его поименовал: “Великий и всемогущий”! Кого зря, небось, так не назовут.

— Послать же больше некого, кого ж, как не меня, послать... Моложе ж не нашли никого, — продолжал между тем брюзжать пришелец, жуя лепешку и вытирая капающий с подбородка жир тыльной стороной ладони. — Ну, поклал я в мешок все свои инструменты, да и пошел, куда ж мне деваться... Работа!

— А в чем заключается твоя великая работа, пришелец издалека? — уважительно поинтересовался Мда.

— Ну как тебе объяснить, житель равнины? Вот вы воду откуда добываете?

— Из земли.

— И что она, сама прямо из нее выскакивает?

— Нет, конечно. В земле вырыта дыра, — принялся объяснять Мда, довольный, что может поведать уважаемому человеку интересные вещи. — В дыру вставлена такая штука, а сверху колесо. Если колесо крутить, вода поднимается и выливается в кувшины и в канавы, чтобы течь на поля.

— Ясно, — кивнул Мда.

Сан-Те доел лепешку, допил похлебку из котла и продолжал:

— Но бревна все равно ломаются. И вот, чтобы их чинить, есть специальные умные люди, такие, как я. Сейчас я пойду чинить, а ты будешь мне помогать. Это большая честь. Но пока я должен немного вздремнуть...

С этими словами пришелец икнул, переполз на четвереньках к невысокому забору и тут же уснул в тени.

Когда Сан-Те проснулся, домик охотника был окружен толпой любопытных. Собрались все жители деревни от мала до велика, принесли даже дряхлого Пунгу — его привязали к двум палкам, чтобы не свалился, а теперь прислонили к дереву, чтобы старику было видно.

Охотник Мда вертелся впереди, объясняя всем, какая ему выпала большая честь и какой уважаемый человек пришел в его дом из города за горами. Устройство подачи воды в город Мда объяснить так и не смог, в результате чего население деревни решило, что пришелец — колдун и будет что-то делать под землей. Зачем — мнения расходились. Одни говорили, что теперь у всех станет больше воды, другие — что воды не станет вовсе, потому что боги услыша-

ли неумные слова глупого Таки и решили наказать таким образом жителей деревни. На всякий случай кузнец снова побил Таку, и теперь гончар горько плакал, сидя неподалеку.

Больше всех волновался добытчик воды Джах, который полагал, что при любом исходе колдовства останется без работы. Он бросил свое колесо и в компании чумазых внуков и сыновей топтался тут же с крайне озабоченным видом.

Заметив, что гость проснулся, Мда тут же подбежал к нему и спросил:

— Когда мы пойдем починять бревна с дырками, пришелец издалека?

— А вот сейчас прямо и пойдем. Тут у вас где-то промежуточная насосная станция должна быть... — промямлил Сан-Те, потягиваясь.

впереди и гордо нес суму пришельца с хитрыми вещами, а остальные топали следом, чуть поотстав и тревожно перешептываясь. Неожиданно позади истошно завопил дряхлый Пунга, которого так и забыли, прислонив к дереву. Пришлось двоим сыновьям Джаха сбегать за ним и прихватить с собой.

— Ну и ну, — сказал Сан-Те, когда процессия подошла к берегу озера. — Какие развалины!

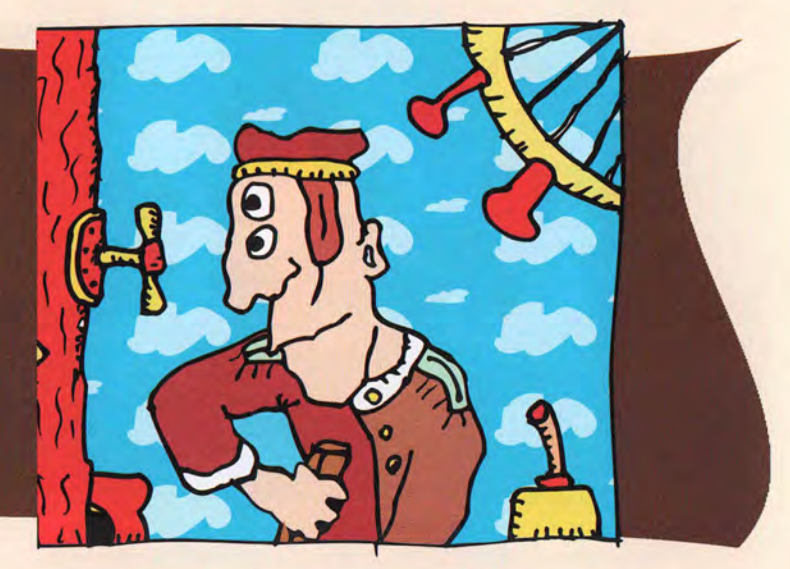
Подвернув штанины, он залез в воду и смело подошел к развалинам. С камней прыснули во все стороны ужасные рыбы. В толпе заплакала какая-то женщина, но тут же получила от мужа подзатыльник и затихла.

Сан-Те нагнулся и принялся шарить в воде руками. Лицо его выглядело недовольным. Наконец он что-то нащупал и крикнул:

— Эй, ты! Давай сумку сюда!

Он скрежетал, грохотал и плескал водой во все стороны, вызывая священный ужас.

Толпа загомонила, услышав непонятные слова. Самые неумные отошли подальше, решив, что пришелец произнес опасные заклинания.

— Как ты сказал? — переспросил Мда. — Жуткая сосальная станция?

— Насосная станция, — повторил Сан-Те. — Это такое рабочее слово, старинное, которое знают только умные люди, чинящие бревна с дырками. Ну, показывай, где она.

— Но я не знаю сосальной стации, — развел руками Мда. — Подожди, сейчас я спрошу у людей.

И он побежал к жителям и стал спрашивать всех, не видели ли они поблизости жуткой сосальной стации. Никто ничего подобного не видел; правда, Беззубый Га сказал, что видел, да забыл, где именно. Впрочем, Мда ему не поверил, потому что Га был мало что без зубов, так еще и слепой, и ничего видеть не мог.

— Нет, люди тоже не знают жуткой стации, — сообщил Мда, возвращаясь к Сан-Те. Тот поднялся, отряхнул песок с одежды и спросил:

— А где тут у вас большая лужа? Или озеро? Ну, вода на поверхности!

— Есть! Есть такая! — радостно завопил охотник.

Они направились к Зеленому озеру; охотник Мда шел

Мда боязливо подошел к самому краю воды и бросил пришельцу суму. Сан-Те суму не поймал, она с брызгами плюхнулась в воду и пошла ко дну.

— Чтоб ты окривел! — выругался пришелец, выуживая свои причиндалы. — Ну и работка... когда ж это только кончится?

Он повесил суму на торчащий рядом столб и достал оттуда кривую палку со странным набалдашником, потом снова принялся возиться в воде.

Так он работал долго, то и дело вынимая из сумы новые и новые хитрые вещи, приговаривая что-то под нос и весь перемазавшись зеленой тиной. Он скрежетал, грохотал и плескал водой во все стороны, вызывая священный ужас.

Солнце уже клонилось к закату. Один из сыновей Джаха, который держал дряхлого Пунгу, уснул, Пунга упал и поднял страшный крик. Старика подняли и утешили, а когда вновь обратили внимание на работу пришельца, тот уже вылез из воды и укладывал свои непонятные принадлежности обратно в суму.

— Починил, — сказал он самодовольно. — Теперь не течет. Насос, конечно, давно поломался, но хоть течь не будет, и гниль всякая в трубу не полезет... А поужинать у вас нет ли?

Жители деревни стали переглядываться. Вроде бы ничего

особенного не произошло, думали они. Старый Джах с воплем побежал обратно в деревню, посмотреть, не иссякла ли вода. Дряхлого Пунгу опять уронили, но теперь никто не обращал на него внимания. Вперед выступил старейшина.

— Что ты сделал, пришелец издалека? — спросил он.

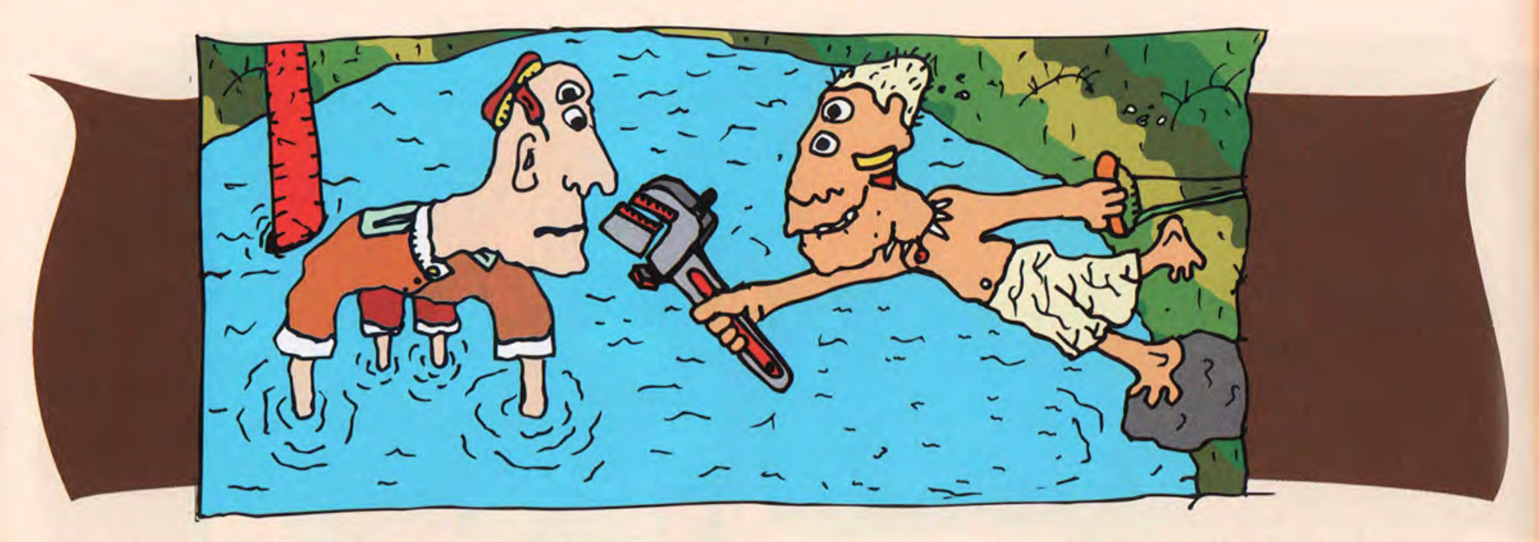
— Я починил бревно с дыркой, — ответил Сан-Те. — Тут, видишь ли, протекала на поверхность вода. Я же рассказывал вот этому обалдую, что по таким бревнам идет вода в город за горами, где живет король Бабата, великий и всемогущий... А тут бревно прохудилось, вода протекла наружу. Теперь не будет. А та, что есть, высохнет.

— А рыбы? — оторопел старейшина.

— А рыб, кстати, надо словить да съесть, пока не подохли. Они вкусные, рыбы-то, — сказал пришелец. — Ну, так как насчет ужина?

И он зашагал в сторону деревни, оставив суму на земле. Ее подхватил Мда и поспешил следом, а за ним потянулись и остальные жители деревни.

— А меня?! Меня забыли! — заверещал дряхлый Пунга, пытаясь отвязаться от палок.

Старейшина забил собственную козу, и теперь она жарилась на костре посередине деревенской площади. Рядом на колышке сушились штаны пришельца. Сам он сидел поодаль, смущая женщин видом голого зада, уписывал лепешки и пытался объяснить наиболее пытливым аборигенам устройство подачи воды в город. Те ничего не понимали, но согласно кивали. Охотник Мда ходил вокруг, демонстрируя, что общество недалеких односельчан его уже не слишком устраивает, но с ним приходится мириться.

— А скоро ты собираешься домой, пришелец издалека? — спросил старейшина, наливая в глиняную чашку сок кавалы.

— Да утречком и пойду, — отвечал Сан-Те.

— А ты расскажешь королю Бабате, великому и всемогущему, что есть такая деревня, в которой есть жуткая сосальная станция?

— Обязательно, — важно кивнул Сан-Те, выпив сок и протягивая чашку за новой порцией.

— Это, наверное, очень важно — сосальная станция... — старейшина закатил глаза. — Может быть, нужен специальный человек, который надзирал бы за нею?

— А почему бы и нет? — заплетающимся языком пробормотал Сан-Те. — Нужен! Пускай ходит вокруг и смотрит, как оно и чего... Рыбы опять же эти...

— А как ты думаешь, кто мог бы стать таким человеком?

— Да хоть вот он, — палец Сан-Те уткнулся в охотника Мду. Тот подпрыгнул и закричал:

— Слышали, люди? Я — хранитель жуткой стации!

А утром Сан-Те ушел, сложив с суму просохшие хитрые вещи и остатки недоеденной козы. Охотник Мда проводил его до самой развилки и пообещал, что будет присматривать за жуткой сосальной станцией из всех сил. Потом он скромно попросил, чтобы Сан-Те рассказал о нем великому и всемогущему королю.

Сан-Те пообещал и ушел в горы.

Мда вернулся в деревню.

Зеленое озеро высохло под жарким солнцем уже на третий день. На дне осталась небольшая лужа, в которой прыгали страшные рыбы. Впрочем, страшными они уже не были — дети переловили их и пожарили на кострах, оторвав похожие на маленькие руки плавники.

Гнилые деревянные столбы и расколотые плиты теперь не вызывали трепета — все знали, что это всего-навсего жуткая сосальная станция, за которой присматривает охотник Мда. Правда, охотником Мда быть перестал — он потребовал от старейшины содержания за счет деревни, напирая на имя короля Бабаты, великого и всемогущего, и старейшина не стал спорить. Правда, глупый гончар Така сказал, что раньше деревня не знала никакой сосальной стации, и жили все хорошо, и никакого Мды не требовалось, но старейшина тут же позвал кузнеца Ваку, который по привычке побил гончара. С тех пор охотник периодически ходил вокруг руин с копьем наперевес, отгонял детей и прочих любопытных, а иногда поправлял особенно покосившиеся столбы.

И все-таки, без Зеленого озера стало немножко скучно. Нечем было пугать детей, не о чем сочинять страшные истории...

Но великое дело — жилищно-коммунальное хозяйство.

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ФЭНТЕЗИ

РОСКОН-2001

ПРИГЛАШАЕТ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ КОНФЕРЕНЦИИ.

"РОСКОН-2001", ПЕРВЫЙ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ КОНВЕНТ, ПРОЙДЕТ С 15 ПО 18 ФЕВРАЛЯ В ПОДМОСКОВНОМ ПАНСИОНАТЕ НА БЕРЕГУ ЖИВОПИСНОГО ОЗЕРА.

В ПРОГРАММЕ:

- КИНОСЕМИНАР С ПОКАЗОМ УНИКАЛЬНЫХ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ МОЛОДЫХ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ
- ШОУ-ПОЕДИНОК "ПИСАТЕЛИ ПРОТИВ КРИТИКОВ"
- СЕМИНАР ФАНТАСТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
- СЕМИНАР КРИТИКОВ-ФАНТАСТОВЕДОВ
- ВСТРЕЧА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЕДУЩИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ СТРАНЫ С МОЛОДЫМИ АВТОРАМИ
- СЕМИНАРЫ ПО ФЭНТЕЗИ И НФ
- СЕМИНАР ПО РОЛЕВЫМ ИГРАМ
- ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ
- ВСТРЕЧИ С ИЗВЕСТНЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ, КРИТИКАМИ, ЖУРНАЛИСТАМИ В ФОРМАЛЬНОЙ И НЕФОРМАЛЬНОЙ ОБСТАНОВКЕ
- КАТАНИЯ НА ТРОЙКАХ И СНЕГОХОДАХ ПО ЗИМНЕМУ ЛЕСУ
- ПРАЗДНИЧНЫЙ БАНКЕТ И ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ДИСКОТЕКА

ОРГВЗНОС СОСТАВЛЯЕТ:

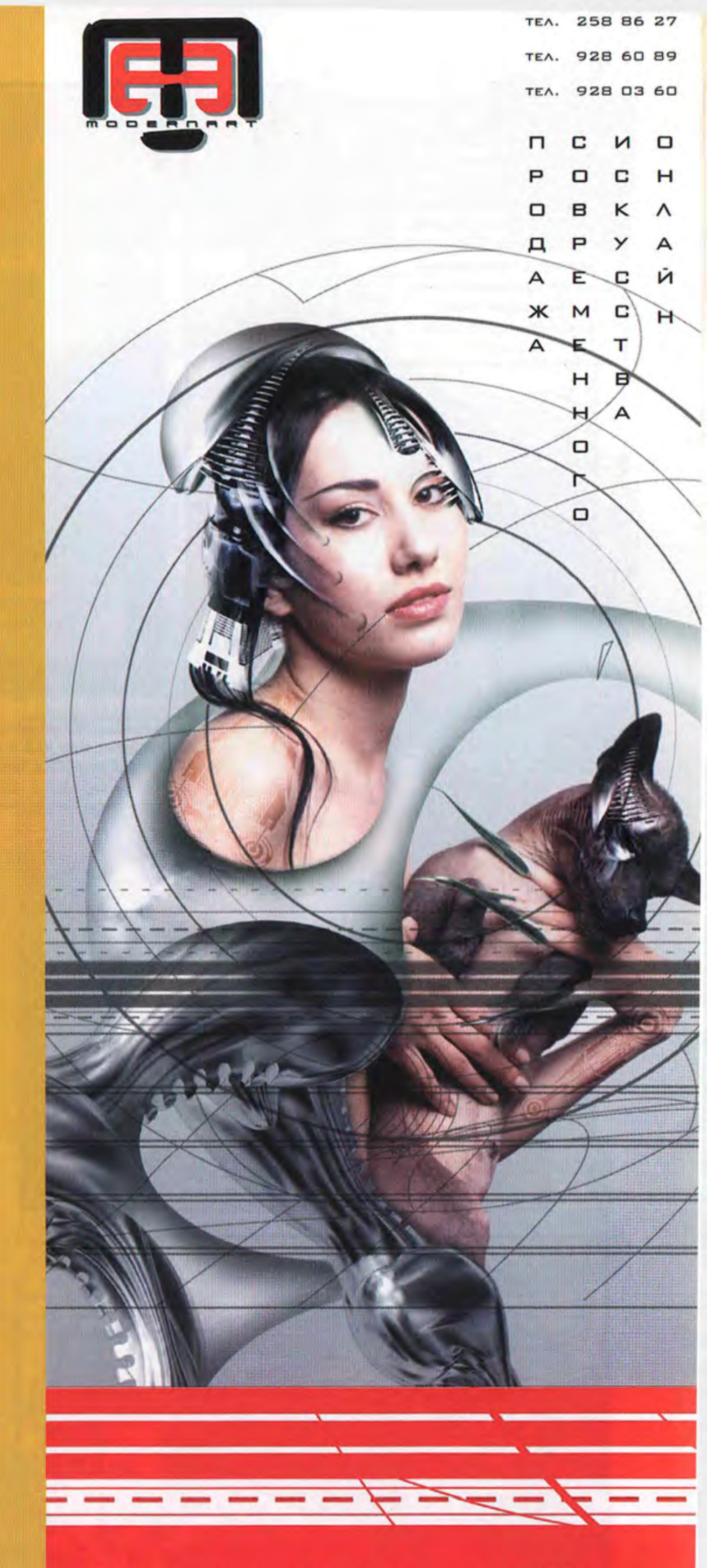
ЗА ПРОЖИВАНИЕ В ДВУХМЕСТНОМ НОМЕРЕ — 65 У.Е. ПРИ ОПЛАТЕ ДО 1 ДЕКАБРЯ 2001, 70 У.Е. ПРИ ОПЛАТЕ НА МЕСТЕ

ЗА ПРОЖИВАНИЕ В ОДНОМЕСТНОМ НОМЕРЕ — 80 У.Е. ПРИ ОПЛАТЕ ДО 1 ДЕКАБРЯ 2001, 100 У.Е. ПРИ ОПЛАТЕ НА МЕСТЕ

ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ ПРИЕХАТЬ НА МЕНЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ДНЕЙ ОРГВЗНОС ОГОВАРИВАЕТСЯ ОТДЕЛЬНО

КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН:
(095)123-01-77, 127-48-72,
335-68-32,
ПЕЙДЖЕР 948-36-00 (АБ. 4001);

E-MAIL: CONVENT@MCF.MSK.RU
FIDO: 2:5020/194.13,
ICQ 5239946,
IRC DALNET #ROSCON, #RUSSF

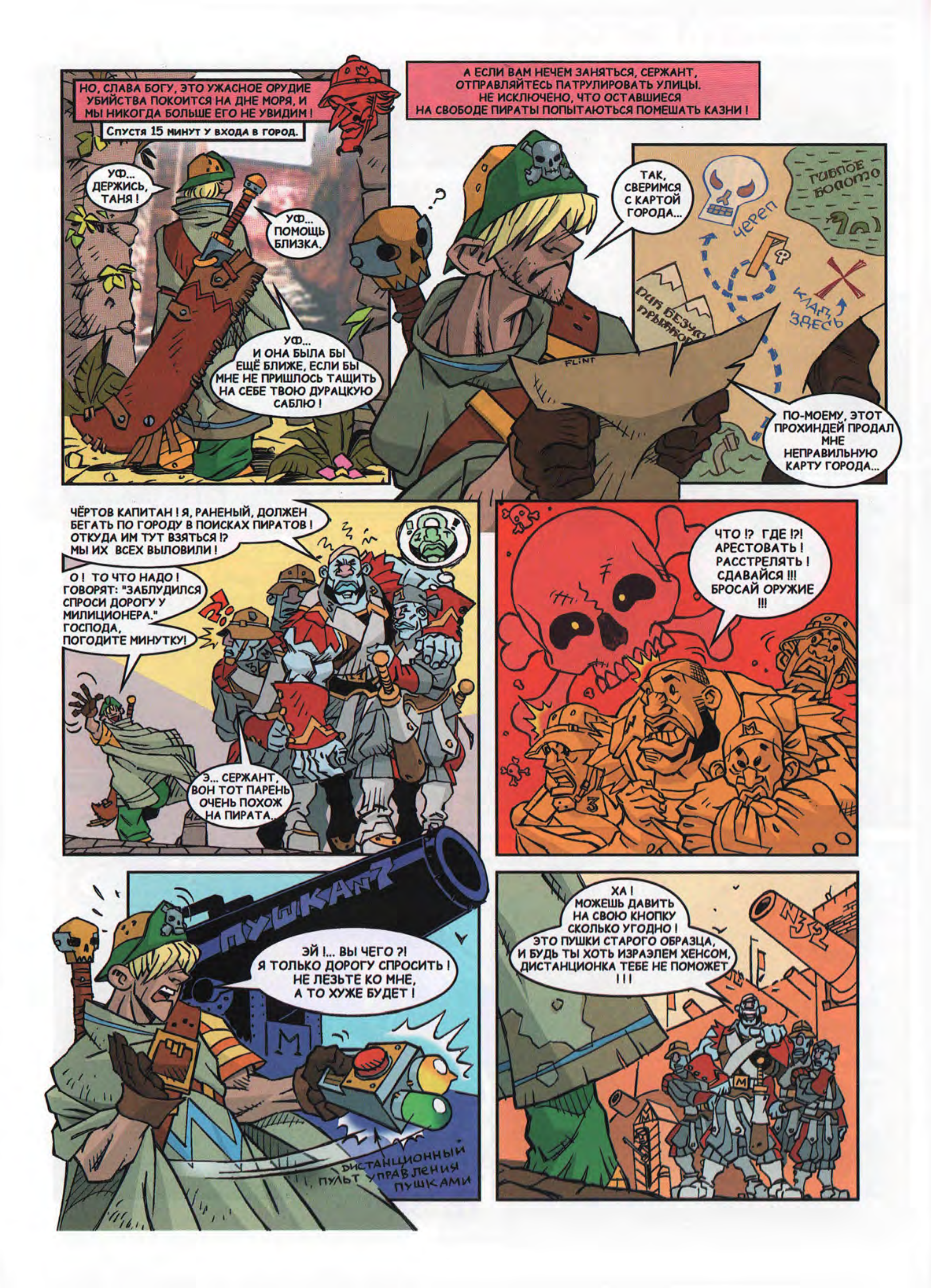

17 декабря 1719года на улицах города Навассы царило оживление. Пиратская флотилия адмирала Кракена была наконец разгромлена! А на сегодняшний вечер назначена казнь захваченных в плен пиратов.
Коротая оставшееся до казни время, все развлекались как могли.
В розыске
БАЦ
Городская стража играла в игру "избей пирата". Пираты, в свою очередь, увлечённо болели за своих.
БАЦ!
Впрочем, кое-кто в задних рядах упорно не хотел присоединиться к общему веселью.
ЭГЕЙ! БАБУИНОВЫ ДЕТИ, ЗАТКНИТЕСЬ, ДАЙТЕ ПОСПАТЬ !!!
БАЦ
БАЦ
ДА ЧТО У НИХ ТАМ ПРОИСХОДИТ ?!
НЕТ, ТАНЯ, ПОХОЖЕ, НЕ БОЛТАТЬСЯ ТЕБЕ НА ВИСЕЛИЦЕ СВЕЖЕЙ И ВЫСПАВШЕЙСЯ !
ТАБАК
НУ, КТО ТАМ ЕЩЁ СОМНЕВАЕТСЯ В СИЛЕ ПРАВО-ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ?
Поимкой одного из сильнейших капитанов адмирала Кракена, Тани Камагуэй, власти заслуженно гордились. Тем паче, что людоедов очень редко удаётся захватить живыми. А Таня Камагуэй была людоедом что надо.
ИТАК, ЧТО У НАС ЗДЕСЬ? НЕ ИНАЧЕ КАК ПОПЫТКА ЖАЛКОГО ВИНТИКА РЕПРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ВКРУТИТЬСЯ В СЛАВНУЮ ЗАДНИЦУ СВОБОДНОГО КАРИБСКОГО БРАТСТВА ?!
ПИРАТ
НАДЕРИ ИМ ЗАДНИЦУ!
МЫ ♡ ТАНЮ

Люди четверга
часть первая:
Хороший, плохой, злой.
НУ-КА, РЕБЯТА, ЗАГОНИТЕ ЭТУ САМКУ ЛЮДОЕДА ОБРАТНО В СТРОЙ! ПОЗЖЕ Я ПОБЕСЕДУЮ С НЕЙ ОТДЕЛЬНО.
ПОЛЕЖИТЕ-КА В СТОРОНКЕ, ПАРНИ, ПОКА Я БУДУ ОБСУЖДАТЬ С ВАШИМ СЕРЖАНТОМ ПРАВА ЗАКЛЮЧЁННЫХ.
БАЦ!
БАЦ!
БАЦ!
БАЦ!
Кроме свойственных людоеду силы и быстроты, Таня обладала выдающимися бойцовскими качествами...
ЛОВИ!
ХА! ПРО...
...МАЗАЛА.
БАЦ!
НА, ПОЛУЧИ!!!
КАЖЕТСЯ, МЫ ВОВРЕМЯ.
СТОИЛО ОСТАВИТЬ ВАС НА МИНУТКУ, СИНЬОРИТА КАМАГУЭЙ, И ВЫ УЖЕ ВСЁ ТУТ РАЗНЕСЛИ! СЛАВА ГОСПОДУ, УЖЕ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ВЫ БУДЕТЕ ТИХО ВИСЕТЬ У РАТУШИ. И МЫ ВСЕ НАКОНЕЦ ВЗДОХНЁМ СПОКОЙНО.
...Эти Танины особенности делали поединки с ней занятием опасным и быстротечным.
РАТУША?!
A, СЕРЖАНТ! ВЫ БЫСТРО ПРИШЛИ В СЕБЯ.
СИНЬОР КАПИТАН... Я... ЭТО...
ХВАТИТ! ПОДРОБНОСТИ ВАШЕГО ПОЗОРНОГО ПОРАЖЕНИЯ МЫ ОБСУДИМ ПОЗЖЕ!
НО, СИНЬОР КАПИТАН, ЭТА ЗВЕРЮГА ДРАЛАСЬ ГИРЕЙ! ЕСЛИ БЫ НЕ ЭТО, ТО Я БЫ...
ГИРЕЙ!!! ВЫ ИДИОТ, СЕРЖАНТ! СКАЖИТЕ СПАСИБО, ЧТО ВАМ НЕ ПРИШЛОСЬ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ЕЁ САБЛЕЙ!
IL BRUTTO

НО, СЛАВА БОГУ, ЭТО УЖАСНОЕ ОРУДИЕ УБИЙСТВА ПОКОИТСЯ НА ДНЕ МОРЯ, И МЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ ЕГО НЕ УВИДИМ !
А ЕСЛИ ВАМ НЕЧЕМ ЗАНЯТЬСЯ, СЕРЖАНТ, ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ ПАТРУЛИРОВАТЬ УЛИЦЫ. НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО ОСТАВШИЕСЯ НА СВОБОДЕ ПИРАТЫ ПОПЫТАЮТСЯ ПОМЕШАТЬ КАЗНИ !
Спустя 15 минут у входа в город.
УФ... ДЕРЖИСЬ, ТАНЯ !
УФ... ПОМОЩЬ БЛИЗКА.
УФ... И ОНА БЫЛА БЫ ЕЩЁ БЛИЖЕ, ЕСЛИ БЫ МНЕ НЕ ПРИШЛОСЬ ТАЩИТЬ НА СЕБЕ ТВОЮ ДУРАЦКУЮ САБЛЮ !
?
ТАК, СВЕРИМСЯ С КАРТОЙ ГОРОДА...
ГНИЛОЕ БОЛОТО
ЧЕРЕП
КЛАД ЗДЕСЬ
FLINT
ПО-МОЕМУ, ЭТОТ ПРОХИНДЕЙ ПРОДАЛ МНЕ НЕПРАВИЛЬНУЮ КАРТУ ГОРОДА...
ЧЁРТОВ КАПИТАН ! Я, РАНЕНЫЙ, ДОЛЖЕН БЕГАТЬ ПО ГОРОДУ В ПОИСКАХ ПИРАТОВ ! ОТКУДА ИМ ТУТ ВЗЯТЬСЯ !? МЫ ИХ ВСЕХ ВЫЛОВИЛИ !
О ! ТО ЧТО НАДО ! ГОВОРЯТ: "ЗАБЛУДИЛСЯ СПРОСИ ДОРОГУ У МИЛИЦИОНЕРА." ГОСПОДА, ПОГОДИТЕ МИНУТКУ!
Э... СЕРЖАНТ, ВОН ТОТ ПАРЕНЬ ОЧЕНЬ ПОХОЖ НА ПИРАТА.
ЧТО !? ГДЕ !?! АРЕСТОВАТЬ ! РАССТРЕЛЯТЬ ! СДАВАЙСЯ !!! БРОСАЙ ОРУЖИЕ !!!
ПУШКА №7
ЭЙ !... ВЫ ЧЕГО ?! Я ТОЛЬКО ДОРОГУ СПРОСИТЬ ! НЕ ЛЕЗЬТЕ КО МНЕ, А ТО ХУЖЕ БУДЕТ !
ДИСТАНЦИОННЫЙ ПУЛЬТ УПРАВЛЕНИЯ ПУШКАМИ
ХА ! МОЖЕШЬ ДАВИТЬ НА СВОЮ КНОПКУ СКОЛЬКО УГОДНО ! ЭТО ПУШКИ СТАРОГО ОБРАЗЦА, И БУДЬ ТЫ ХОТЬ ИЗРАЭЛЕМ ХЕНСОМ, ДИСТАНЦИОНКА ТЕБЕ НЕ ПОМОЖЕТ !!!
№32

БА-БАХ!
...Только из того, что стреляет. И он сильно не любит, когда в его профессиональных качествах кто-то сомневается.
БАЦ!
ВУУХХ
Он и был ИЗРАЭЛЕМ ХЕНСОМ.
Пушкарь с кракенского флагмана, лучший канонир во всей Вест-Индии.
Про него говорили, что он может выстрелить из чего угодно. это неправда...
СЕРЖАНТ !!! ВЫ КАК? СКАЖИТЕ ЧТО-НИБУДЬ !!!
ЯДРО I СОРТ
ГОСПОДИ ! КАК ОН ЭТО СДЕЛАЛ ?!
ВЕРНЁМСЯ К ТОМУ, НА ЧЁМ ОСТАНОВИЛИСЬ. НЕ ПОДСКАЖЕТЕ, ГДЕ СОСТОИТСЯ КАЗНЬ?
ЭТО ТАМ ! НА ГЛАВНОЙ ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ ! ПЕРЕД РАТУШЕЙ !
РАТУША ?!..
IL BUONO
В лучах заходящего солнца в город вступает Чёрный Четверг ! Неоправданно жестокий, немыслимо кровожадный, лучший капитан самого Кракена ! Смерть, разрушение и верный древний череп-Старый Друг, следуют за ним !
ЗАТКНИСЬ, СТАРИНА ! КРАКЕНА БОЛЬШЕ НЕТ. И НАМ НУЖНЫ НОВОСТИ, ПРЕСНАЯ ВОДА, ЖРАТВА И ПОПОЛНЕНИЕ КАМАНДЫ , А НЕ СМЕРТЬ И РАЗРУШЕНИЕ.

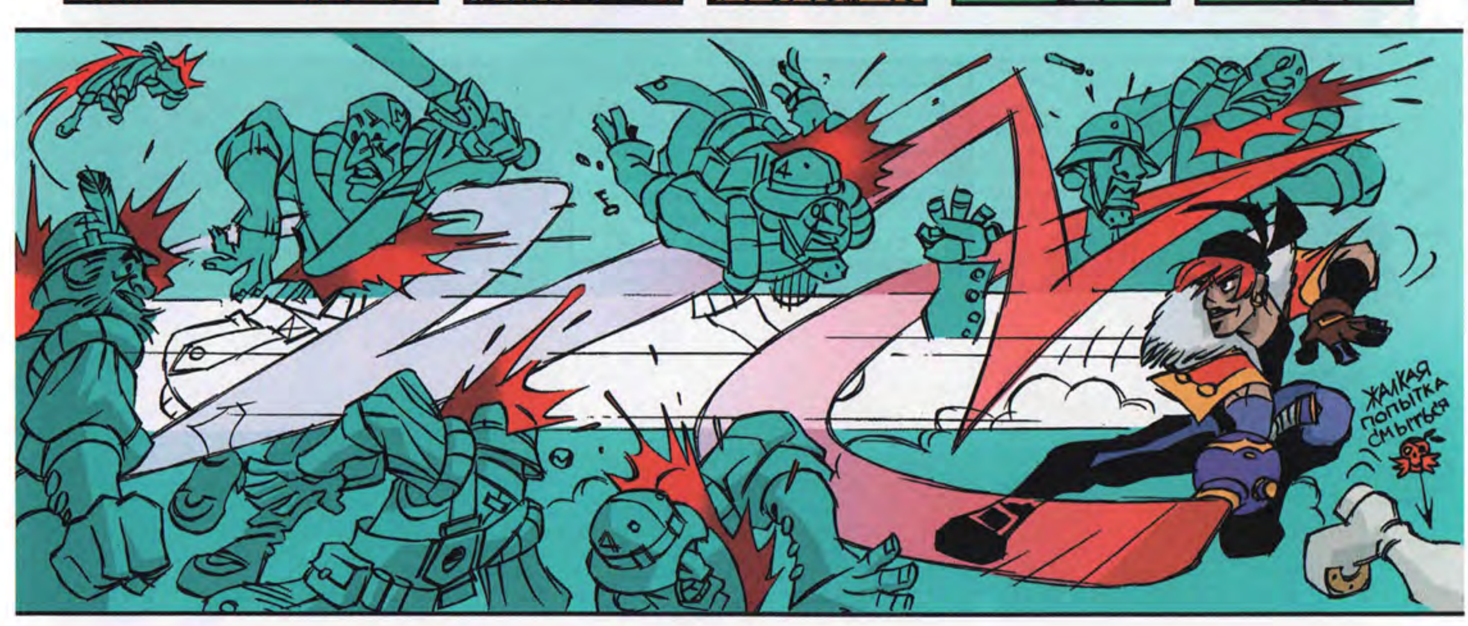

ГЛЯДИТЕ, РЕБЯТА, КАКАЯ РЫБКА ИДЁТ К НАМ В РУКИ!
ДА НИКАК ЭТО САМ ПРЕСЛОВУТЫЙ КАПИТАН ЧЕТВЕРГ!

КАКАЯ УДАЧА! А ВЫ ЕЩЁ ЖАЛЕЛИ, ЧТО НЕ ОСТАЛИСЬ С СЕРЖАНТОМ КОЛОШМАТИТЬ ПРИГОВОРЁННЫХ!
В РОЗЫСК
СНОВА-ЗДОРОВО! ПОХОЖЕ, ДРАКИ МНЕ СЕГОДНЯ ИЗБЕЖАТЬ НЕ УДАСТСЯ.
НУ ПОЧЕМУ ЖЕ? МОЖЕТ, ЕЩЁ И УДАСТСЯ...
ПОГОДИ-КА, Я СЕЙЧАС...

ЭЙ ВЫ, ПАРШИВЫЕ ДРЕССИРОВАННЫЕ КРЫСЫ! ЖИВО УБИРАЙТЕ СВОИ ОТВИСЛЫЕ ЗАДНИЦЫ ИЗ НАШЕГО ФАРВАТЕРА, ПОКА МЫ ВАМ ИХ НЕ НАДРАИЛИ!

У, ЧЁРТ!!!

АХ ВЫ!!!.. ДА МЫ ВАС!!!...

ВОТ ТЕПЕРЬ ТОЧНО НЕ УДАСТСЯ! НУ КТО ЕЩЁ ПОЗАБОТИТСЯ О ТВОЕЙ РЕПУТАЦИИ, ЕСЛИ НЕ Я!
НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!
КЛАЦ!

ЖАЛКАЯ ПОПЫТКА СМЫТЬСЯ

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ: "ВСТРЕЧА У РАТУШИ".

Ольга Кроу

Обмен опытом

Велс случайно зацепил рукавом стул, и тот стукнулся о край стола.

Керри зашикала на него:

— Нельзя ли потише? Ты как слон, еще Мастер проснется!

Иллюстрации: А. Липатов

Кажется, Фантом всерьез занялся орнитологией. В прошлый раз в сетях Всемирной Паутины была выловлена г-жа Сова, на этот раз попалась девушка — Ворон. Выпускаю и ее на просторы фэнтези, посмотрим, как она полетит...

Фантом

Кабинет учителя оказался пуст и тих, лишь на одной стене одиноко потрескивал факел. Стол Мастера был завален старыми книгами, мензурками и колбами. Сквозь цветные витражи лился лунный свет. Ученики, три юноши и девушка, на цыпочках с опаской вошли в комнату. То, что они собирались делать, было строжайше запрещено под страхом изгнания из школы.

Маги-подмастерья подошли к подставке для книг. Обычно на ней находился учебник Мастера, когда тот читал лекции. Сейчас подставка была пуста, и Жак аккуратно положил туда толстенный фолиант, найденный Керри в библиотеке. Написан он был на древнем языке, которым подмастерья овладели совсем недавно, и повествовал о старинных обрядах, в частности, о призыве и изгнании демонов.

Жак кивнул Велсу:

— Чертите знаки.

Надо сказать, что операции, описанные в этой книге, можно было проводить лишь в святом кругу с "вековыми иероглифами". Такой или похожий круг находился на полу в комнате Мафусаила Тилейского — попечителя учеников, жутко нервной и высокомерной особы. Керри не могла придумать ничего лучшего, кроме как ночью проникнуть в кабинет Мастера, когда тот спал, и дорисовать недостающие знаки.

Велс вытащил из-за пазухи кусок угля и с сомнением посмотрел на Керри:

— Ты уверена? Все-таки вызов духа — нешуточное дело.

Девушка утверждающе кивнула:

— Не бойся, специально для тебя мы вызовем совсем маленького демона, и ненадолго, вот увидишь!

— Ну, как хотите, — проворчал Велс и, присев на корточки, принялся срисовывать знаки, начертанные у него на ладони. Он был самым младшим в группе и самым робким — в отличие от заводной Керри, из которой так и сыпались сумасшедшие идеи.

Жак провел рукой по страницам и, нащупав закладку, раскрыл на нужном развороте. Он поморщился, пытаясь разобрать иероглифы:

— Джо, поди, посвети.

Третий юноша поднес запасенный заранее сухой факел к горящему на стене. Дерево вспыхнуло, и Джо вставил факел в подставку рядом с фолиантом:

— Так лучше?

— Угу, — Жак самозабвенно разглядывал строчки книги.

— Вот и все, — Велс поднялся на ноги, отряхивая руки.

Керри взглянула на знаки. Таинственные письмена были похожи на больных сколиозом червей. Девушка поморщилась:

— Ладно, сойдет. Всем занять свои места, — она встала на один знак, Велс и Джо — на два других.

Жак, оставаясь прямо перед подставкой, еще раз проглядел строчки и поднял глаза:

— Кровь! Мы забыли кровь!

— Не забыли, — Джо поставил в середину круга чашу с чем-то вязким, — сегодня свистнул с кухни. Чистая свиная.

— Угу, — довольно промычал Жак и вновь погрузился в фолиант, — ага, это, значит, так... Да начнется шабаш! — юноша резко вскинул руки к потолку.

— Не ори, — прошипела Керри, повторяя вместе с двумя другими учениками движение Жака.

Новоявленный шаман слегка смутился, но продолжил свое дело. Он начал раскачивать руками из стороны в сторону и нараспев повторять:

— Да начнется шабаш, шабаш... Да прибудет великий дух, дух... Пусть явится он пред нами, нами...

Жак вышел из-за подставки и, подойдя к чаше, окунул в кровь палец. Керри и остальные повторили за ним.

— Мы приносим тебе в жертву эту святую кровь животного. Прими этот дар, возьми душу зверя и явись на землю!

Керри с пафосом воскликнула:

— Прими дар!

— Возьми душу! — Джо с опаской покосился на девушку.

— Явись на землю! — умирающим голосом пропыхтел Велс.

Внезапно иероглифы на кругу вспыхнули ярко-белым светом. Компания с возгласоми изумления шарахнулась назад. Кровь в чаше заволновалась, потом закипела, из нее повалил едкий дым, который странно стелился по земле. В дыму возникли очертания какого-то зверька, и тут же демон, раскинув когтистые лапы, со стоном вылетел из чаши.

Прими дар!
Возьми душу!
Явись на землю!

Подмастерья ахнули. Дым моментально рассеялся, и дух уселся на край пустой чаши, облизываясь. С виду это существо напоминало летучую мышь, только с длинными лапами и ногами, похожими на уменьшенные тигриные. Непонятно поблескивая в свете огня, оно словно было отлито из стали. Голову украшали горящие глаза, клыки, торчащие из пасти, выкрученные в кренделя рога и подергивающиеся козлиные уши. За спиной чудовища были развернуты кожистые крылья, над головой покачивалась стрелка на конце хвоста.

Размером демон был не больше крысы, вставшей на задние лапы.

Дух зыркнул глазами и заговорил:

— Ха, давно я не ведал свининки... Я, демон из самых глубоких кошмаров человека, явился пред смертными людьми...

Керри только что словно отмерла и закричала с восхищением, указывая на демона одной рукой, а другой схватившись за щеку:

— Ой, мамочки, демон!! Настоящий!!!

Дух оборвал свой монолог и с изумлением воззрился на девушку. Велс, тем временем, тоже опомнился:

— Класс! Реальная горгулья!

Горгулий растерянно переводил взгляд с одного мага на другого:

— Так значит, вы не испугались?

Керри протянула руку к демону:

— Ой, какая лапочка! А можно потрогать?

Горгулий обиженно зашипел и подался вперед, норовя тяпнуть за палец:

— Я тебе не экспонат, чтобы трогать! — потом демон нахохлился, словно засыпающий ворон, закрыл лапами лицо... и затрясся от плача.

Подмастерья изумились еще больше горгулья. Они совсем осмелели и подошли поближе. Керри присела перед плачущим духом:

— Что случилось?

Демон открыл морду, по его щекам текли слезы:

— Все из-за вас, людей, из-за вас! Я бьюсь уже триста лет — и до сих пор не могу напугать даже крысы! Как я поступлю в училище, если туда пускают только демонов со стажем, которым напугать — раз плюнуть?! Я так и останусь недоросле-е-е-м!

Горгулий всхлипнул и вытер красные глаза краем крыла. Джо быстро наколдовал носовой платок и протянул демону. Тот охотно схватил его и принялся вытирать морду. Платок был раза в два больше крохи и вполне мог бы сгодиться ему вместо простыни.

Наконец, смачно высморкавшись, демон кинул платок на пол. Тот тут же рассыпался — заклинание было слабым. Дух с интересом посмотрел на Джо:

— Ловко ты колдуешь. Подмастерье?

Джо кивнул:

— Верно. А ты как догадался?

Горгулий бросил презрительный взгляд на знаки:

— Да кто же, кроме подмастерий, чертит такие... с позволения сказать, закорючки? Этот значок, — он кивнул на левое изображение, — должен быть посередине, а на его месте должен стоять этот, — дух указал на среднее.

— Но... ведь... — Жак был сражен.

— Почему, спрашиваешь, я появился? Во-первых, заклинание действительно-таки мощное. А во-вторых, его усилила кровь. Знаете, что применяют сейчас некоторые невежды? Томатный сок!

Демон опустился на четвереньки и по-собачьи поскреб задней лапой за ухом.

Жак пожал плечами:

— Кстати, а что надо делать дальше? Вот вызвали мы тебя, а потом что?

Демон выпрямился так быстро, что только чудом не шандарахнулся с края чаши, и дико посмотрел на мага. Тот лишь развел руками:

— Я всего лишь подмастерье.

Демон раскрыл рот, собираясь высказать несколько отборных и не самых ласковых слов в адрес магического обучения на земле, но промолчал. Потом он заговорил снова:

— Ясно все с вами. В общем, коротко говоря, вы могли, — демон принялся загибать пальцы, — продать душу, перейти под прикрытие Ада, изгнать демона, то бишь меня... — дух, скривив рот, скептически обвел взглядом магов, — ха, попробовали бы только... В общем, и так далее, и тому подобное.

— Слушай, — Керри встрепенулась, — а что умеют демоны с того света? Покажи нам свое искусство, а мы свое!

— Ну-у, я даже не знаю... — дух был польщен, — ну, например, это... А-а-а, мамочки, что я натворил!

Над дубовым столом учителя образовался маленький темный смерч. Он вертелся с огромной скоростью, со звоном расшвыривая мензурки и пробы. Самым примечательным была табличка, висевшая над карманным ураганом и гласившая “Уничтожитель Магических Вещей”

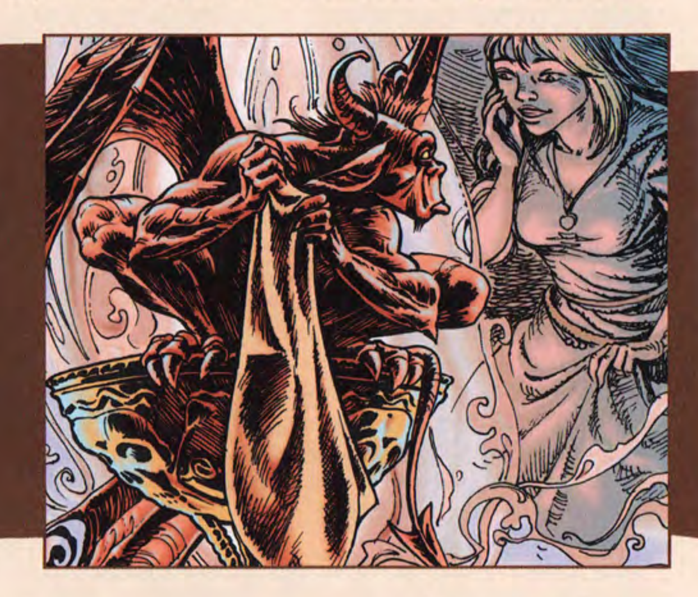
Дух взлетел с края чаши и рванул к своему детищу, отчаянно жестикулируя:

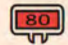
— Дьявол, я же здесь сейчас все испорчу!!

Подмастерья перепугались еще больше демона — ему-то что, а вот им крышка — Мастер не простит, если будет

Как я поступлю в училище, если туда пускают только демонов со стажем...

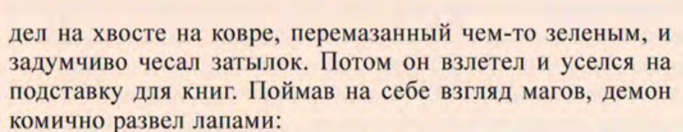

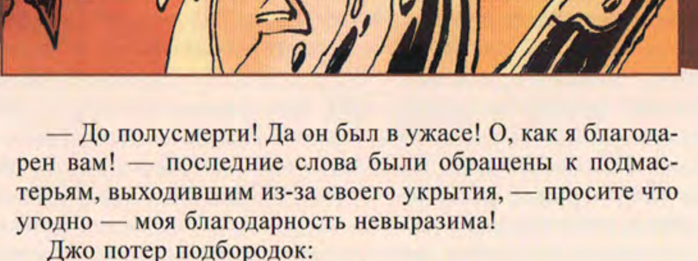
испорчена хоть одна смесь из его драгоценного арсенала сваров и эликсиров. Джо быстро пробормотал заклинание и словно что-то кинул на дубовый стол. В это мгновение раздался взрыв, и на ножке стола образовался ком какой-то дряни, которая со смачным чавканьем поползла к смерчу. Табличка над комом гласила “Уничтожитель Уничтожителя Магических Вещей”.

Ураган, заметив ползущую к нему грязь, истошно завопил и со скоростью звука заметался по комнате, захватывая в себя остатки колб, осколки и даже горгулья, не успевшего спланировать мимо. Керри закричала, испугавшись за демона, но тут из смерча высунулась когтистая лапа и принялась кидаться огненными шарами. Маги молниеносно смылись за шкаф, спасаясь от снарядов.

К тому времени, когда демон сумел попасть по грязи и смерчу, тем самым уничтожив их, дубовая подставка и ковер уже тлели, а со стола исчезли все предметы. Демон сидел на хвосте на ковре, перемазанный чем-то зеленым, и задумчиво чесал затылок. Потом он взлетел и уселся на подставку для книг. Поймав на себе взгляд магов, демон комично развел лапами:

— А я ведь еще даже не подмастерье...

— Что здесь происходит? — в дверном проеме показался Мастер, желчный старик в халате, ночном колпаке и пушистых тапочках в виде двух кроликов, — я отчетливо слышал шум...

Учитель только сейчас увидел демона и в ужасе воззрился на него. Тот в ответ усмехнулся.

— Бог мой! Горгулий!! — Мастер схватился за сердце и, теряя колпак, рухнул без сознания.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Подмастерья в шоке смотрели на неподвижного учителя, демон тоже недоуменно уставился на него.

Тишина продолжалась ровно секунду. Демон подскочил и завопил от радости:

— У меня получилось! Все вышло как надо! Он испугался меня, МЕНЯ! Училище теперь мое!

Он взлетел и, приземлившись рядом с лицом Мастера, внимательно посмотрел на учителя:

— До полусмерти! Да он был в ужасе! О, как я благодарен вам! — последние слова были обращены к подмастерьям, выходившим из-за своего укрытия, — просите что угодно — моя благодарность невыразима!

Джо потер подбородок:

— М-да, ну и влетит же нам.

Керри перевела взгляд с Мастера на горгулья:

— Слушай... Сделай так, что бы он ничего не помнил, ладно? А то, боюсь, ты нас больше никогда не увидишь.

— Да раз плюнуть! — демон махнул лапой, — я попрошу старших, и они все устроят. Ну что ж, давайте!

Демон взлетел и, пролетев два метра, растворился в воздухе.

Велс посмотрел на разгромленную лабораторию:

— Уборка предстоит огромная.

Керри отряхнула руки и тоскливо огляделась:

— И что? Скажи спасибо, что нам не придется объяснять мастеру, что причина погрома — демон-недоучка!

Первая публикация.
Публикуется с разрешения автора.

ВНИМАНИЕ!!!
В рубрике «Новости на грани Ф» скрывается небольшой подвох. Одна (но только одна!) из новостей — фальшивка, остальные — как бы фантастично они не звучали — самые настоящие. Первым трем читателям, которые вычислят фальшивую новость и пришлют правильный ответ (в анкете есть специальное поле для ответа) будет вручен специальный **Ф-ПРИЗ!!!**

ХОРОШИЙ СЕНАТОР — МЕРТВЫЙ СЕНАТОР

Мэл Карнахан, губернатор штата Миссури и кандидат в сенат США от демократов, победил на выборах 7 ноября. Правда, вот незадача — за три недели до этого Карнахан разбился в авиакатастрофе, когда в рамках избирательной кампании путешествовал по своему штату. Как говорится, "сгорел на работе". Однако это вовсе не помешало его избранию в Сенат, а только помогло! Нынешний губернатор Миссури Роджер Уилсон пообещал, что в случае избрания Карнахана его место в Сенате займет его вдова Джин. Г-жа Карнахан, в свою очередь, выступила с телеобращением, в котором объявила жителям Миссури, что они "все еще могут проголосовать за ее мужа". Эта история радикально изменила избирательную кампанию: если живой Карнахан до катастрофы отставал от республиканца Джон Эшкрофта, то после "сгорания на работе" покойник догнал и обогнал живого конкурента! Несмотря на чрезвычайно активную избирательную кампанию и поддержку Джорджа Буша-младшего, Эшкрофту так и не удалось вернуть свое преимущество перед конкурентом-мертвецом. Мораль: иногда лучше молчать, чем говорить.

РУЧКИ ШАЛОВЛИВЫЕ

Житель Новой Зеландии Клинт Хэллам, которому в 1998 году была проведена уникальная операция по пересадке руки, требует отрезать трансплантант. 50-летний Хэллам, потерявший правую руку 16 лет назад в результате несчастного случая, говорит, что чувствует себя с новой рукой большим инвалидом, чем до операции. Он заявляет, что не чувствует руку своей, стесняется ее. Трансплантант намного длиннее и больше его родной левой руки, к тому же она отличается от нее по цвету. "Когда я представил, что эта рука будет моей до конца жизни, я осознал, что лучше бы ее вовсе не было", — заявил пациент. Хирург, осуществивший операцию, заявил, что дал больному шанс начать новую жизнь, а тот не сумел им воспользоваться. Тем не менее, врач рассматривает возможность удовлетворить просьбу строптивого пациента.

СВЕЖУЮ КРОВЬ ЗАКАЗЫВАЛИ?

Последний из потомков графа Дракулы ищет работу в службе переливания крови в Великобритании. Сейчас Оттомар Рудольф Влад Дракула живет в своем замке в Германии. Там он подвергается опасности со стороны неонацистов, поэтому он решил переехать в Великобританию. Оттомар Рудольф полагает, что здесь он будет в безопасности и найдет работу в службе переливания крови. "Думаю, я смогу много сделать для этой службы в Великобритании. Первое, что я сделаю, — устрою рекламную акцию, которая убедит людей, как важно и нужно сдавать кровь", — сказал Влад Дракула. Действительно, уж кто-кто, а он-то должен знать, как это важно!

СТРИПТИЗ - ПРОБЛЕМА ДЛЯ ШПИОНА

Известно, что многие компании навязывают населению новые электронные устройства, пытаясь сделать их модными аксессуарами повседневной жизни. Однако далеко не все клюют на удочку такой моды. А некоторые вообще движутся в противоположном направлении. Так, недавно американку Джоди Кеттерман приговорили к ношению специального браслета на щиколотке, который должен был контролировать ее перемещения. Джоди находилась под следствием, и суд хотел быть уверенным, что она не сбежит из города. Однако женщина заявила, что не может носить браслет-шпион, так как это помешает ее работе — ведь она честная стриптизерша, которая должна раздеваться красиво и полностью! Суд согласился с этим профессиональным доводом и разрешил Джоди не носить браслет, а просто докладывать о себе ежедневно в полицию.

ЗАМРИ! ОТОМРИ!

Одно из излюбленных правонарушений рядовых жителей США — превышение скорости. Но и эту радость у американцев грозят отобрать. В штате Калифорния родился законопроект, согласно которому все автомобили в этом штате к 2004 году должны быть в обязательном порядке снабжены специальным устройством, которое позволяет полицейским дистанционно останавливать автомобиль. Само устройство работает достаточно просто: так же, как анти-радар в машине ловит луч полицейского радара и предупреждает водителя, блокиратор делает обратное: он останавливает автомобиль по лазерному сигналу полиции. Если законопроект пройдет, копы получат право в любой момент без какого-либо предупреждения останавливать автомобили лишь для того, чтобы убедиться в работоспособности блокиратора. Появятся изменения и в программе обучения вождению — будущему водителю придется научиться контролировать машину во время активации блокиратора. То-то будет ему весело, когда он мчится на ста милях в час — и тут его резко останавливают!

ПОЛНЫЙ КОНТАКТ

Очки с виртуалкой — штука, конечно, забавная. Однако далеко не все люди (особенно женщины) согласны вешать на голову громоздкие приспособления, которые сильно портят внешний вид. Но похоже, найдено решение и этой проблемы. На токийской выставке CEATEC 2000 исследователи из Sony продемонстрировали компьютерные дисплеи в виде контактных линз. Как и обычные пластиковые линзы, маленькие гибкие экранчики наклеиваются прямо на роговицу глаза. Степень прозрачности линз может варьироваться: на "холостом ходу" они совершенно прозрачны, а при включении могут стать полупрозрачными или полностью перейти в режим отображения "только виртуального" мира. Преимущества новинки очевидны: дисплеи-контакты незаметны для других людей, зато для самого пользователя создают полную стереоскопическую виртуальность. Sony пока не разглашает наиболее интересный вопрос — каким образом осуществляется беспроводная связь между линзами и компьютерной приставкой-передатчиком, который, как было продемонстрировано на выставке, представляет собой коробочку не больше мобильного телефона и "просто кладется в карман". Однако, если так пойдет и дальше, виртуальную реальность станет все сложнее отличать от реальной. И увидев нечто необычное, будешь долго мучиться вопросом — "а снял ли я вчера контактные линзы"?

ПЛАЧУЩЕЕ НЕБО ПОД НОГАМИ

В Лондоне начинается тестирование мостовой, поедающей вредные автомобильные выхлопы. Технология, уже испытанная в японском городе Осака, разработана компанией Mitsubishi Materials. Дорожное покрытие на свету абсорбирует оксиды азота из атмосферы, разбивая их на безвредные составляющие — кислород и азот. Если тесты в Вестминстере окажутся успешными, это даст лондонским властям хороший способ сократить загазованность города без больших затрат, а также без траты времени на борьбу с индивидуальными водителями и компаниями. Вице-президент транспортного комитета Совета Вестминстера уже выразил надежду, что тесты пройдут успешно, и поедающая выхлопы мостовая покроет не только дороги Лондона, но и все остальные английские дороги. Остается надеяться еще и на то, что эта мостовая не будет есть чего-нибудь еще — к примеру, колеса машин и подошвы ботинок.

КТО СИДЕЛ НА МОЕМ СТУЛЕ?

Американские компьютерные специалисты изобрели "умное" кресло, снабженное огромным количеством датчиков и способное анализировать, как ведет себя севший в него человек. В ходе экспериментов, кресло с 96% вероятностью определяло позу, в которой в него садились люди: была ли это полная расслабленность, скрещенные ноги, наклон вперед или что-то другое. Кроме того, кресло можно запрограммировать так, чтобы оно должным образом реагировало на позы. К примеру, оно может подать сигнал тревоги, если его хозяин сидит в нем слишком сгорбившись. А может и вообще выкинуть сидящего в нем человека, если тот не является его хозяином.

БЕРЕГИТЕСЬ ПЫЛЕСОСА

Вы куда-то уезжаете и боитесь оставлять дома свою кошку / жену / коллекцию марок без присмотра? Компания Probotics из Питтсбурга (Пенсильвания) предлагает свое решение проблемы. Это персональный домашний робот-шпион Cye, в оригинале разработанный как робот-пылесос. Он имеет встроенную видеокамеру, с помощью которой вы можете присматривать за квартирой из любого интернет-кафе в любом другом городе. Радиолиния на 900 МГц связывает двухколесного дроида-шпиона с вашим персональным компьютером, а через него — с web-сервером. Зайдя на сайт, вы можете управлять передвижением робота по дому. А если в вашей квартире присматривать не за чем — что ж, можно направить шпиона под видом заблудившегося пылесоса прямо в спальню соседей!

КИНО ДЛЯ ПИНГВИНОВ

Группа британских ученых отправляется на Фолклендские острова, расположенные рядом с Аргентиной, чтобы проверить сообщения английских летчиков о необычной реакции пингвинов на самолеты. Летчики утверждают, что по мере приближения самолета любопытные птицы поднимают головы выше и выше, пока не теряют баланс и шлепаются на спину. Сверху это выглядит так, словно на землю выкладывают домино. По мнению исследователей, пингвины рискуют стать жертвой собственного любопытства — подобные падения могут негативно сказаться на их процессе размножения. Некоторые защитники окружающей среды уже требуют ограничить количество полетов. Исследователи из British Antarctic Survey планируют провести месяц на корабле Endurance у Фолклендских островов. Два вертолета будут летать над колониями пингвинов под различными углами и на различных высотах, чтобы проверить реакцию птиц.

ДЕПРЕССИЯ? ПОЛУЧИ ЭЛЕКТРОШОК!

Исследователи из Медицинского центра при Питтсбургском университете США приступили к проведению уникального эксперимента по тестированию электронного антидепрессанта. Как известно, не все случаи психического расстройства поддаются медикаментозному лечению, и выводить таких пациентов из депрессии приходится при помощи электрошока. Однако тут бывают побочные эффекты — частичная потеря памяти, к примеру. Дабы облегчить страдания больных, был создан более "мягкий" вариант электрошока — NeuroCybernetics Prosthesis (Нейро-Кибернетический Протез). Устройство имплантируется в верхнюю часть грудной клетки, подключается особым гибким контактом к рассеянному нерву в области шеи. Время от времени НКП генерирует слабые электрические сигналы, передаваемые нервом в мозг пациента. В ходе тестирования НКП будет имплантирован 30 пациентам, результаты 3-месячного наблюдения за состоянием которых позже лягут в основу отчета для Управления по питанию и лекарственным препаратам США (FDA). После этого устройство может быть рекомендовано к широкому применению.

ПОЮЩИЕ В ТЕРНОВНИКЕ

Оказывается, певчие птицы репетируют свои мелодии, напевая их во сне. Исследуя электрическую активность мозга австралийских зебровых амадин, ученые из Чикагского университета обнаружили, что возбуждение нейронов спящих птиц "рисует" те же паттерны, которые получаются, когда птица не спит, а поет. Исследователи полагают, что молодые птицы слушают песни взрослых и копируют их, запоминая, а затем "прокручивают" их во сне, как бы репетируя. По мнению ученых, такие функции сна могут быть характерны и для других существ. В частности, исследование дает новые ключи к пониманию того, как люди учатся говорить. Правда, поющие во сне люди — большая редкость. А вот кричащие встречаются. Остается только гадать, что они там репетируют.

ИИСУС ХРИСТОС, ВЕРИЯ 2.0

Представители 14 христианских конфессий США разработали научный проект "Второе пришествие". Этот проект является попыткой "клонировать" Иисуса Христа. Энтузиасты собираются возродить Иисуса и выяснить, способен ли Он творить все те чудеса, о которых рассказывается в Новом Завете. Проект предполагает, пишет газета, что эмбрион, созданный путем клонирования из клеток Иисуса, будет помещен в утробу молодой девственницы, которая его выносит. Экспериментальное рождение Христа намечено на 25 декабря 2001 года. Авторы проекта "Второе пришествие" надеются получить небольшой образец ДНК Христа от одной из христианских реликвий, которая считается частичкой тела Иисуса. Главное — не ошибиться: ведь известно, что в мире существует гораздо больше мощей, чем святых.

КОПАТЬ БУДЕМ ЗДЕСЬ!

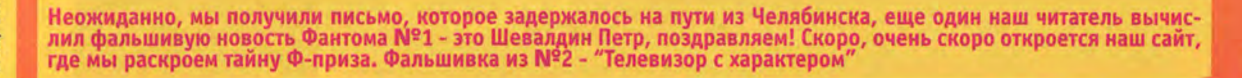
Хорошо известна любовь землекопов к свежепроложенным дорогам. Не успеет остыть асфальт, а его уже взламывают отбойными молотками, чтобы проложить кабели или трубы. Причем иногда взламывают дважды или трижды, потому что промахиваются. А вот министерство торговли Великобритании собирается снизить расходы на такие ошибки, выдавая рабочим специальные очки, с помощью которых они будут "видеть сквозь землю" трубы и кабели. С портативного компьютера на стекла таких очков транслируется картинка с планом подземных коммуникаций. Очки выполнены из полупрозрачного материала, что позволяет совмещать виртуальную картинку с реальной. Подобная технология уже используется британскими хирургами — которые, говорят, тоже частенько раскапывают не там, где надо.

СЕКС В КОСМОСЕ: ИЩИТЕ ТРЕТЬЕГО

Секс в невесомости частенько преподносится фантастами как нечто "улетное". Однако оказывается, что заставить два тела слиться в экстазе в условиях, когда оба они свободно летают по комнате — дело не из легких. Бывший консультант NASA Хэрри Стайн в своей книге "Жизнь в Космосе" утверждает, что сексуальные контакты в невесомости моделировались в специальном симуляторе невесомости в центре подготовки астронавтов в Алабаме. По словам Стайна, заниматься невесомым сексом оказалось очень сложно. Хотя и не невозможно — выяснилось, что все получается гораздо лучше, если в процессе участвует третий человек, который помогает парочке, крепко держа одного из влюбленных.

ЕСЛИ ЧЕРНЫЙ КОТ ДОРОГУ ПЕРЕЙДЕТ

Предрассудки по поводу черных кошек, приносящих неудачу, оказались небезосновательны. Шахзад Хуссейн и его коллеги и Long Island College Hospital в Нью-Йорке попросили 321 человека, страдающего аллергией, описать их кошек и симптомы аллергии. Оказалось, что пациенты, у которых темные кошки, в четыре раза чаще испытывают сильные аллергические симптомы, по сравнению с теми людьми, у кого кошки светлые. Правда, если задуматься, тут возможна и совсем противоположная трактовка — может, это сами черные кошки из врожденной доброты выбирают себе более больных хозяев?

Неожиданно, мы получили письмо, которое задержалось на пути из Челябинска, еще один наш читатель вычислил фальшивую новость Фантома №1 - это Шевалдин Петр, поздравляем! Скоро, очень скоро откроется наш сайт, где мы раскроем тайну Ф-приза. Фальшивка из №2 - "Телевизор с характером"

По материалам: New Scientist, Reuters, BBC, Ananova, Register, Guardian, CNet, Lenta.Ru, NTV.Ru, Компьютерра, Аккумулятор Новостей

А. Липатов

Путешествие Калеба (Змеиный храм)

Держись крепче!
Ну, мышонок, милый, не подведи!!!
За ними! если их скакун перепрыгнул там с двойным грузом...
...то мы, тем более, сможем!..
ТРРАХ

ПРОКЛЯТИЕ! ЭТОТ ИДИОТ ДОПРЫГАЛСЯ...

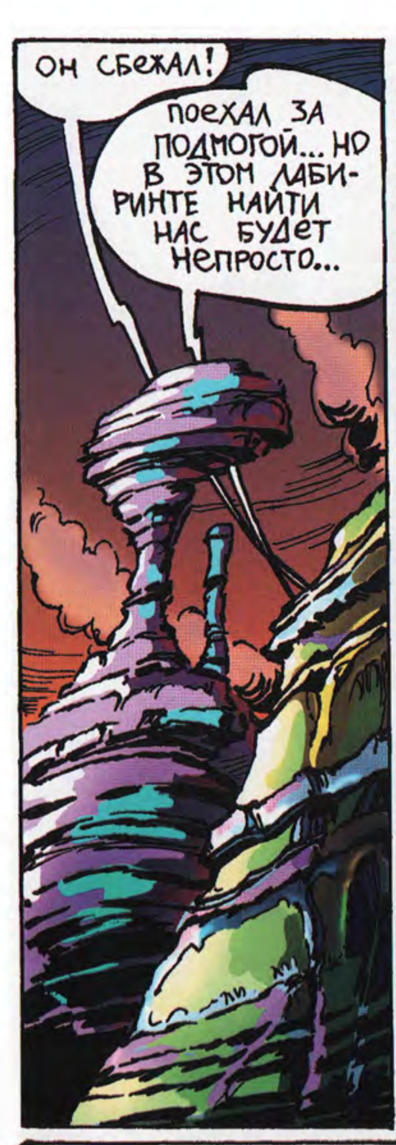

ЭЙ, РОГАТЫЕ! ДА ЭТИ ВАШИ ТЯЖЕЛОВОЗЫ ЧЕРЕЗ УЖА НЕ ПЕРЕПРЫГНУТ, ГДЕ ВАМ СОРЕВНОВАТЬСЯ С МОИМ МЫШОНКОМ!

НУ, ВСЁ, ЩЕНОК, ТЕБЕ КОНЕЦ!!!

...В ЭТУ ИГРУ МОЖНО ИГРАТЬ ВДВОЁМ!
ФЬЮИТЬ

АААХХ

МЫ ЕЩЁ ВСТРЕТИМСЯ! МЯСНИК НЕ ДАСТ ВАМ УЙТИ!!

ОН СБЕЖАЛ!
ПОЕХАЛ ЗА ПОДМОГОЙ... НО В ЭТОМ ЛАБИРИНТЕ НАЙТИ НАС БУДЕТ НЕПРОСТО...

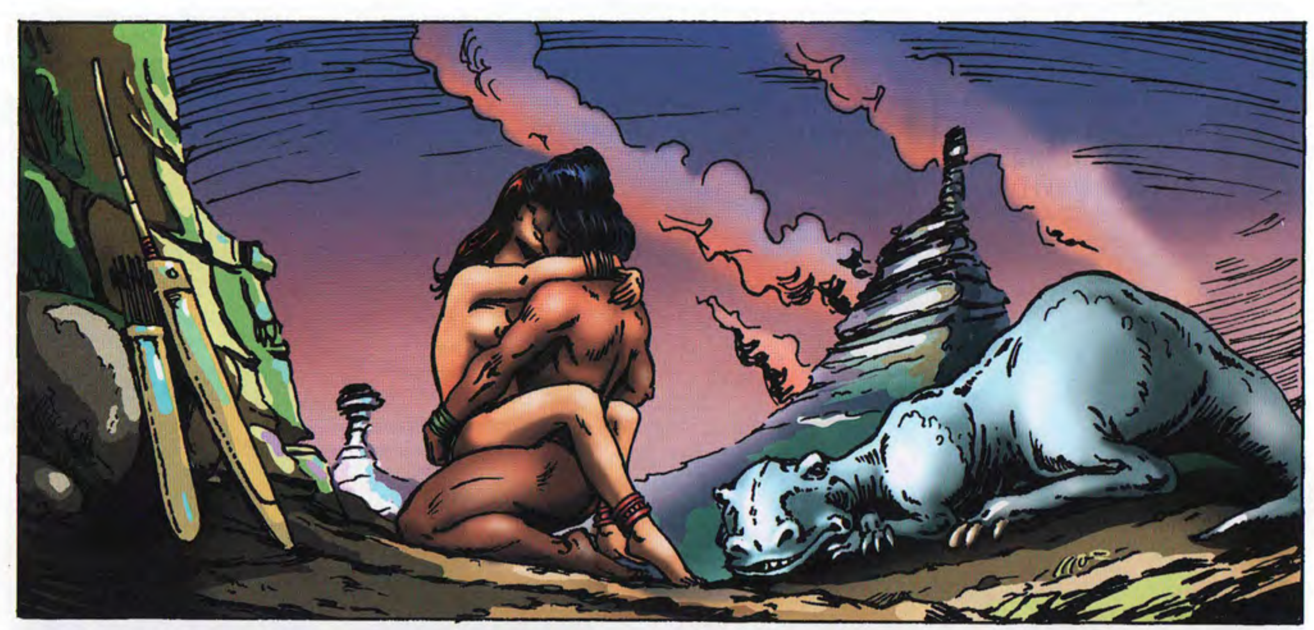

СЛУШАЙ, КАЛЕБ, А ПОЧЕМУ ТЫ ЗОВЁШЬ СВОЕГО ЯЩЕРА МЫШОНКОМ?
ОЧЕНЬ ПОХОЖ: СЕРЫЙ, ХВОСТАТЫЙ И МОЖЕТ СОЖРАТЬ ВСЕ ЧТО УГОДНО...

НЕ ХОЧЕШЬ РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ, ЛАМИ? Я УБИЛ ЧЕТВЕРЫХ... НЕТ, УЖЕ ШЕСТЕРЫХ, ЧТОБЫ СПАСТИ ТЕБЯ ОТ МЯСНИКА, НО ПОКА УЗНАЛ ТОЛЬКО ТВОЕ ИМЯ...

НА САМОМ ДЕЛЕ Я — ПРИНЦЕССА, ДОЧЬ КОРОЛЯ АРГИСА. МЕНЯ ХОТЕЛИ ВЫДАТЬ ЗАМУЖ ПРОТИВ МОЕЙ ВОЛИ, Я СБЕЖАЛА И ПОПАЛА В ЛАПЫ МЯСНИКУ.

ХА ХА ХА! И ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я В ЭТО ПОВЕРИЛ?
А КАКАЯ ТЕБЕ РАЗНИЦА?

В САМОМ ДЕЛЕ... КАКАЯ РАЗНИЦА?

...А В ЭТО ВРЕМЯ
...ТО ЕСТЬ, ТЫ УПУСТИЛ ЕГО, ПОТЕРЯЛ ДВУХ ЧЕЛОВЕК...

...И ЕЩЁ ИМЕЛ НАГЛОСТЬ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД?
Я ВИНОВАТ, МЯСНИК, НО...

РАЗУМЕЕТСЯ, ТЫ ВИНОВАТ! ПОНЕСЕШЬ НАКАЗАНИЕ!

ЗЛАНГ!

А ЭТОТ КАЛЕБ СКОРО БУДЕТ ГРЕТЬСЯ НА СОЛНЦЕ С СОДРАННОЙ КОЖЕЙ, ИЛИ Я НЕ МЯСНИК!!!

В ТАКИХ СЛУЧАЯХ ЗОВИ НЕ МЕНЯ, А МЫШОНКА, ОН ЗМЕЙ ЛЮБИТ...

Почему с самого утра вокруг нет ничего живого?
ГАРРР!!
Ты немного ошиблась... но мне здесь тоже не по себе!..
...не знал что здесь есть дорога; куда она ведёт?
7

КАЖЕТСЯ, Я ЗНАЮ, ГДЕ МЫ. ЭТО ПОХОЖЕ НА ТЕОКУЧИКУ, ВЕЛИКИЙ ЗМЕИНЫЙ ХРАМ...
...ТЫ НЕ ОШИБЛАСЬ, МИЛАЯ ДЕВУШКА...
ЭТО ЕЩЁ КТО?!

Виталий Просперо

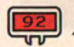
Красное и серое

Эта луна выводит меня из себя. Я стараюсь не смотреть на нее, но она вновь и вновь манит к себе мой взор. Просто напасть какая-то. Даже жутко немного. Я слышала, что именно в полнолуние могут происходить ужасные вещи. Одно лишь хорошо в полнолуние — то, что дорога освещена. Это тем более хорошо, если идешь по ночному лесу.

Иллюстрации: А. Велитов

Я, помнится, обещал найти еще сказок-перевертышей. Но разве я утверждал, что все они будут добрыми...

Фантом

Да, я задержалась. Ночь застала меня на полдороге к дому. Бедная моя матушка. Она, наверное, места себе не находит. Боже, а вдруг меня уже ищут по всей округе? Вдруг вся деревня вышла с факелами на лесную дорогу, кричат, аукают. И неудивительно, ведь в последнее время все они пребывают в жутком страхе. Страхе за свою жизнь и жизни своих близких. Говорят, что в нашем лесу завелся страшный зверь, похожий на огромного волка.

А началось все ровно два месяца назад в такую же вот лунную ночь с соседского мальчишки, с Пьера. Ах, Пьер, Пьер, он всегда был такой задира. Да, был... Его останки нашли в лесу. Бедный Пьер! Сейчас мне даже как-то не хватает всех его злых шуточек, его мелких пакостей и проделок. Ведь, в сущности, он был очень добрым мальчиком. Да, бедный, бедный Пьер...

А всего через пару дней такая же участь постигла Колетту. Колетта... Конечно, отчасти она виновата сама, моя бедная Колетта, виноваты ее самоуверенность и заносчивость. Она всегда была такой. Я до сих пор вспоминаю то злосчастное мгновение, ее лицо, ее черные волосы под белым чепцом, ее холодные голубые глаза и ее вздернутый носик, когда она сказала нам, своим подругам, что ничего и никого не боится и пошла в сторону леса с гордо поднятой головой. Нам надо было тогда ее остановить, может быть даже силой, хотя вряд ли она послушала бы нас. К чести ее, надо сказать, что она не сдавалась без боя, она бежала изо всех сил, потому что зверь настиг ее уже за пределами леса, совсем близко от деревни. Тогда-то его и приметили наши лесорубы. Они побежали с топорами на выручку, но бедную Колетту спасти так и не удалось. Но зверя они все же вспугнули, он не успел растерзать свою жертву и убежал в лес. Ах, Колетта, бедная глупая девчонка!

Но окончательно страх закрался в наши души после гибели Поля, одного из наших лесорубов. А ведь это был очень сильный мужчина, почти исполинского роста. Говорят, он всего лишь отошел по нужде, немного отстав от остальных, когда они все вместе возвращались в деревню. Через несколько минут товарищи услышали его прерывистый крик. Потом долго искали его среди деревьев, и нашли с перегрызенной шеей, скорее всего зверь напал на него сзади. Были и другие жертвы...

До дома еще достаточно далеко. Мне становится по-настоящему страшно. У меня озноб. Может быть, просто похолодало? Почему матушка отпустила меня одну в лес? А она и не хотела меня отпускать. Более того, как только она меня не уговаривала, запрещала, умоляла, пугала, угрожала. Но я все-таки ушла наперекор ее воле. Бедная моя матушка. Какая же я все-таки своенравная и непослушная дочь. А еще осуждала Колетту, а сама... Хотя с другой стороны, кто-то должен был навестить бабушку. Ведь она так часто болеет в последнее время. Нельзя оставлять ее надолго одну.

Почему она не живет с нами? Нет, она не согласится никогда. Вот от кого я унаследовала гордость и упрямство, от нее, от своей милой бабушки. Что же делать, если они не выносят друг друга, моя матушка и матушка моего покойного отца. Еще когда он был жив, бабушка поклялась, что не переступит порог нашего дома и не будет разговаривать ни с сыном, ни с невесткой. В чем была причина их ссоры, я не знаю, да она, наверное, и сама уже не помнит. Хотя нет, она помнит... Впрочем, это неважно. Важно то, что я оказалась единственным связующим звеном, посредником между бабушкой и родителями. Только со мной она разговаривала, спрашивала, как дела в деревне...

Нет, у меня действительно озноб. И тяжесть какая-то в ногах. Идти становится все труднее и труднее...

Матушка со слезами дала мне в дорогу корзинку с едой и посоветовала надеть красную шапку. Говорят, звери боятся красного цвета, он отпугивает их. Возможно, так оно и есть, но только при условии, что на дворе день. А ночью... Ночью все кошки серы. И шапки тоже.

Я сегодня слишком долго засиделась у бабушки. Ведь ей так одиноко, она совсем, совсем одна, ей не с кем даже словом перекинуться. И в этот вечер мы с ней очень долго разговаривали. В том числе и обо всех тех ужасах, что творятся у нас в округе, обо всех несчастных жертвах, и о нем, об этом звере. Бабушка выслушала меня, а потом сказала, что это не просто волк. Это оборотень. Она еще

сказала, что во времена ее молодости было нечто подобное, только жертв было не так много, как сейчас. Тогда этот волк-оборотень проявил себя лишь раз... Бабушка не договорила. Она посмотрела в окно и, увидев, что начинает темнеть, всплеснула руками и заторопила меня в дорогу. Ах, ну почему же я не осталась ночевать у нее? Но она мне не предлагала, и я тоже не напрашивалась. А самое главное — меня ведь ждала матушка. Я уже давно должна была быть дома, нельзя же оставлять матушку до следующего утра в полной неизвестности, когда вокруг творятся такие вещи.

Осталось совсем немного. Сейчас я уже приближаюсь к выходу из леса. Еще немного, откроется лужайка и будет видна наша деревня и наш дом почти на самой окраине.

Но почему же мне все хуже и хуже, страх сковывает мои движения. Жуткий, невыразимый страх. Я чувствую нечто ужасное, оно приближается ко мне. Оно совсем близко от меня, оно следит за мной и, возможно, ждет под-

ходящего момента, чтобы наброситься на меня. Я не вижу его, не слышу, но я чувствую приближение ЗВЕРЯ. Он идет по моим следам, как тень, он настигнет меня...

На одно мгновение я останавливаюсь, оборачиваюсь назад, вглядываясь в полумрак, а потом бегу, бегу что есть сил... Мне удалось преодолеть оцепенение. Я уже миновала черту леса, я бегу по лугу, освещенному полной луной, по серебристо-серой траве. Именно здесь зверь тогда настиг бедную Колетту. Но что это? Я вижу впереди какую-то фигуру. Неужели зверь обогнал меня и ждет впереди?!

Нет, благодарение богу, похоже, это человек. Бросаюсь к нему из последних сил.

— Кто напугал тебя, дитя мое?

Это наш молодой кюре, приехавший к нам всего пару месяцев назад на смену старому священнику, который скоропостижно скончался. Но что же могло привести его в такую пору сюда? Не время сейчас думать об этом!

— Спасите меня, господин кюре!

— Что случилось?

— Зверь... Зверь преследует меня. Он настигнет меня. Уже почти настиг.

— Дитя мое, пойдем скорее, я отведу тебя домой.

— Нет! Мне не спастись от него нигде! Господин кюре, избавьте меня от него. Вы можете это сделать. Только вы!

— Но как, дитя мое? У меня с собой нет никакого оружия. Нам остается только поскорее покинуть это место и молиться о спасении.

— Вот-вот, господин кюре, молиться! Именно молиться! Это и есть наше оружие.

— Хорошо-хорошо, но все же сначала уйдем отсюда поскорее. — В его глазах теперь я прочла страх, даже больший, чем у меня самой.

— Ах, святой отец, вы ничего, ничего не понимаете...

— Так объясни мне, дитя мое, что ты хочешь мне рассказать.

— Поздно... Он победил ... и на этот раз, — я закрыла лицо руками, я почувствовала, что ЗВЕРЬ совсем рядом, у меня за спиной, ему осталось сделать всего один прыжок... И вот он взметнулся надо мной, раскинув огромные серые мохнатые лапы и мое сознание опрокинулось во тьму... в серую тьму...

Первое, что я увидела, был красный проблеск рассвета на сумеречном небе.

Навстречу мне выбежал перепуганный охотник.

— Что с тобой случилось, девочка? Ты ранена? Зверь напал на тебя?

— Что? Какой зверь? Почему зверь? — равнодушно произнесла я механическим голосом. Он посмотрел на меня с недоумением.

— Ты... Ты вся в крови, девочка.

— Да? — я оглядела себя. Да, действительно, и фартук, и платье были забрызганы кровью.

— Ты, кажется, в шоке, бедная девочка. Придется проводить тебя до дома. Нельзя же оставлять тебя одну в таком состоянии, — он обернулся в сторону леса и вздохнул, — а с этим зверем придется разобраться в другой раз.

— Да... В другой раз... Обязательно разберемся, — ответила я ему тем же голосом и, пошатываясь, побрела в сторону деревни.

Охотник молча последовал за мной. Да, пусть он проводит меня до дома, боюсь я сама не дойду. Дома... Матушка обязательно спросит, откуда у меня кровь, если я не ранена. Что же мне ей сказать? Я обернулась и мельком посмотрела на охотника. Идет за мной, заботливо следит, чтобы я не упала. Да, Жан — он добрая душа.

Я придумала! Скажу матушке, что встретила в лесу раненого охотника, которого покусал дикий зверь...

Я обернулась еще раз. Наверное, в этот момент в моем взгляде было что-то странное, потому что он посмотрел на меня как-то... с опаской, что ли...

Да, я придумала. Скажу матушке, что встретила раненого охотника, которого покусал дикий зверь... Что я старалась ему помочь, но он... он умер у меня на руках. Да, именно так я и скажу.

Первая публикация.

СПАСИБО ВСЕМ, КТО ОТВЕТИЛ НА НАШИ ПРЕДЫДУЩИЕ ВОПРОСЫ.
ВЫ НАМ ОЧЕНЬ ПОМОГАЕТЕ.
ЧИТАЯ ВАШИ ПИСЬМА И ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ, МЫ ПОСТЕПЕННО НАЧИНАЕМ ПРЕДСТАВЛЯТЬ СЕБЕ, КТО НАШ ЧИТАТЕЛЬ. А ЭТО, ПОВЕРЬ, ОЧЕНЬ ВАЖНО.
\ОТ ЭТОГО ЗАВИСИТ И ПОДБОР ТЕКСТОВ, И ОФОРМЛЕНИЕ ЖУРНАЛА.
ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОСЫ МОЖНО ПО ПОЧТЕ ИЛИ ПО Е-МЕЙЛУ (FANTOM@FANTOM.RU).

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРЕН,
ФАНТОМ.

АНКЕТА

Откуда впервые ты узнал о журнале Фантом?

- ☐- увидел в книжном киоске
- ☐- услышал по радио
- ☐- прочитал рекламу в каком-то журнале
- ☐- получил листовку с информацией

Стоит ли печатать в Фантоме крупные вещи с продолжением?

- ☐- да, если они действительно интересные
- ☐- может быть, но очень редко
- ☐- ни в коем случае

Какой писатель - твой самый любимый?

- ☐- из русских, это________________________________
- ☐- из иностранных, это____________________________

Какие журналы ты читаешь?

- ☐- компьютерные (например PC Magazine, Мир ПК, Страна Игр...)
- ☐- автомобильные (Авторевю, За рулем...)
- ☐- женские (Космополитен, Elle, Базар..)
- ☐- мужские (Man's Helth, Медведь, Playboy...)
- ☐- познавательные (Гео, Техника - молодежи...)
- ☐- развлекательные (Афиша, Караван...)
- ☐- музыкальные (Неон, Свистопляс...)
- ☐- политичесие (Итоги, Деньги, Власть...)
- ☐- добавь свой вариант___________________________

Сколько покупаешь журналов в месяц?

- ☐- не покупаю
- ☐- не более одного
- ☐- 2-3
- ☐- более 3

Кем ты работаешь?

- ☐- руководитель
- ☐- менеджер
- ☐- инженер
- ☐- еще учусь
- ☐- рабочий/крестьянин
- ☐- научный работник
- ☐- преподаватель
- ☐- другое

Твой возраст? ☐ - до 17 ☐ - 18 - 23 ☐ - 24-30 ☐ - старше 30

ЧИТАЙТЕ В ДЕКАБРЕ

